

ЗДРАВЫЙ РАЗУМЪ

ИЛИ

РАЗСУЖДЕНІЯ

О

БЫТІЮ БОЖІЕМЪ, СТАНІЮ ЧОВЪ-
ЧЕСКОМЪ, ДУШИ, И НЪНОМЪ
БЕЗСМЕРТІЮ.

1848.

у НОВОМЪ САДУ,
Писмены Иоанна Каулицій

В. П. ПУШКИН

1811

П. А. ПУШКИН

0

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПУШКИНУ

ВЪЗРАСТАЮЩЕГО

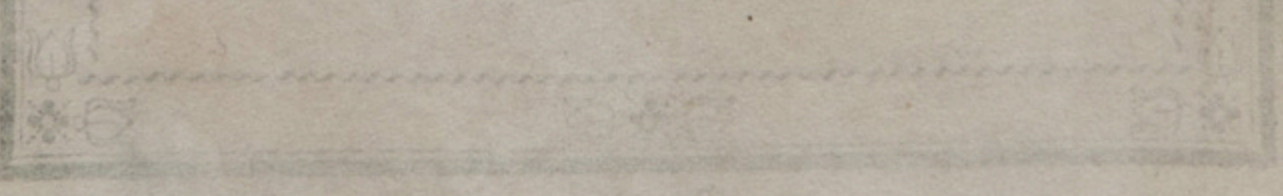
ПРЕДМЕТНО

1811

1811

П. А. ПУШКИН

Полковникъ

Р19Ср II 655.2 I

М II 248

ЗДРАВЫЙ РАЗУМЪ

ИЛИ

РАЗСУЖДЕНІЯ

О

БЫТІЮ БОЖІЕМЪ, СТАНІЮ ЧОВЪЧЕСКОМЪ,
ДУШИ, И НЪНОМЪ БЕЗСМЕРТІЮ.

ОТЪ

ЕУСТАѠІА МІХАЙЛОВИЧА

Сенатора В. Бечкеречкогъ и Сл. Торонталске Међе
Присъдателя.

5590
БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

30

1848.

д. 141

С. Н. 1543 у НОВОМЪ САДУ,
Писмены Јоанна Каулицій

С. ПЕТЕРБУРГЪ

№ 1

ПРИКАЗЪ

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОВЕДЕНІИ

СПЕЦИАЛЬНАЯ
КОМАНДА

С. ПЕТЕРБУРГЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

30

4.11

С. ПЕТЕРБУРГЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

СОДРЖАНІЄ.

Прво Вече. Поводъ размышленія о станію човѣ- ческомъ овогъ свѣта, и нѣговой будущности	1
Второ Вече. Мнѣніє Противобораца о Божеству, и на противъ тога доказательства о несумнѣн- номъ бытію Божиємъ	13
Треће Вече. Разсужденія здорогъ разума о Самобытности свевышнѣгъ Существа	28
Четврто Вече. Дѣйство внутренѣгъ чувства човѣческогъ. — Узрокъ добры и невалялы людій на свѣту, — и шта є темель морала и среће човѣческе?	36
Пето Вече Препираніє о начину боѣпочитанія. Єли доста тайно у срдцу Бога исповѣда- ти, — или є нужно и явно почитаніє от- давати му?	48
Шесто Вече. Незгоде станя човѣческогъ отъ рождєня до смрти, — и разсужденіє о не-	

- извѣстности будущности наше за време
овоземногъ живота човѣческаго - - 59
- Седмо Вече. Различне желѣ човѣческе произ-
воде различно задовољство, отъ кудъ се
раѣа веѣа ил' мања мѣра среѣе наше; узрокъ
пакъ зала свѣтски понайвыше оснывасе на
слободной вољи човѣческой - - 69
- Осмо Вече. Приятности станя човѣческаго отъ
рожденья до смрти. — Душевно задовољство
овогъ земногъ живота предвозвѣштава нашъ
будуштій животъ. — Добродѣтеланъ и со-
вѣстанъ човѣкъ неможесе смрти бояти - 78
- Девето Вече. Посмотреніе живота усамлѣны
людей — Станъ човѣческо нѣе мѣра среѣе;
него внутренѣ задовољство - - 89
- Десето Вече. Прегледъ станя и живота човѣ-
ческаго по селы - - - - 102
- Еданайсто Вече. Различно мнѣніе о просвѣ-
штенымъ людма, и посмотреніе живота гра-
ѣанскогъ - - - - 109
- Дванайсто Вече. Сумня о существованю
душе човѣческе, и нѣной будущности, —
и напротивъ тога доказателства о исти-
номъ бытію душе изъ здравогъ разума до-
ведена. - - - - 120
- Трынайсто Вече. Яснїя и очевидна доказа-

телства о несумнѣнномъ существованію	
душе човѣческе изъ искусства доведена	134
Четр'наисто Вече. Разсужденія здороваго ра-	
зума, и доказателства о безсмертію душе	
човѣческе - - - - -	144
Петнаисто Вече. Кратка размышленія о бу-	
душности човѣческой после овоземногъ жи-	
вота - - - - -	155

ПРЕДГОВОРЪ.

Кои манъ кои выше, аль сви люди, осимъ само безумны будала, кадъ и кадъ размышляваю о животу и смрти, о прошастомъ и настоѣкемъ, и сотимъ о теченію овогъ свѣта.— ѿ радди су колико є выше могуѣ, и о будущтности своіой после овоземногъ живота штогодъ дознати; и то многи бы желили не само въроисповѣдателнымъ доказательствама, него и путемъ здравогъ разума о овомъ преважномъ предмѣту извъститисе и увѣритисе. Познато є, да є много о томъ мечтавано, мы-

шльно, суђено, и доказывано; измеђъ кои различни мнѣнія, два су поглавито умове човѣческе занима-ла, и данъ данашњи занимаю.

Єдни доказую бытіе найвышшегъ, свемогуѣгъ и найсовершеніегъ существа, кое є овай свѣтъ и цѣлу вселенну створило, обдржава и управля. — Ови признаю и исповѣдаю, да човѣкъ осимъ тѣла и душу има, коіой є тѣло човѣческо само средство дѣйствованя нѣногъ, и коя и онда, кадъ човѣкъ умре, или боль реѣи: кадъ се душа отъ тѣла разстане, живи и на свое опредѣленіе отлази. Отъ овы нѣки совѣту и увѣренію туђемъ слѣдуюѣи, ова преднаведена само вѣрую, нетражеѣи къ увѣренію свомъ особита доказателства, него видеѣи данъ и ноѣ, животъ и смръть, восхожденіе и захожденіе сунца и мѣ-

сеца, и друге естественне промънне, вѣрую Бога, признаю существо душе човѣческой, и нѣно безсмертіе. Други даль иду и тражу доказательства къ увѣренію свомъ, али задоволяваюсе съ богословскимъ догматама, та истражую, претресаю, и у нѣима свое пуно увѣреніе налазе. Треѣи пакъ незадоволяваюѣисе ни съ вѣроисповѣдателнымъ доказательствама, него траже путемъ здравогъ разума о преднаведеннымъ извѣститисе, и о истини увѣритисе.

На противъ овогъ мнѣнія налазимо многе, кои се труде доказати, да є све и свашта, штогодъ у овой вселенной има, матеріа; зато натуру (природу, естество) за производителну и найвышшу силу поставляюѣи, наше существованъ, нашъ постатакъ и свршитакъ, сре-

ку и несреку, и єднимъ словомъ све штогодъ съ човѣкомъ бѣва, само на овой земли налазе, и потврждаваю, да смо закономъ естественнымъ као и све друго на овай свѣтъ постали, и да съ окончаніемъ овоземногъ живота даль существовати престаемо. Они веле, да оно, што први душомъ называю, ништа друго нїе, него производъ составатѣлесногъ, кое какогодъ што є съ тѣломъ постало, и отъ нѣга зависи: тако исто съ уништоженіемъ нѣговымъ нестает и исчезава; зато ништа душевногъ на свѣту непризнаю, него све за матерію узымаю. Ову секту людій обычно называемо матеріалістама, кое є брой особито садашнѣгъ столѣтія врло великій, и сотимъ све веки постає, што многи у вѣроисповѣданію довольногъ за себе увѣренія неналазеки, а разсужденіемъ разума свогъ

дубль тайне естества проникнути немогуѣи, оно, што су о Богу и души отъ воспитателя свои чули и научили, у сумню доводе, изъ ове у невѣрство упадаю, и неимаюѣи руководителя, кои бы имъ противъ нѣговогъ мнѣнїя по здоровомъ разуму што извѣстно и увѣрително доказао, прелазе къ матеріалізму. -- Они сами себи по вољи нѣка морална начала (*principia*) поставляю, отъ кои безъ довольного основа будуѣи, по обстоятелствама отступаю, себе и свою себичность за найвеѣу цѣль овогъ живота сматраю, и зато често съ удивленїемъ увѣравамось, да многи изъ меѣъ оны людїи, коє смо за совѣстне и честне држали, по обстоятелствама себичности своеє ништа свето предъ очима неимаюѣи, готови су све жертвовати, и све погазити, само да цѣль свою получитьи могу. Што выше нѣки,

особито отъ тако названы полученны, кой къ овой касти матеріаліста принадлеже, съ опорочаваньмъ теченія овогъ овѣта, и у нѣму живота човѣческаго, съ непризнаваньмъ душе човѣческе, све оно, што се богочитанія, и будущтегъ живота нашегъ тиче, изсмѣваю, и у томъ нѣку мудрость, знань, и изображеніе предъ свѣтомъ показую,

Доста самъ путій, и то понайвыше у приватнымъ дружбама различне разговоре и распре о овомъ многоважномъ предмѣту слушаю, и са сожаленіемъ примѣчаваю, да гди петоро шесторо поредъ мнѣнія Матеріаліста воюю, ту само єдань ил' двойца бытіе Божіе, существовань душе човѣческе, и будущти животь бранеки, противнике свое о истини овой, кадъ што довольнымъ, а выше путій не-

довольнымъ , и неяснымъ доказа-
тельствама увѣраваю.

Ови дакле вышекратни догаѣаи
дали су ми поводъ о главномъ о-
вомъ среке човѣческе предмѣту раз-
суждавати , и оно , што ми се о-
сновано быти видало , бѣлжити , кое
доцнѣ у разговоръ два прѣтеля
претвараюѣи , ликъ нѣке мале књи-
жице на себе узме , и до овогъ на-
стоѣѣегъ дѣлца дорасти .

Какво ми є намѣренѣ было ово
писаюѣи , свакиѣ ѣе лагко увидити ,
кои сочиненѣ ово съ вниманѣемъ
прочита . Хоѣу ли пакъ тако сре-
ѣанъ быти , да съ овимъ многотру-
днымъ дѣломъ одобренѣ єдино-
мысленика мои , и признанѣ исти-
не отъ стране противобораца задо-
бѣемъ , и сотимъ доброжелателну
цѣль мою постигнемъ , то ѣе коли-

ко одъ садашњи: толико отъ до-
цнїи правдолюбивы оны читателя
мои завѣсити, кои предразсужде-
нїя своя на страну оставляюки, по
основу здороваго разума истину отъ
неистине разликовати искренно
желе.

Писао самъ у В. Бечкереку 21-огъ Мая 1847.

Сочинитель.

когда славным: тьмою отъ
иже въ нѣмъ явилася оубо
иже въ нѣмъ явилася оубо
иже въ нѣмъ явилася оубо
иже въ нѣмъ явилася оубо
иже въ нѣмъ явилася оубо

Иже въ нѣмъ явилася оубо

Содержание

П О Г Р Ъ Ш К Е.

Страна.	Редъ.	у мѣсто.	читай.
5	2	стину	истину.
17	5	ове	ово.
17	12	нѣовы	нѣговы.
29	24	понятов	поняти.
46	11	приблѣжусе	приблѣжесе.
64	26	лыбезный	любезный
80	3	Самып	самый.
91	14	среѣный	среѣнымъ.
92	1 доле	яко	ако.
107	11	да	дасе.

Друге пакъ понайвише правописне, а именито съ писменомъ ы учинѣне погрѣшке, нека почитаеми Читатели благонаклонно поправити изволе.

И О П И С К

Листы	Число страниц	Всего страниц
1	2	2
2	5	7
3	10	17
4	24	41
5	14	55
6	20	75
7	7	82
8	13	95
9	1	96
10	21	117

Данная книга принадлежит библиотеке
Историко-архивного отдела
Музея-заповедника «Коломенское»

П Р В О В Е Ч Е .

Поводъ размышленія о станю човеческомъ овогъ свѣта, и нѣговой будущности.

Погледай любезный Обраде! лѣпоту естества рекнеБлагостой пріятелю свомъ съкоимъ се поредъ тихотекућегъ Бегеа *) лагано проходаше, — како сунце величествено за гору заилази: Гле како се облачићи они надъ заходећимъ сунцемъ надвышени лѣпо позлаћую, и красоту небесну до удивленія човѣческаго увеличаваю!

О! како є лѣпъ овай свѣтъ, како га є всеблагій Богъ украсіо, и све у нѣму премудро уредіо! — Свако своє опредѣленіє има, — свако свой редъ држи, и по непремѣннымъ и вѣчнымъ законима ступа. — При овимъ рѣчма скине шеширъ съ главе, и благодарнымъ взоромъ на небо гледаюћи чистосрдечно рекне: „хвала ти и слава всемилостивый Творче неба и землѣ што си и мене у редъ твои разумны созданія! поставіо, да те хвалимъ и славимъ на овомъ,

*) Бегей рѣка мала у Банату.

и неброенымъ другимъ много міліона свѣтовима“ — Искренна благодарность напуни му оба ока радости сузама, — ућути, и пойђе лагано напредъ къ свомъ Обраду, кои се међу тимъ нѣколико корачій отъ нѣга удаліо быо.

Любезный Обраде! — продужи Благостой бесѣду свою, кадъ се къ нѣму приближи, — слушай како у шуми птичице умилно пѣваю, и Создателю свомъ на мирно проведеномъ дану благодаре. Оне су веселе, и о ничемъ задовольне; а мы люди поредъ толики благодѣянія, коя намъ є милостивый Богъ осимъ свію созданія земны найвыше поклонію, и коя вседневно у избылію уживамо, како да небудемо задовольни, како да нисмо срећни? — Да — да — кадъ іоштъ поредъ тогъ посмотримо, да є овай животъ само предуготовленіє болъ и лѣпше будущности наше; то онда само неразсуданъ и неблагодаранъ човѣкъ, кои є душу и тѣло свое злымъ и невалялымъ дѣлма са свимъ окаляо, и кога совѣсть за своя злодѣйства яко грызе и узнемирава, може быти несрећанъ; а добродѣтеланъ и паметанъ човѣкъ, ако само отъ злобе людске, тешке болести, и несрећногъ каквогъ случая нестрада, мора быти задоволянъ, мора быти срећанъ.

Мани се молимъ те Благостою! отговори Обрадъ, немогући дуже слушати разговоръ пріятелия свогъ, кои и далъ размышленія своя о станю човѣческомъ изражавати хотяше, — мани се твогъ мудрованія о свѣту и нѣговомъ

теченію; ты како се мало отъ звеке и немира градскогъ удалишь, неймашь другогъ разговора, него умствуєшь о онымъ стварма, кое су намъ врло мало познате, и о коима болѣ е ѣутати, него говорити.

Я Благостою! сасвимъ другоячіє мыслымъ, — и велимъ, да смо мы суштества ограничена и несовршена: имамо истина нѣко мало познаніє свѣта; аль башъ съ тимъ извѣстніє увиѣамо нашу слабость, нашу маленкость и худость, или болѣ реѣи: колико выше теченіє овогъ свѣта познаємо, и о животу човѣческомъ разсуждавамо: толико се веѣма увѣравамо, да е све на овомъ свѣту суєтно, све премѣнително; а ништа постоянно, ништа извѣстно ніє. — Што выше, безъ свакогъ задржаваня праведио реѣи можемо, да е човѣкъ на патню, бѣде, и неволь, а не на какво добро створенъ. — Среѣа пакъ мой любезный Благостою! само е праздно име, кое човѣка вара, и ласка му, да колико толико лакше свое бѣде и неволь сноси. Єднимъ словомъ: Станѣ е човѣческо овогъ свѣта худо и жалостно, и болѣ бы было, да се нигда родили нисмо; а о будущности нашей и далшемъ опредѣленію после живота овогъ болѣ е ѣутати, него и єдне рѣчице съ тимъ губити; єрѣ е то башъ оно найвеѣе огорченіє човѣческо, кое насъ са свимъ погружава, и найнесреѣннимъ чини. Зато остависе молимъ те разговора тогъ, кои намъ овай краткій, и

онако доста невольный животъ само выше огорчити може.

Кадъ ово съ великомъ неповольностию Обрадъ изговори, Благостой стане, погледи га умилносмешеѣисе, и главомъ на нѣга ма'ауѣи, као да бы се дивіо и чудіо умствованію овомъ пріятеля свогъ. Помысли у себы: „Обрадъ є добаръ човѣкъ, онъ є мой пріятель; нетреба да га у овомъ суѣумію нѣговомъ оставимъ. Пріятелство мое изыскива, а и сама дужность човѣческа позыва ме, да га отъ развращеногъ и убиточногъ овогъ умствованія нѣговогъ избавимъ, и на свѣтъ зрѣлогъ разсужденія изведемъ.“ — Овако є тайно у себи говоріо Благостой, отважаваюѣисе пріятеля свогъ свакоякимъ начиномъ на правый путь чисте и свете истине наставити.¹

По маловременомъ ѣутаню овомъ, ухвати Обрада пріятельски за руку, и рекне му: Немой тако мыслити любезный друже! немойсе уздржавати о ономъ предмѣту разговаратисе, кои є свакомъ паметномъ човѣку найзанаменитіи, и найважніи. Познато ми є, да премноги данасъ тако умствую, да се о предмѣту овомъ ни у разговоръ непуштаю; него високоуміємъ своимъ гордеѣисе оне, кои се о Богу и будущности човѣческой после смрти разговараю, презрително изсмѣяваю, и као да су сву свѣтску мудрость поцрпили, явно говоре, да є све то измышлѣно, чимъ се само малоумный народъ варати дає. Но я велимъ — да човѣкъ разуманъ треба,

и дужанъ є о предмѣту овомъ дублѣ промишлявати, стину испытывати, и увѣритисе, єсу ли то измышлѣне или умомъ човѣческимъ постыжимо, и достовѣрне ствари?

Дѣте како ступи у трећу четврту годину, одма отца свогъ за свашта любопытно запыткива; раддо є знати, шта є ово или оно, и зашто то тако бива, а не другоячїе? И често му изъ лица и очїю видити можемо, какву радость у срдцу осећа, кадъ му тко на захтѣванѣ нѣгово штогодъ истолкує и каже, како се што зове, отъ кудъ и како бива, и зашто є тако, а не другоячїе. А да како небы насъ совршене возрастомъ люде увеселявало, природу испытывати, и о нѣой разговаратисе? Кадъ се само тимъ путемъ учимо познавати теченїе овогъ свѣта, познавати наше станѣ, и опредѣленїе, то єсть: зашто смо и нашто смо создани, и што є найважнїе, познавати и самогъ Бога, цѣле вселенне створителя, кои насъ обдржава, и отъ когъ сва благодѣянїя овогъ свѣта имамо. Ово кадъ паметно и безпристрастно посмотримо, и мало зрѣлїе промыслимо, увѣрићемосе, да се ты мой добрый Обраде! люто варашь, говорєши: да смо на патню, бѣде и неволѣ рођени; него ћешъ текъ онда чисту истину видити, и признати, да насъ є милостивый Богъ зато створио, да нѣга, као нашегъ Отца и Створителя познамо, добро творимо, и отъ тудъ срећни будемо, за коє смо као благодарни сынови дужни нѣга хвалити и славити.

Шта Благостою! ты дакле заиста мыслишь — уйђе му Обрадъ ватрено у рѣчь — да є човѣкъ на какву срећу и радость створенъ? О мой друже! Мы смо врло различногъ мнѣнія. — Ты съ испытыванѣмъ єстества и нѣговогъ теченія мыслишь доказати, да є човѣкъ створенъ да добро твори, и благополучанъ буде; а я се грозимъ у испытыванѣ то дубоко и упуштати се, и истину праву съ доказателствама истраживати; єрѣ вѣруй Благостою! да башъ изъ испытываня єстества, и станя нашегъ дознаємо, и видимо, да у тавной неизвѣстности живимо, да зла, бѣде и неволѣ трпимо, и най-после горкомъ смрѣу са свимъ уништожени бывамо.

По овимъ рѣчма ућути, протре чело, и после нѣколико магновенія ока срдито рекне:

И я самъ Благостою! створенъ, коє на земли живимъ, — и я самъ єдна частица тогъ єстества, коє си ты радъ испытывати, — и то найглавнѣя частица, о коіой ми найвыше размышлявати треба; аль после дуговременогъ и зрѣлогъ разсужденія найпосле изрећи морамъ: „болѣ бы было да се нигда на свѣтъ родію нисамъ.“ — Непознать ми є постатакъ мой, неизвѣстна будущность, — и ахъ! на горку жалость неопровергаємо увѣренъ самъ, да ме грозна коса смртна єданпутъ уништожити мора. — Кадъ ово посмотримъ любезный мой Благостою! онда вѣруй, да и оно мало радости, кою злоудо кадъ и кадъ у себи осећамъ, са

свимъ губимъ, снуждимъ се, и морамъ и хотѣ-
ѣи и нехотѣѣи себе у очаяніе, и нѣку на мр-
гоѣну меланхолю да погрузимъ. Онда и ты мой
добрый Благостой! самномъ за єдно реѣи мо-
рашь, да є станѣ човѣческо худо и жалостно.
Нейма ту среѣе човѣческе него патнѣ; незнамо
ништа о Богу, а іоштѣ манѣ о нашей будущт-
ности. Само то єдно видимо, да насъ понай-
выше злополучіе гони, и найпосле конечно у-
ништоженіе очекива. —

Благостой. Неймашь право любезный прія-
телю! што се о Богу сумняшь, и што наше
станѣ тако худымъ называшь; нити є истина,
да є све неизвѣстно, — да є човѣкъ на мѣсто
добротвореня и среѣе свое, на патню и злополу-
чіе роѣенъ, — и да при раздѣленію нашемъ
отъ тѣла, мѣсто будущтности смръть насъ са
свимъ и на вѣки уништожава.

Аль башь добро Обраде! што самъ при-
ликомъ овомъ мнѣніе твое познао, како о Богу,
о свѣту, станю Човѣческомъ, и души нашей
мыслишь и разсуждавашь. Истина, да самъ доста
путій таково што отъ тебе мимогредѣ слушао;
но нисамъ вѣровати могао, да ти то изъ срдца
иде, и да ты башь тако у души твоіой чув-
ствуєшь; но садь самъ са свимъ увѣренъ о
твомъ суємыслію.

Обрадъ. Ніє то суємысліє, мой Благостой!
него правомысліє, и истина.

Благостой. Єсть, єсть суємысліє Обраде,
єрѣ доста путій могли бы се Богомъ заклети,

но О! стани, нисамъ се добро на Бога позвао; ово є существо за тебе неизвѣстно, сумнительно, и наипосле невѣроятно, — а тко Бога непознає, и невѣрує, тому ништа на свѣту не-вредимо и свето нїє; комъ ништа свето нїє, тай совѣсти нейма; човѣкъ пакъ безсовѣстанъ єсть безчестанъ, — гле — гле Обраде! кудъ самъ случайно изъ шале дошао съ твоимъ оснопо-ложеніями, можешъ ли ты то допустити, да си ты безсовѣстанъ и безчестанъ! ? —

Обрадъ доказыванѣмъ овимъ застыѣенъ на-смѣсе на Благостоя и рекне му: Я мыслимъ Благостою! да ты мене као совѣстногъ и чест-ногъ човѣка познаєшь?

Благостой приближисе мало къ свомъ за-стыѣеномъ другу и отговори му: Немой любез-ный Обраде! отъ мене увреѣенъ быти; ово є случай собомъ тако донео, кои те увѣрава, да ако устма и єзыкомъ и изговарашъ, да Бога не-познаєшь; опеть зато у дубльини душе твоє, кадъ у ню истинно и больма загледишь, найѣи морашъ Богопознанство; єрь чиста совѣсть и своєвольна честность безъ Богопозпанія у чо-вѣку на овомъ глаткомъ и клизавомъ путу жи-вота недасе доказати. — Но ово є као што самъ ти казао, мимогредъ было, о томъ ћемосе другій путь обширніє разговарати. Садъ къ преѣашнѣмъ разговору. —

Доста путій Любезный Обраде! могли бы се свачемъ, и онимъ што намъ є найсветіє на овомъ свѣту заклети, да у овомъ или ономъ

дѣлу са свимъ право имамо; што выше не само мы, него и они, кои насъ слушаю, съ пунымъ увѣреніємъ о истини, засведочаваю, и потврждаваю намъ, ди мы право имамо; а кадъ се мало болѣ о ствари извѣстимо, кадъ отъ наше непобѣдимости мало попустимо, и у зрѣліе разсужденіе упустимосе, онда драгій мой Обраде! са свимъ другоячіе мыслити починѣмо; єръ изъ сумрака оногъ, у комъ смо се пређе налазили, на чисту свѣтлость истине излазимо, и мило намъ є, што се нашимъ умствованіємъ, коє смо за Маѳематическу истину држали, и за кою бы животъ положили были, преварили нисмо.

Цѣо є свѣтъ толико хіляда година за неопровергаєму и непобѣдиму истину држао, а многи и данъ данашній тако мысле, да се сунце и све на небу звѣзде око землѣ наше окреѣу, а земля, у среди недвижима стои.

Ово су люди са свима своима Мудрацыма отъ почетка свѣта до године отъ Рождества Хрїстова 1530-е за цѣлу истину држали, и оногъ бы будаломъ и крайномъ лудомъ называли, кеи бы се усудио быо рећи; да се земля око сунца а не сунце око землѣ окреѣе, као што се съ мудрымъ Ніколомъ Коперникомъ Вармінскимъ Канонікомъ заиста и догодило.

Овай славный Звѣздословъ, кадъ є после дугогъ испытываня єстества, найпосле произнашао, и свѣту открыо, да земля нестои, него да се са планетама око сунца окреѣе, — Сви су га за луду прогласили, и цѣо є свѣтъ

єдиногласно выкао, да є Коперникъ полудіо; зато средства употребе обавѣстити га, да бы се опаметіо, и отъ будалостогъ свогъ мнѣнія отступіо. Аль не лудый, него мудрый мужъ овай ніє се дао ни претнѡмъ ни каштигомъ устрашити, него є све стерпѣливо сносіо, доказа-телствама своима безумне своє гонителѣ побѣдіо, и сотимъ цѣлый свѣтъ изъ помрчине ума на чисту свѣтлость извео. Кою истину данасъ савъ просвѣщенный свѣтъ признаваюћи, Коперниково име као незаборавимо споминѣ и слави.

Видишь дакле любезный Обраде! како є цѣлый свѣтъ у мышленю своемъ осланяюћи се на очи и на внѣшня чувства яко погрѣшіо, и оно што є лажъ толико хіляда година была, за свету истину држао.

Све насъ добрый друже! на овомъ свѣту преварити може; само єданъ здравый разумъ, као неоторимый показатель истине сматратисе може; онъ є єдно єдинито средство истину праву истражити и найћи. Зашто небы дакле и ты мнѣніє твоє на болѣ промѣнуо, ако ти я достовѣрно съ доказа-телствама изъ здравогъ разума доведеныма засведочимъ, да се ты и премноги овогъ вѣка твои єдиномысленицы савимъ варате, што тако о Богу мыслите, што човѣческо станѣ бѣднымъ и невольнымъ называ-те, а о души и о будущности нашей ни рѣчи проговорити недите.

Я самъ твой отъ дѣтинства пріятель, про-дужи Благостой бесѣду свою, — дужность ме

моя принуждава, да ти о преважнимъ предметима овима мнѣніе и доказательства моя сообщимъ. Ово є мѣсто усамлѣно, ништа насъ не-узнемирава, можемо се обширно, свободно, и безъ свакогъ уздржаваня онако разговарати, како у души и срѣцу нашемъ чувствуємо, и како здравый и чистый разумъ учи; но будући да се већь ноћь приближава, и кратко є време доказательства садъ доводити, коима бы єданъ другогъ о истини мнѣнія свогъ пространіе увѣрити могао, добро ће быти о предмету овомъ мало промыслити, пакъ сутра у вече опетъ овамо дойћи, и започетый разговоръ нашъ продужити. Аль пре свега тога да се єданъ другомъ братски завѣримо, да ће свакій истину безпристрастно по здоровомъ разуму свагда признавати, и да намъ трудъ нашъ сустанъ небы быо, да онай, кои буде побѣденъ, дужанъ буде у будуще науку свогъ побѣдителя светохранити, и по нѣговымъ основоположеніями животъ свой проводити.

Предложенію овомъ насмѣесе нашъ Обрадъ, и као извѣстный побѣдитель пружи руку Благостою — на потвржденіе учинѣногъ уговора. Добро рекне, любезный пріятелю! кадъ си толико наваліо, премдасе нераддо о тимъ предметима разговарамъ, хоћу и престаємъ на твое представленіе, само да свакій отъ насъ истину призна, и оно, што се по здоровомъ разуму допустити мора, дозволи; аль я те напредъ увѣравамъ, да ћешъ ты мой ученикъ постати, а я твой нигда.

Видиѣмо Обраде! отговори Благостой, тко
ѣе чїи ученикъ быти, само се добро пре-
прави съ доказателствама, да ништа неизоста-
вимъ, чимъ бы предложенїя и науку мою низ-
вергнути могао. По овымъ разстанусе, єданъ
другомъ благу и добру ноѣ желеѣи, и обѣ-
штаваюѣи сутра предъ вече на ово исто мѣсто
изыѣи, и започетый разговоръ продужити.

ВТОРО ВЕЧЕ

Мнѣніє Противобораца о Божеству,
и на противъ тога доказательства о
несумнѣнномъ бытію Божіємъ.

Сунце є іоштъ доста високо на Западу сіяло, и справъ нѣга на Востоку загасито — плаветанъ Облакъ видяшесе; не мало за тымъ укажесе величественно украшена, преко цѣлогъ восточногъ неба прострта дуга; коя оба наша Пріятеля очи съ некимъ задовольствомъ забавляше.

У исто време стараць нѣкій, кои є у краю Бегеа маломъ мрежомъ своіомъ рыбу ловію, при велелѣпномъ явленію овомъ небесномъ погледи на небо; прекр'стисе, и неколико рѣчій тихо проговараюћи, видяшесе, као да молитву и благодареніє Богу воздає.

Кадъ ово Обрадь смотри, насмѣсе, и рекне другу свомъ: Гледай Благостою! глупу простоту, како сваку промену єстества за нѣко чудо држи, и неразумѣваюћи како то бива, мысли, да нѣко особито суштество то чини; отъ тудъ себи Божество воображава, и овомъ у неразумной глави своіой роѣномъ воображенію кланясе! — Ово є любезный Пріятелю!

првоначалный узрокъ, изъ когъ се родіо првый помысао, (idea) Божества.

Єръ люди, кои су различна явленія (рное-помена) естества примѣтили, а особито кадъ су чули грмявину, и видели сѣванѣ муня; кадъ су се увѣрили, да страшни громови животна убіяю, и найвеће гр'мове разораваю, незнаю-ћи како то бѣва, мыслили су, да то нѣко особито суштество чини и дѣйствує! то пакъ Суштество; коє тако страшна чуда на небу и на земли твори, судили су, да мора быти могућно и силно, коє осимъ тогъ и свашта друго учинити може, и то су Суштество у своіой глави воображено Богомъ называли.

Ето дакле Благостою! отъ кудъ се родіо првый помысао Бога; — ето отъ кудъ Божество измышлѣно, и како є Богопознаніє у неразумнымъ главама людскима сѣдало нашло, и данашній данъ међу людма неискрчимый корєнь приимило.

Данасъ пакъ свакій, кои естественицу зна и разуме, довольно є увѣренъ, да су та явленія чиста и проста дѣйства естества, коя закономъ естественнымъ сама по себи бѣваю. —

Благостой. Любезный Обраде! добро знамъ да како ты, тако твои по несрећи, многи єдиномысленицы мысле, говоре и разсуждаваю; аль се кадъ болѣ и зрѣліє те исте рѣчи твоє промотримо, и ову важну и преважну стварь не онако како она у првомъпогледу показує, узмемо, — него праведно и са зрѣлымъ разсмотрѣніємъ разсудимо,

онда ћемо видити, да башь то исто естество, и нѣгова као што ты велишь дѣйства доказую, и засведочаваю бытіе Божіе, и учѣ насъ истинито познавати Бога Вседержителя.

Обрадъ. ха! ха! ха! дакле и ты се учишь отъ грмявине и громава Бога познавати?

Благостой. Немой ме суевѣрнымъ называти; знамъ я да по облацыма нитко не трчи и не грми, нити тко стреле громовне съ неба на землю баца, као што су стари вѣровали; но при свемъ томъ да грми, сѣва, и да громови удараю, то ми дозволити морашь, да заиста быва. Аль да подсмѣю твоимъ край учинимъ, трудихусе, да ти изъ твои рѣчій докажемъ бытіе Божіе. Ты самъ кажешь, да естество своя дѣйствія има, и да заиста дѣйствуе. —

Обрадъ. Тако е, ерѣ да естество недѣйствуе, морало бы све недвижимо стояти, и у вѣчномъ мртвилу лежати; а то нитко неможе казати, кои разумъ и очи има.

Благостой. Што дѣйствуе, мора имати силу и снагу. да што произвести може; тако вѣтаръ кадъ изъ корена дрва извальива, кадъ громъ зданія разорава, кадъ ватра села и градове у пепео преокреће, кадъ вода найяче мостове обара и руши, и овимъ подобна кадъ бываю, онда естество дѣйствуе; и къ томъ дѣйствію свомъ мора имати силе; ерѣ безъ снаге и силе ова бивати немогу.

Обрадъ. О томъ се нетреба сумняти; ерѣ што дѣйствуе, мора имати силу, коіомъ се дѣйствіе производи.

Благостой. Свашта на овомъ свѣту мора имати свой производительный узрокъ, ерь по здоровомъ разуму ништа безъ довольногогъ узрока быти неможе.

Обрадъ. И то є истина Благостою! тако свакомъ човѣку здравый разумъ каже.

Благостой. Посмотри садъ добрый Обраде! величество и красоту овогъ свѣта, и то прво ове земль, на коіой живимо: Простри умъ твой отъ найдубльи пештера и гудура преко богаты равница, до найвышій у Облаке подигнуты брда и гора, — погледай по ньима красоту былія и растѣнія отъ длакотанке травчице, до грдногъ и вѣковима претеѣегъ раста — бацы погледъ на премало и єдва видимо зрнце песка, и преѣи отъ тудъ на неизмѣрима величине стѣне камените, — посмотри отъ премалогъ, и єдва окомъ човѣческимъ видимогъ црвка, до najve-ѣегъ Елефанта, различность на овомъ кругу земномъ. —

Стани — стани Благостою! повече нестерпѣливый Обрадъ — и прекине величество естества описываюѣемъ другу свомъ бесѣду. — Знамъ шта намѣравашь, и шта желишь отъ тудъ да докажешь, аль то є башь онай гордієвъ чворъ, кои се неда никако раздрешити. Ты мыслишь сотимъ да ми докажешь бытіє Божіє; аль я и премногій самномъ велимо, да сва та заиста величественна и удивителна ништа друго пису, него дѣла наравна, дѣла естественна, коя само естество по себы производи, меня и

уништожава: — Отъ тудъ любезный Благостой! бадава ћешь се трудити Бытіе Божіе доказывати и о нѣму увѣрвати ме.

Благостой. Чекай Обраде! докъ изговоримъ, нѣ ове доказателство мое бытія Божіегъ, него само предговоръ; аль се надамъ, да ће те самый твой разумъ научити Бога познати, само буди іошть малоу стерпѣнію, да и она у разсужденіе доведемо, коя красоту, небесну сочиняваю.

Познато ти є, да су мудри звездослови само отъ Сунца, и нѣовы планета, међь коима и наша земля мѣсто заныма, величину, отстояніе, и теченіе произнашли; а отъ свію оны двуги неизброимы, и болъ рећи непостижимогъ множества звѣзда, коє ноћу при ведромъ небу съ удивленіемъ, и нѣкимъ страхопочитаніемъ гледимо, будући да су много и премного далъ отъ насъ, него Сунце — удаленіе іошть до данасъ нитко, ако само звѣзде Сіріуса мнимо отстояніе изузmemo, докучити нѣ могао.

Кадъ посмотримо пакъ, да те неизброиме звѣзде, коє мы непокретнымъ звѣздама (Stellae fixae) называмо, изъ неизмѣримогъ, и уму човѣческомъ непостижимогъ отстоянія свѣтлость свою на насъ шилю, то онда морамо дозволити, да су оне саме по себи свѣтлећа тѣлеса, т. є. да су све сама Сунца, подобна нашемъ Сунцу; єрь кадъ бы као наша земля и проче планете тавне быле, и свѣтлость отъ Сунца нашегъ до-

быяле, не бы се могле изъ тако превелике дальине *) свѣтлити; као што се ово у звѣздословію обширніе доказує. —

Къ тому кадъ разсудимо, да свако то Сунце, коє мы са землѣ гледаюћи, звѣздомъ или звѣздицомъ называмо, тако исто, као и наше Сунце, своє планете имати мора, и да на нѣма и на нѣовимъ планетама као и на овой земљи животна, у мањмъ или већемъ степену лѣпоте, разума, совршенства и среће живе и обитаваю; — и на послѣдакъ кадъ прѣмыслимо, како тѣи непостижимогъ множества свѣтови, у неизмѣримой празнини вселение по вѣчнымъ законима своє уредно теченіе имаю, и имати мораю; кадъ велимъ добрый Обраде! све ово, наметно разсудишь, был' ты мени допустію, да є све то силно и непостижимомъ мудростію уређено, и да свако то узрокъ свогъ бытія, и теченія имати мора. —

При овомъ вопросу Обрадъ ућути, промыслисе мало, и по краткомъ времену отважно рекне: тако є, све є премудро и уму човѣче—

*) Сунце є наше, као што су звѣздослови измѣрили преко 20, милліона миля отъ наше землѣ удалѣно а найближа непокретна звѣзда (Stella fixa) Сіріусъ названа, преко 28 хіляда путій даля є отъ насъ него Сунце; ово є отстояніе тако страшно велико, да кадъ бы тале изъ топа съ наше землѣ избацылосе коє бы за єданъ мінуть сата 6,000 хвати или єдну и пол' милю прешло, то бы оно требало да преко 700 хіляда година путує, докъ до Сіріуса дойђе.

скомъ непостижимо уређено, чему се довольно начудити неможемо; аль зато я опеть при момъ пређашнѣмъ изреченію остаемъ, то есть: да е све то дѣйствіе естества, было оно на земли или на небу, кое узрокъ бытія свогъ у естеству има, и кое теченіе свое по законима естественнымъ непремѣнно совршава.

Благостой. Дакле данъ и ноћъ, восхожденіе и захожденіе Сунца и Мѣсеца, — прозябленіе былія, — рожденѣ и смрътвь свію животноя, и єднымъ словомъ, све што годъ на свѣту видимо, све то по предмудрымъ законима естественнымъ бѣва?

Тако е, отговори Обрадъ, то е мое мнѣніе, тога се я тврдо држимъ.

Благостой. Закони тїи естествени Обраде! или правіе рећи правила та, по коима естество дѣйствія своя производи, мораю имати свой производителный узрокъ, то есть: мора штогодъ бѣти, што е те законе уредило, и што їй непремѣнно обдржава; иначе бы све у нередъ и забуну доїћи морало.

Обрадъ. То ти дозволявамъ; али Благостою! и съ тимъ ћемо скоро на край изыћи, и отъ тудъ ми ништа доказати нећешъ; — Ево мое о томъ по чистомъ разуму изреченіе: законе е естествење само естество основало, и опредѣлило, по коима све штогодъ у естеству бѣва, и бѣти мора.

Благостой. Ніе тако любезный друже! пре-

чекай, да и я моє разсужденіє о томъ искажемъ, пакъ ћемо после заключеніє изрећи.

Кажи ми Обраде! мораю ли закони естественни свой производителный узрокъ имати, кои їй є произвео, установіо и кои їй непременно обдржава?

Обрадъ. Имаю; то самъ ти и пређе дозволю.

Благостой. Узрокъ тай, кои є те премудре, силне, и могуће законе естествење основао, и такоє обдржава, мора бити премударъ, силанъ, и моћанъ; єръ другоячіє бы немударъ премудро, несиланъ силно, и немоћанъ моћно произвео, а ово є здоровомъ разуму противно.

И ту имашь са свимъ право.

Благостой. Закони тїй естественни єсу непремѣнни и вѣчни; єръ нит' є кадъ годъ было, нити ће бити, да каменъ у высину скаче, да вода изъ долине на брегъ тече, да гди Сунце сія онде помрчина буде, и прочаи проч: дакле и узрокъ тай кои є законе естествење произвео, и обдржава, мора бити силанъ, непремѣненъ и вѣчанъ, по заключенію здорового разума. —

Обрадъ. Тако є и то дозволявамъ.

Благостой. Но садъ Обраде! да потражимо тай производителный узрокъ закона естествењны.

То Благостою! рекне Обрадъ, то є башь оно, што насъ раздвоява. Я тврдо држимъ,

као што самъ ти мало пре напоменуо, да 6 производителный узрокъ тій естественны закона, само естество, кое 6 себи законе свое уредило, и такове обдржава.

Благостой. Любезный друже! ніе естество само себи законе установило, нити 6 установити могло; Онай Обраде! кои или себи, или другомъ законе премудре, силне, непремѣнне, и вѣчне оснива, коима се свако и свашта покоравати мора — мора као што смо казали, самъ по себи премударъ, силанъ, и вѣчанъ быти, и при томъ свободну волю имати овако ил' онако уредити; ово основоположеніе непоколебимо стои.

Кадъ бы дакле драгій Обраде! естество себи законе установило, то бы морало Сунце, или земля, или Мѣсець, или коя нибудъ звѣзда отъ оногъ неизброимогъ множества, кое на правомъ своду небесномъ ноу видимо, или на послѣдакъ сва та тѣлеса заедно скуплѣна те премудре, силне непремѣнне, и вѣчне законе установити; еръ иначе недасе мыслити; алъ ни едно ни друго допустити неможемо.

Неможемо прво; еръ по здоровомъ разуму ни едно отъ овы наведены [тѣлеса преимущество снаге и силе надъ цѣлымъ естествомъ или болѣ реѣи надъ цѣломъ вселенномъ владаюће нейма; ербо 6 свако по себи текъ мала и премала частица непостижимогъ и дивногъ оногъ множества, коя у неизмѣримой празднини вселенне, по премудрымъ законима естественымъ теченіе свое совршава.

Но да болѣ истину овы речій увидишь, размысли и разсуди паметно, можели земля, коя є текъ планета єдна сунчане Сусѣеме наше, можели мѣсець, кои є слуга и сопутникъ землѣ наше, можели Сунце, кое є само частица неизброенногъ оногъ множества тѣлеса небесны, можели велимъ єдно отъ овы наведены створены стварій цѣлой вселенни заповѣдати, и законе вѣчне предписивати. Не Обраде! заиста не, таково што, докъ и єдне искре здравогъ разума имамо, никаквымъ начиномъ дозволити неможемо.

Неможемо друго дозволити, то єсть: да се цѣло єстество заєдно скупило, или као што су нѣки мыслили, да є пређе свега нѣка замршена и забунѣна смѣша (хаосъ) была, изъ кое є после овай свѣтъ произышао, слѣдователно да су и закони єстественни томъ приликомъ по-стали; єрѣ кадъ ни у єдной отъ те воображене, и забунѣне смѣше, или хаоса части, као вештественной и премѣнителной, — найвышше силе, и непремѣнности не налазимо, коіомъ су закони єстественни основани, и устроени, то онда ни цѣломъ томъ хаосу, докъ найманѣ разума имамо, премудрость, силу, и непремѣнность, дозволити неможемо; єрбо што ни єдна часть отъ цѣлогъ нейма, то ни цѣло имати неможе.

Слѣдователно Обраде! ни єдна ни выше, нити напослѣдакъ цѣло єстество скупа воображено, премудре, свесилне, непремѣне, и

вѣчне законе естественне основати, опредѣлити, и уредити ніє могло.

Любезный Благостою! рекне после краткогъ ѣутаня и размышленія Обрадъ нашъ, я самъ на твоя доказательства доста пазіо, и ако ѣу ти обѣштанѣ мое, као што самъ ти се завѣштао, честно обдржати, да оно, што по здоровомъ разуму допустити морамъ, дозволимъ ти, то истину исповѣдамъ, да на ово твоє предложеніе ништа противно отговорити немогу; ерѣ признати морамъ, да нити Сунцу нити земли, нити напослѣдакъ коіой звѣзди такову силу дозволити немогу, да ма коє отъ нѣи цѣломъ свѣту заповедати и законе предписывати може.

Благостой. Кадъ Обраде! Данъ и ноѣ, животъ и смрть и све што у естеству видимо, по закону естества быва, т. е. естество законе свое има, по коима теченіе свое управля, кадъ допушташь и допустити морашъ, да тѣи закони свой производительный узрокъ имаю, кои іѣ є основао, и обдржава, — а и самъ видишь, и увѣравашъ се, да узрокъ тай у естеству т. е. у созданымъ стварма найѣи неможемо, као што самъ ти истиномъ изъ здороогъ разума доведеномъ засведочіо; то дакле тай производительный узрокъ закона естественны мора изванъ естества быти.

Обрадъ. Тако є Благостою! ерѣ другаячѣе быти неможе.

Благостой. Кадъ тай узрокъ производи-
телный закона естественны изванъ естества
есть, и быти мора, т. е. кадъ има штогодъ
изванъ естества, што е законе те премудре,
силне, вѣчне, и непремѣнне произвело, и што
такове непремѣнно обдржава, то онда та сила
или болъ реѣи, то суштество изванъ есте-
ства налазеѣесе мора быти премудро, силно,
вѣчно, и непремѣнно; а кадъ ту найвышшу силу или
суштество, коє е законе естествеinne произве-
ло, и обдржава, изреченіемъ Богъ назовемо,
има ли Обраде Бога? —

Има, има! повыкне Обрадъ радостно; садъ
управъ видимъ и здравымъ моимъ разумомъ
признаемъ да има Бога. —

Благостой. Добрый Обраде, ніє само ово
єдно доказателство, коимъ се бытіє Божіє за
сведочити може; има таковы много и премного,
и свакій скоро данъ, кадъ бы на теченіє свѣ-
та, на наше збытіє, и догаѣає свѣтске пази-
ли, могли бы довольно доказателства найѣи
бытія Божієгъ, нѣговогъ промысла, милости,
и правде. —

Признаемъ Любезный Благостою! истину
рѣчій твои; но ты си ми мудрованіемъ твоимъ
поводъ дао, да ти іоштъ єданъ вопросъ предста-
вимъ, на кои ми нигда довольно, и тако отго-
ворити неѣешь моѣи, да се са свимъ прими-
римъ, и да ти выше недосаѣуемъ: Ты самъ ве-
лишь, да по здоровомъ разуму ништа безъ про-
изводителногъ узрока быти неможе, т. е. да

ништа само себе створити неможе; — Кадъ є ово на темелю здравогъ разума основано, то дакле и тай производителный узрокъ овогъ свѣта, и цѣле вселенне, или управо рећи Богъ мора имати свой производителный узрокъ, кои є нѣга произвео и створио.

Благостой. Дубоко си загазіо Обраде! у рѣку мудрованія; ако умешь добро пловати, и ако толико крѣпости у себи осећашь, да у ширини, и удубљини нѣной неомалакнешь; не-го да на другу страну испловати можешь, то ѣу се усудити съ тобомъ заплунути, и о о-номъ што намъ се невозможно чини, извѣсти-ти, и увѣрити те: да Богъ заиста по себи самомъ бытіе свое има, и отъ никогъ другогъ створенъ нїе.

Но будући, да ѣе за вечерась ово, што смо до садъ говорили доволно быти, пред-мѣтъ пакъ тай, кои си ми представіо, выше времена потребує; то мыслимъ, да га за су-трашиѣ вече оставимо. Обрадъ престане на предложеніе ово Благостоево, полюбисе съ нымъ, и благодарєћи му на пріятельскомъ со-общенію досадашиѣмъ, отъ нѣга растанесе.

ТРЕЋЕ ВЕЧЕ.

Разсужденія здороваго разума о Само-
бытности све-вышнѣгъ Существа.

Да самъ знао, да ѣ се мой Благостой тако дуго задржавати, не бы быо безъ нѣга овамо дошао, говораше нестерпѣливый Обрадъ, кои на обрежію Бегеа подъ честолистатомъ єдномъ тополomъ, на мегкой травицы лежеѣи, пріятеля свогъ очекиваше; онъ мож' да и немысли, колико су се нѣгове рѣчи могъ срдца коснуле, и како га съ нестерпѣніемъ овде очекивамъ, да ми іоштъ и оно истолкує, што мыслимъ, да ми нитко нигда на овомъ свѣту доказати неѣе. Свашта свой производителный узрокъ има, тако ми мой здравый разумъ каже, дакле и Богъ свой производителный узрокъ имати мора. Ове последнѣ рѣчи велегласно изговори, и не мало тргнесе, кадъ громовитымъ гласомъ ове рѣчи чує: Обраде! Богъ ни отъ когъ створенъ ніє.

Окренесе да види тко то отговара, аль осимъ зеленолистати топола и врба, коє нѣку малу шумицу представляху, нигди никога смотрити немогаше; шта є то рекне лагано, устане, погледи болѣ по врбляку, но заиста

нигди никога не беше. То е мой Благостой рекне найпосле, онъ шалу самномъ проводи, и пойђе отъ дрвета до дрвета тражити га, да се не буде гди сакрыо. Аль све бадава, нигди єдне душе, осимъ нѣга самогъ, тамо и амо измењъ топола и врба тумараюћегъ. Шта е то рекне, отъ кудъ тай гласъ; кадъ никаквогъ живогъ човѣка овде нейма; отговоръ е Благостоевъ, аль гласъ ми е непознатъ.

По овимъ рѣчма пойђе поредъ Бегеа; и тек' што иза прве, не далеко отдатле отстоеће окуке изиђе, наиђе на рыба̀ре мрежу изъ воде извлачеће; помисли, да нїе кои отъ овы ту шалу проводїо, аль рыба̀ри, и рѣчи оне кое е чуо быо, ни мало му се несвидяше — да се заєдно сложити могу. — Кадъ се са свимъ къ нѣма приближи, поздрави їй обычнымъ поздравомъ, срећню имъ радню желећи. Ови му съ благодаренїемъ отговоре, посао свой съ тимъ радостнїе продужаваюћи, што по извлаченю мреже осећаху, да ће имъ метъ (заметъ) оваї врло срећно испасти, као што се на велику радость нѣову после краткогъ времена и увѣре.

Доброгъ човѣка срдце радуесе, кадъ добыть и корысть свогъ ближнѣгъ види, и чисто съ нѣимъ заєдно осећа ону радость кою при такомъ случаю нѣговъ собратъ ужива. — Тако се и Обрадъ нашъ обрадуе, видећи на веселомъ и смѣшећемъ се лицу овы рыба̀ра радость о лѣпомъ добытку нѣовомъ, кои се рѣчма: Хвала

Богу, ово е башъ лѣпъ добытъ; овакогъ мета цѣле ове године имали нисмо, хваляху.

Обрадъ се садъ упусти съ нѣма у разговоръ, и кадъ изъ разногъ испытываня разуме, да су рыбаи заедно непрестано были, и да нитко отъ нѣи у врбляку быо нѣе, врати се на преѣшнѣ мѣсто свое. И видеѣи, да нигди Благостоянейма, часъ смешеѣисе, часъ пакъ чудеѣи се догаѣаю свомъ, похити у Варошъ, да види, ели Благостой кодъ куѣе? тврдо мыслеѣи, да нитко другѣи нѣа могао быти, кои е ту шалу съ нѣимъ проводю, осимъ Благостоя. — И заиста не мало удивисе, кадъ Благостоя кодъ куѣе найѣе, послове свое совршаваюѣегъ.

Опрости Любезный Обраде! предусретне Благостой друга свогъ, што данасъ на уречено време, и мѣсто доѣи нисамъ могао; изъ ненада ми се догодю нѣкѣи посао, кои самъ неотложно свршити морао; аль зато ништа; што поредъ Бегеа нѣе быти могло, може овде у моѣой куѣи быти; ты ѣешъ тако добаръ быти, и кодъ мене на вечеру остати, а до вечере можемо се довольно наразговарати.

Непроводи самномъ шалу Благостою! рекне Обрадъ, я добро знамъ, да си ты садъ мало пре у врбляку быо.

У каквомъ врбляку Обраде!?

Поредъ Бегеа у малой шуми, онде гди смоюче опредѣлили, да се вечерасъ састанемо.

Аль отъ кудъ, и зашто мыслишь, да самъ тамо быо? отговори Благостой.

Овде му приповеди Обрадъ нѣгово сбытіе, чудећи се тко бы то быти могао, ако Благостой ніе! —

Мой Обраде! рекне смеше҃исе Благостой, видишь да є много на свѣту могу҃но што мы неможемо да постигнемо; кажему, да є онъ ту шалу проводіо, и съ овымъ рѣчма узме Обрада подъ руку, наручи своіой супруги, да имъ кое добро ело за вечеру преправи, и отде съ нымъ у писарницу *) свою, да бы мирно съ нымъ синопный разговоръ продужити могао.

Дакле Обраде! ты желишь знати, како є то могу҃е, да Богъ свогъ производителногъ узрока нейма, или простіе ре҃и, да Богъ створенъ ніе; при овомъ важномъ и тежкомъ вопросу друже! дозволи ѣшь ми да намъ овде чистымъ и быстрымъ разумомъ дѣлати треба, узми дакле на свашта добро наумъ.

Ни ову високу тайну ніе милостивый Богъ отъ човѣка здравымъ разумомъ обдареногъ, кои безъ пристрастія разсуждава, сакривену оставіо, и ово, коє намъ се у првомъ погледу чини немогу҃но, проницателный и здравый разумъ поняти, и пости҃ти може, и то не само да є могу҃но, него да є башъ заиста тако, и да другоячіе быти неможе.

Садъ дакле Обраде къ дѣлу.

Свака стваръ или болъ ре҃и свако сушество, коє видимо, или само умомъ себи пред-

*) Канцелларіа.

ставити можемо, мора бити или створено, или нестворено т. є. самобытно, можешь ли Обраде! другоячїє какову стварь, или каково суштество себи представити?

Обрадъ. Немогу Благостою! свашта што є годь на свѣту, или што бити може, мора бити или створено, или нестворено, у томь имашь пуно право; єрь се треће по здоровомь разуму неда мыслити.

Благостой. Суштество створено оно є, коє узрокь свогь бытія у другомь суштеству има, т. є. коє є оть другогь суштества произведено.

Обрадъ. Тако є.

Благостой. Суштество пакь самобытно оно є, коє само у себи довольный узрокь свогь бытія има, т. є. коє оть другогь створено нїє. — О овомь дакле суштеству почели смо се разговарати, то намь надлежи доказати, да заиста суштествує єдно таково суштество, коє само у себы довольный узрокь свогь бытія има.

Обрадъ. То Благостою! Аль се врло сумнямь да є то могућно доказати.

Благостой. Гледаћу и трудићу се по моимь малымь силама да ти докажемь, само добро пази на мое рѣчи, и што ти здравый разумь дозволява, оно допусти, а што ти се чистомь твоємь разуму противно види, слободно кажи, и противослови, да те могу о ономь, о чемь се сумняшь, болѣ извѣстити.

Мыслимь Обраде! продужи Благостой бесѣду своєю, да си са свимь увѣрень, и да ни

ѣдногъ паметногъ човѣка нейма, кои бы се о томъ сумняти могао, да на овомъ свѣту створены суштества има?

Обрадъ. Тоє истина; єрь све, штогодъ очима видимо, створено є.

Благостой. Кадъ створены суштества има, мора быти обраде! и суштество самобытно.

Тоє оно пытанѣ отговори смѣшеѣисе Обрадъ, коє доказати треба.

Благостой. Свако створено суштество мора имати производителный узрокъ бытія свогъ, или простіє реѣи: свака створена стваръ мора имати свогъ производителя; єрь другоячіє небы была створена, него бы сама себе произвела. Тай производителный узрокъ, или другимъ рѣчма тай производитель овогъ, или оногъ створеногъ суштества, мора быти или створено суштество, или самобытно; ако є узрокъ тай опетъ створено суштество, то онда и онъ мора имати свой производителный узрокъ, кои є нѣга произвео, и тако далѣ разумно заключаваюѣи, морамо най-после доиѣи до првогъ производителногъ узрока, кои се првобытний узрокъ называ, н. п. данасъ живеѣи люди имаю свое производителѣ — т. є. родителѣ свое, ови пакъ имаю свое родителѣ, и т. д. докъ умомъ нашимъ не доиѣемо, до првобытногъ узрока данасъ живеѣи людій, — тако све животинѣ, тако све ствари, тако и она проча створеня коя єдно друго не радьяю, нити произрашѣую, него коя отъ почетка свѣта суштествую, као земля, сунце, мѣсець и звѣзде, равнымъ

начиномъ мораю имати свой првобытнй произ-
водительнй узрокъ, отъ куда су постала.

Обрадъ. И то є истина, то са здоровымъ ра-
зумомъ моимъ чисто видимъ.

Благостой. Узрокъ тай производительнй —
првобытнй створены существа, морамо тражити
или у створеномъ существу, или у самобытномъ;
єрь другогъ начина нейма, нити се помыслити
може.

У створеномъ существу првобытнй произ-
водительнй узрокъ створены стварій неможемо
найћи; єрь сама рѣчь створено, показує намъ,
да є другій тко морао тай узрокъ створити, а
како га є другій створію, то ніє првобытнй;
слѣдователно: првобытнй производительнй
узрокъ створены стварій неможемо никаквымъ на-
чиномъ найћи у другомъ створеномъ существу.

Обрадъ. Аль я мыслимъ, да првобытнй
узрокъ створены стварій ніє нужно тражити у
самобытномъ существу; єрь се онъ може найћи
и у створеномъ существу н. п. Првй сатъ ніє
створило самобытно существо, него човѣкъ кон
є створено существо, дакле првобытнй узрокъ
можемо найћи и у створеномъ существу.

Благостой. Любезны Обраде! ніє човѣкъ
првй сатъ створію, него га є изъ веѣхъ створены
части саставію; єрь створити значи изъ небытія
у бытіє довести, или просто рећи, оно, што
ніє было, учинити да буде, аль све оне частице,
коє су у сату, или ма у коіой другой ствари,
сѣ коіомъ се човѣкъ хвали и поноси, да є онъ

првый произнашао, већъ у естеству суштествую: слѣдователно, такове човѣкъ створио нїе, него є само првый употребїю, саставїю, или разложїю, и тимъ є начиномъ отъ већъ створены стварїй у другомъ виду штогодъ ново произвео.

Мы пакъ овде тражимо првобытнїй узрокъ створены естественны стварїй, а не првобытнїй узрокъ художественногъ каквогъ состава изъ частица већъ створены стварїй. Изъ овогъ дакле Обраде! лако видити можешъ, да се првобытнїй производителнїй узрокъ створены стварїй, у другомъ створеномъ суштеству найћи неможе, као што смо мало пре доказали.

Обрадъ. По овомъ твоѣмъ извѣстїю Благостой! дозволявамъ ти, да є твоє предложенїе на истини основано.

Благостой. Видилисмо и увѣрилисмо се, да свака створена стваръ свой првобытнїй производителнїй узрокъ имати мора; кадъ дакле узрокъ тай у никаквомъ створеномъ суштеству, као што смо доказали, найћи неможемо, то мораю створене ствари првобытнїй производителнїй узрокъ свой имати у суштеству нествореномъ, т. є. самобытномъ, ерь се треће не да мыслити.

Обрадъ. И ту ти Брате! ништа противословити немогу, тако ме мой здравый разумъ учи.

Благостой. Кадъ створене ствари свой првобытнїй производителнїй узрокъ у суштеству нествореномъ, или другоячїе рећи у самобытномъ имати мораю; то безъ сваке сумнѣ тай производителнїй првобытнїй узрокъ створены

суштества мора заиста суштествовати, т. є. мора имати своє бытіє, єрѣ кадѣ створена суштества на свѣту бытіє своє имаю, о чѣму се мыслимѣ, кои очію и памети има, сумняти не може; то мора и првобытнѣй узрокѣ тѣи створены стваріѣй бытіє своє имати; єрбо дѣло безѣ дѣлателя помыслитисе не може; узрокѣ пакѣ првобытнѣй тѣи створены стваріѣй, казали смо и засведочили смо, да є суштество самобытно нестворено, дакле суштество самобытно нестворено мора имати своє бытіє, т. є. суштество самобытно, ни отѣ когѣ створено, мора суштествовати; аль самобытно, или нестворено суштество, узрокѣ бытія свогѣ у ничѣмѣ другомѣ имати не може, него у самомѣ себи; єрѣ другоячїє небы было самобытно небы было нестворено: дакле таково суштество, коє у самомѣ себи узрокѣ свогѣ бытія има, и ни отѣ когѣ створено нїє, и коє є првобытнѣй производителнѣй узрокѣ створены суштества, има бытіє своє, єсть заиста и суштествує; — а кадѣ самобытно то суштество любезнѣй Брате! нашимѣ єзыкомѣ „Богѣ“ назовемо, єли Обраде! Богѣ отѣ другогѣ когѣ созданѣ?

Обрадѣ. Тако є любезнѣй Благостою! признаємѣ истину рѣчїѣ твої, и видимѣ чистымѣ очима здравогѣ разума човѣческогѣ, да Богѣ ни отѣ когѣ створенѣ нїє, нити є створенѣ быти могао, него да довольнѣй узрокѣ бытія свогѣ у самомѣ себи има, и имати мора.

Благостой. Драго ће ми бити любезный
Пріятелю! ако самъ могао моимъ малымъ доказа-
тельствама доказати ти, да Богъ заиста єсть, и
да створенъ ніє. Но за садъ мыслимъ да ће до-
ста бити, вечера є већъ готова и домаћи
на насъ чекаю, ноћасъ промысли мало обширніє
о овымъ моимъ доказательствама, а сутра ћемо,
ако ти по вољи буде, разговоръ нашъ проду-
жити.

ЧЕТВРТО ВЕЧЕ.

Дѣйство внутренѣгъ чувства човѣческогъ. — Узрокъ добры и невалялы людіи на свѣту, — и шта е temelь морала и среће човѣческе?

Благостой. Добрый друже! премда се твердо надамъ, да си се довольно увѣрю о истинитомъ бытію Бога Створителя; ништа манѣ немогу пропустити, да ти іоштѣ неколико рѣчій ненаведемъ, како се не само бытіе Божіе, него и нѣгово могућство и провидѣніе и внутреньимъ чувствомъ човѣческимъ засведочава, — и у дубльини душе наше не редко явля.

Кадъ на човѣка неправеднымъ начиномъ велико какво зло, и несносима напасть наиђе, кадъ насъ тко немилостиво угнѣтава; или што выше, кадъ намъ разяреныи непріятель нашъ, комъ противостати неможемо, грозномъ смрћу прети, а ни отъ кудъ никакве помоћи невидимо; — кажи ми молимъ те Обраде! неродили се при тако бѣдномъ станю нашемъ, ако смо невини, и увѣ-

рени да неправедно страдамо, у дубльини душе наше, и слободно могу рећи, и у души оногъ противоборника, кои нигда Бога признати ніе хотѣо, нѣко чувство помоћъ и отмаштеніе искаюће? — Тако исто ако тко штогодъ грозно и безсовѣстно учини, банъ да и нитко незна, и да є увѣренъ, да се нѣгово то безсовѣстно дѣло нигда открыти неће, — неродили се опетъ зато у тайности душе нѣгове чувство нѣко, коє га и хотѣћи и нехотѣћи грызе и узнемирава за учинѣно свое беззаконіе? Равнымъ начиномъ и у противномъ случаю, ако смо какво добродѣтелно дѣло учинили, не осећамо ли у срдцу нашемъ чувство нѣко задовольства, коє само по себи и противъ наше вољѣ намеће намъ надежду нѣку будущте награде?

Чувство ово Обраде! коє свакій човѣкъ ако ће колико таяти, осећа, и коє тайно у дубльини душе наше являсе, ніе производъ вољѣ човѣческе, него управо нагонъ душевный, кои добродѣтелне люде благополучнымъ твори; а беззаконике мучи и узнемирава. Чувство ово неда се угасити, него какогодъ кодъ найстрожіегъ моралисте, тако исто и кодъ najveћегъ злодѣя дѣйствує и тайно показує намъ, да има нѣшто надъ нама, коє свашта зна, свашта види. Ово є оно нелажно чувство, коє є и najveће противоборце Божества после другогъ препиранія, найпоследѣ къ Богу создателю обратило, те су погрѣшку свогъ суєумія увидѣћи, милость, и помилованіе отъ Бога искали.

Поредъ тогъ Обраде! нисмо ли доста путій или достовѣрно чули, или видели, или напослѣдакъ и сами искусили, како є овай ил' онай човѣкъ отъ необходимѣ пропасти нѣкимъ особитымъ начиномъ избавлѣнъ быо; или како се гдикоегъ неправедногъ, силногъ и бѣсногъ човѣка онде, гди се нитко ни надао нїє, нѣкимъ чрезвычайнымъ начиномъ сва нѣгова суѣтна слава, и сила угасила, и уништожила. Овакове случаєве нѣкій называю догаѣаемъ, или слепымъ случаємъ; други среѣномъ и несреѣномъ; треѣи кажу, судьбина є човѣческа тако собомъ донела; а четврти чрезвычайне такове случаєве вѣчномъ и недремаюѣемъ правосудію, или што велимо, провидѣнію Божіємъ, као правителю свѣта овогъ приписую: у среѣномъ случаю родисе у човѣку чувство благодарности и признателности; а у несреѣномъ чувство нѣко, коє му у дубльини срдца нѣговогъ дає увидити, да ударъ тай нїє слѣпый случай, него да свой узрокъ имати мора. У обоємъ пакъ овомъ случаю то єсть, како у среѣномъ, тако и у несреѣномъ, чувство то, или тко хтѣо, или нехтѣо, претаятисе неда; єръ насъ опоминѣ да има на овомъ свѣту нѣшто осимъ човѣка што заиста дѣйствує, коєгъ силе и путови нама людма познати нису. Ово дакле и многа друга овимъ подобна увѣраваю насъ, да и само внутренѣ чувство човѣку довольно показує бытіє Бога вседержителя, и нѣгово провидѣніє.

Обрадъ. Тако є, тако любезный Благостою! твоє су рѣчи на истини и искусству основане;

поредъ твои доказателства само тврдоглавъ, или болъ да рекнемъ непаметанъ противобораць, можесе сумняти о бытію Божіємъ, аль безпристрастанъ и разуманъ човѣкъ мора дозволити, мора се увѣрити, да Богъ существує, и цѣломъ все-ленномъ управля.

Благостой. Премда є тако Обраде! опетъ зато са сожаленіємъ видимо, да найманя часть людій, познає Бога, найманя — часть вѣрує истинито нѣгово всемогуѣство и правосудіє; єднимъ словомъ: врло мало людій има, кои истинито и тврдо Бога вѣрую. —

Обрадъ. Како то можешъ казати Благостою! кадъ скоро сви люди Бога вѣрую, — рѣдко се тко и найѣи може, кои є толико несмысленъ, да се о Божіємъ бытію сумня.

Благостой. Та ты си првый, кои си се о бытію Божіємъ сумняо, а теби подобны има премного други, єръ рѣдко є найѣи кои управо и истинито Бога вѣрує и познає.

Обрадъ. Ты ме застиѣуєшь Благостою! твоимъ пребацыванѣмъ и преговаранѣмъ; аль ти истину исповѣдамъ, да нигда противобораць Божества быо нисамъ.

Благостой. Опрости моіой пріятельской искренности, я те нисамъ хотѣо увредити; аль опетъ потврждавамъ, да врло мало людій има, кои Бога заиста вѣрую. Кажи ми право, имали выше на овомъ свѣту добры, праведны и беззлобны, или има выше лажливвы, злобны и непра-

ведны людій? кои вараю, закидаю, оговараю, завиде, отимаю, и друга зла чине?

Обрадъ. Я велимъ, отговори Обрадъ, да часть овы последньи, прве превозилази, аль шта ћешь ты сотимъ да кажешь?

Благостой. Много, премного, и све ћу сотимъ да кажемъ, то єсть: да сва већа та часть людій, кои су лажљиви, зlobны и неправедны, Бога непознаю и невѣрую, и да само совѣстни, и правдолюбиви люди у Бога вѣрую, и нѣга истинито познаю. Онай Обраде! кои Бога истинито вѣрує, и занста познає, неможе быти безчестанъ, зlobанъ, гордъ и неправеданъ човѣкъ: него мора быти добаръ, благъ, смиренъ; правдолюбивъ и беззlobанъ. Ово ти слѣдуюћимъ примѣромъ достовѣрно истолковати, и очевидно засведочити могу.

Кадъ бы ты Обраде! познавао каквогъ властителя, кои ти є животъ и сва добра коя притяжавашь, поклоню, — кои те обдржава, рани, одѣва, и отъ свакогъ зла чува, — но кои притомъ и власть има за твоє погрѣшке, и твоє невалялство казнити те, — пакъ бы ты истинито знао, да є онъ свагда поредъ тебе, да све штогодъ ты помыслишь, зна, — и што годъ радишь, ма найтайнїє было, види; — кажи ми молимъ те, былъ се усудїо кадгодъ какво зло учинити, чрезъ коє бы изъ милости нѣгове испао, и за коє бы те казнь очекивала?

Обрадъ. Не бы Благостою! нити бы было

таковогогъ човѣка, кои бы се у такомъ случаю усудіо какво зло учинити.

Благостой. Кадъ бы дакле люди Бога истинито познавали, т. е. кадъ бы сасвимъ увѣрени были, да Богъ есть, да е премударъ и всеисланъ, да све види и зна, што годъ мы радимо, или помислимо радити, — да е праведанъ, и да ѣе свако добро дѣло наградити, а зло казнити; кадъ бы велимъ люди све ово душевнымъ своимъ очима чисто видели и знали, былъ онда Обраде! было неваляли, неправедны и бездушны людій?

Обрадъ. Кадъ бы тако было, мыслимъ, да бы свакій совѣстанъ, добаръ и праведанъ быо; — ерь бы свакій добро знао, да има, тко свашта види, и да ѣе га за зло казнити пре или после; — не бы безсовѣстногъ угнѣтанія, и подкопываня туѣ среѣе было; ерь како бы могао човѣкъ бѣснити и свирѣпствовати? Кадъ бы всемогуѣегъ Бога предъ очима имао, кои е кадаръ и найсилніегъ Тиранна свако магновеніе ока сатрти, и у пра и пепео обратити?

Благостой. Тако драгій брате! дакле кадъ ово разумно разсудимо, пакъ онда посмотримо, какавъ е данашній родъ човѣческой, то се онда морамо са жалостію увѣрити, да врло мало людій Бога истинито познае, и да сви неправедни и безсовѣстни люди, сви клеветницы и варалице, єдномъ рѣчию, сви они, кои зло на овомъ свѣту, буди коимъ начиномъ, или тайно или явно чине — Бога непознаю, нѣга исповѣдаю, нити почитую; ерь другоячіе не бы было могуѣно у зла

дѣла упуштатисе , а іоштѣ манѣ своевольно зло творити. —

Но опрости ми Обраде! што се съ предметомъ овымъ вечерасъ мало дуже задржаваамъ; а то зато чинимъ , што много выше важности у Богопознанію налазимъ, него што обычно люди мысле. Я велимъ , да є чисто и право Богопознаніє єдиный вождѣ , єдина свѣтлость , коя насъ къ истиннолюбію, правды, и свакомъ добру води; єднымъ словомъ: Богопознаніє є єдиный основаный temelь цѣлогъ морала. Само є онай истинито мораланъ и добродѣтеланъ човѣкъ, кои Бога познає , кои у Бога вѣрує; а свакій онай и явно велимъ , свакій онай, кои Бога непознає , кои Бога невѣрує, тай ніє мораланъ , ніє добродѣтеланъ, нити може быти добаръ, и поштенъ човѣкъ. Єрѣ кои Бога нейма, тай ни совѣсти нейма, нити имати може.

Обрадъ. О! О! Благостою! съ тобомъ се ніє веѣь ни разговарати, како бы ты оне люде, кои Бога непознаю , или га тек', како бы требало непознаю, непоштенымъ людма называти могао?—

Благостой. Да, да, Обраде! кои Бога непознає , и у нѣга невѣрує, неможе быти добаръ, неможе быти поштенъ човѣкъ; — нѣговъ цѣлый начинъ живота отъ случая, нѣгова сва дѣла отъ прилике завысе; нѣму су само закони земальски, и то у толико, у колико се нѣи бои, правило живота; а може л' што на свою корысть тайно учинити, то є онъ готовъ на свако зло. Таковый се човѣкъ по обстоятелствама влада; єрѣ

нейма никаквогъ внутренѣгъ основа, по коемъ бы животъ свой управляю. Ако є у честномъ дружству, и съ поштенымъ людма, пакъ само укажел' се прилика нѣгове корысти, то є онъ готовъ преварити, слагати, брата свогъ оговорити, и свако зло учинити, єръ се отъ никогъ неуздржава, и за ништа немари; ако є съ хрдявымъ дружствомъ, и невалялымъ людма помещанъ, тко є горый отъ нѣга? Све єднако тражи начина како бы ово, ил' оно зло учиню, и како бы изъ тогъ ову ил' ону ползу имао; єръ нейма Бога предъ очима, нейма совѣсти, коя бы га отъ зла задржавала. —

Были ты смѣо съ твоимъ другомъ и пріятельмъ, кадъ бы знао, да онъ Бога непознає, и нѣга невѣрує, слѣдователно нити душу признає, нити о будущности своіой мысли, были велимъ смѣо съ таковымъ човѣкомъ, башъ да ти є пріятель твой у непознатой земли, крозъ какву пустыню, или шуму путовати, или у другомъ комъ тако усамлѣномъ мѣсту, о комъ бы само вы двое и єданъ Богъ знао, преноћити, кадъ бы ты Обраде! многе новце поредъ себе носю, о коима бы тай твой пріятель знао, и кои бы ій нужно потребовало?

При овомъ вопросу Обрадъ ућути, промыслисе мало, и после краткогъ ћутаня отговори: болѣ бы было у такову опасность неупуштатисе:

Не Обраде! да бы само болѣ было у такову опасность неупуштатисе, него бы са свимъ, и извѣстно опасно было, съ таковымъ човѣкомъ на

само быти. Шта безбожанъ, и безсовѣстанъ човѣкъ ніє кадаръ учинити?

Са свимъ є пакъ друго, човѣкъ, кои Бога познає, у нѣга истинно вѣрує, и свою совѣсть неокаляну чува. — Онъ гледи како ће какво добро учинити, како мирно, любко, и поштено време проводити, и колико може бѣдномъ у помоћи быти; єръ нѣгово поштено срдце, коє Бога непрестано предъ очима има, тражи прилику добротвореня, како ће сирѣчь по сили нѣгове маленкости добро какво учинити? Онъ є срећанъ, ако другогъ срећнымъ учинити може; радъ є свакогъ на добро упутити, невольнымъ помоћи, и єдномъ рѣчію, свакомъ добро чинити. Съ таковымъ човѣкомъ можешь Обраде! по найвећимъ свѣта пустыняма, горама и долинама путовати; єръ ће те онъ тако исто чувати, како самогъ себе, и готовъ є самый животъ свой жертвовати за избавленіє друга и пріятеля свогъ. —

А да є богопознаніє и вѣра темель свакогъ добротворенія, морала, и сотимъ среће наше, видисе и изъ тогъ, што смо мы сви люди слабостима подвергнути, и што су путови живота нашегъ врло клизави, по којима ходећи, свакій лагко поклизнути и пасти може. Ако дакле тко кадгодъ страстма, приликомъ или наговоромъ невалялы людій поведенъ помысли, и пойђе какво зло учинити, то оногъ човѣка, кои Бога познає и вѣрує, само та єдна помысль, да Богъ све види, и све зна, довольна є отъ злогъ пута га отвратити, и на добро обратити; онай пакъ

кои Бога непознає, лишаваюћисе свакогъ хранителя и путеводца, блуди и тумара, како га страсти, и безсовѣстна паметъ нѣгова води; и можли што на свою ползу и корысть тайно учинити, то му онда ништа на свѣту свето ніє: друга, пріятеля, отца, матеръ, найпосле и свое рођено дѣте по мери свог корыстолюбія жертвує; едномъ рѣчію свако зло, коє се помyslити дає, таковый човѣкъ готовъ є учинити. —

Ето Обраде! каква и колика є полза за човѣка, Бога истинно познати и вѣровати; а напротивъ тога каква є велика несрећа, кадъ човѣкъ Бога предъ очима нейма, и кадъ съ нымъ страсть и корыстолюбіє управляю. — Кадъ є дакле любезный друже! богопознаніє као што смо се увѣрили темель, и неборимо начало (principium) сваке добродѣтели, и цѣлогъ морала, мыслимъ да свакій човѣкъ, ако већ неће отъ звѣра да є горій, свакій велимъ дужанъ є трудитисе, колико комъ силе душевне выше дозволяваю, зрѣло, и безпристрастно разсуждати о сущтеству Божіємъ; а кои сва она доказательства, коя смо досадъ навели, паметно и съ промотреніємъ размысли и измѣри, мыслимъ, да се мора увѣрити о истинномъ бытію Бога створителя, о нѣговой премудрости, сили и величеству:

Изъ овогъ любезный Обраде! видишь како се рѣши онай многолѣтний, и данъ данашній іоштъ важный и преважный вопросъ, кои добримъ царевыма князевыма, отцевыма, и свима

оныма найвыше на срдцу лежи, кой свой народъ, родъ и дѣцу свою любе, — рѣши се велимъ онай великій вопросъ, како се може народъ выше и выше у добродѣтели усовершенствовати, и коимъ се начиномъ у єдной држави число злы и неваляны людій истреблявати, а добры умножавати могу?

Истинито богопознаніе безъ суевѣрія у срдца младе дѣчице, и прса отрасли младежи уливати, пакъ іоштъ къ томе доцніе, кадъ већъ къ човечеству приближусе съ неборимымъ доказательствама о суштеству Божіемъ увѣравати ій, и на овомъ вѣчномъ темелю, на овомъ тврдомъ основоположенію, просвѣшеніе, свето и драгоцѣнно просвѣштеніе, колико выше и выше зыдати, и разпространявати, — то є начинъ Обраде; Цару вѣрне подданике, у кои вѣра ніе преморана, него изъ чистогъ срдца истиче, — земли добре сынове, кои доброта неће стра'омъ закона нагонѣна, него добровольна и предусретителна быти, — обштеству полезне членове, содружеству вѣрногъ и искренногъ друга, отцу добру, учтиву и послушну дѣцу, єдномъ рѣчію: цѣлой држави добродѣтелне люде воспитати, срећу народню возвысити, и на непоколебимомъ темелю угврдити.

Истина да има много людій, кои предъ свѣтомъ у црквама, и при свакомъ явномъ богомоленію притворно и безстыдно кланяюсе, и єзыкомъ Бога исповѣдаю; а поредъ тогъ неправде и зло по свѣту чине. Ови Бога нити познаю, нити га исповѣдаю; то су лажни богопочитатели, и

людске варалице. Алъ при тошъ немойсе варати, любезный друже! и мыслити, да свакій онай, кои Бога предъ людма явно исповѣда, и у нѣговомъ светомъ храму хвали и слави га, да є велимъ онай свакій лажанъ богопочитатель. Ако човѣкъ право ради, истину люби и добро твори; а при томъ и предъ свѣтомъ Бога створителя свогъ, као найвеће добро како у приватномъ разговорѣ, тако и у цркви явно исповѣда слави, и благодарєи му на нѣговымъ благодѣянїяма, чистымъ срдцемъ моли му се — то онда нїє притворно, него искренно богопочитанїє, то Богъ люби, то они люди, кои безпристрастно суде, и дѣла таковогъ човѣка праведно мѣре, — уважаваю и почитую. Єрь како годъ што є гадно и мрзко предъ людма Богу молитисе и кланятисе, а у срдцу и души Бога неисповѣдати, него зла по свѣту чинити; тако є исто неразумно, невѣрно, и непристойно у срдцу Бога исповѣдати и поштенъ быти, а предъ свѣтомъ цркве своє и богослуженїя стыдитисе, то єсть Бога отрицатисе. Алъ будући да башъ у данашнѣмъ свѣту многи на цркве, и явно богопочитанїє вычу, желїю бы и о овомъ предмѣту по совѣту здравогъ разума съ тобомъ обширнїє и подуже разговаратисе; но за садъ изъ узрока, што къ тому выше времена потребуємо, дозволи ми, да за вечерасъ нашъ разговоръ прекинемо, кои ћемо сутра кадъ се састанемо продужити. —

ПЕТО ВЕЧЕ.

Препираніє о начину богопочитанія.
Єли доста тайно у срдцу Бога исповѣдати, — или є нужно и явно почитаніє отдавати му?

Кадъ є човѣкъ о истинитомъ бытію божіємъ увѣренъ, пыташь ме Обраде! єли доста Бога у срдцу тайно вѣровати, добро творити, и заповѣди нѣгове испунывати? или є нужно поредъ тогъ іоштъ явно устма га исповѣдати, у цркву ићи, благодарити, и молити му се? Я велимъ добрый Обраде! да како годъ што є прво необходимо нужно, тако є второ, дѣло Богу и людма угодно, здоровомъ разуму сходно, и могу рећи човѣку заиста нужно. А да ти то доказати могу кажи ми молимъ те: єси ли дужанъ Богу на нѣговымъ толикимъ благодареніяма благодарити и нѣга почитовати?

Обрадъ. Єсамъ Благостою! аль я мыслимъ, доста є, да га у души моіой вѣруємъ и тайно у срдцу момъ почитуємъ. Чиста совѣсть, и добра

дѣла, то є выше, него сто метанія, коленноприклоненія, и друге церемоніє, коє народи по различности закона и обычая свогъ творе.

Благостой. Невелимъ Обраде! да чиста совѣсть и добра дѣла выше невреде, него све церемоніє, молитве и поклони явни; признаємъ я любезный брате! да є много болѣ добро чинити, и совѣсть чисту имати, ма нигда у цркву тко неишао; него безсовѣстанъ быти, злобно сердце имати, и зла на свѣту чинити, а предъ людма богопочитателѣмъ себе показывати, лицемѣріємъ люде варати, и тако грѣхе свое горымъ грѣсыма гомылати; но мое се питанѣ у томъ состои: єли дужанъ човѣкъ ако є колико поштенъ, и добродѣтеланъ, — єли дужанъ велимъ и таковой човѣкъ Богу на нѣговымъ благодареніяма благодарити, и явномъ молитвомъ своіомъ явно почитовати га?

Обрадъ. Ніє Благостою! єрь я мыслимъ, да Богъ одъ човѣка добра дѣла, и чисту совѣсть иште, а не явне молитве, благодаренія, и поклоненія, коя онъ, као свесовершенно существо непотребує.

Благостой. Знамъ Обраде! да данасъ многи и премноги тако исто мысле, као што ты велишь; алъ кажи ми молимъ те! можели се са здравымъ разумомъ сложити, єли паметно, Бога у сердце почитовати, то єсть: добра дѣла творити, а предъ свѣтомъ и народомъ нѣга презырати, отъ цркве и богослуженія стыдитисе, и тимъ начиномъ людма дѣломъ показывати, да се нѣговогъ явногъ почитанія отрычемо? У осталомъ ако Богъ као

што велишь, отъ насъ явне молитве, и благодаренія и неиште, нити требуе, я опетъ зато тврдо мыслимъ, да смо мы дужни изъ чисте къ нѣму благодарности, како у срдцу, тако и предъ свѣтомъ почитовати га. Сръ здравый разумъ извѣстно намъ каже, да свакомъ, кои намъ добротчини, требовао онъ, или нетребовао наше благодарности, на нѣговымъ благодареніяма благодарни будемо. Ово мыслимъ Обраде! да ми свакій, кой чистъ разумъ има, сасвимъ дозволити мора.

Обрадъ. То е истина.

Благостой. Кадъ смо дакле дужни людма, кои се добротвореня съ благодареніяма божіимъ ни у найманѣмъ чимъ сравнити немогу, благодарни быти, и такове явно почитовати; колико смо выше дужни Богу верховномъ благодарителю, створителю и всеблагомъ отцу нашемъ, на милости нѣговой, што смо создани, што живимо, што свака добра овогъ свѣта уживамо, и на премногимъ другимъ нѣговымъ неописанымъ благодареніяма благодарити, и почитовати га? —

Аль буди намъ дозволѣно и примѣре навести, да се болѣ увѣримо о истини основоположенія нашегъ:

Видимо и увѣренисмо о томъ, да просвѣштени народи своимъ добрымъ, праведнымъ и великодушнымъ царевыма, вождовыма и другимъ великимъ и заслуженымъ мужевыма и после смрти столпове и паметнике дижу, желећи имъ сотимъ за нѣова полезна и велика дѣла благодарность и почитаніе свое указати. Кажи ми садъ молимъ те,

потребує ли, и иште ли кто отъ тій упокоєны лю-
дій ову народню благодарность? пакъ опетъ
найпаметніи и найпросвѣщеніи люди то чине, и
паметно чине; єръ сотимъ благодарность свою и
почитаніє указую съ прамъ онога, комъ су столпъ
подигли.

Тако кадъ намъ се кои благодѣтель нашъ,
другъ, или пріятель, кога любимо, преста-
ви, не оставимо ли наше и найвеће послове,
да га до гроба отпратимо, и сотимъ нашу
почесть, нашу благодарность и любовь съ
прамъ упокоєногъ укажемо? Ово насъ
само чувство наше, и разумъ и хотѣе,
и нехотѣе преморава чинити; премда
упокоєный нашу ту благодарность любовь
и почитаніє, као већъ мртавъ, отъ насъ
непотребує. — Небы ли найвећу
суровость, невоспытанѣ, не-
благодарно срдце, и гадну душу
сотимъ засведочили, кадъ бы
благодѣтеля нашегъ сасвимъ пре-
небрегли? Кадъ бы поредъ нѣго-
вогъ погребѣ или гроба пролазећи,
и невештисе чинили, главу от-
враћали, и єдномъ рѣчію немарль-
иви были?

Кадъ дакле по чувству
внутренѣмъ душе наше, и по
здравомъ разуму великимъ и
народо-полезнымъ мужевыма,
нашимъ благодѣтельима, и
родительима и после смрти
нѣове благодарность и почитаніє
явно указывамо, коє они отъ
насъ нити ишту, нити потребу-
ю, како да нисмо живому Богу,
на нѣговымъ неизреченымъ
благодѣянїяма благодарность,
любовь и почитаніє явно
указывати дужни? — Нїє ли
то неблагодарно срдце, нїє ли
то презыраніє, и неопростимо ху-

дожшелів, отъ цркве божіє, гди се народъ скупію, да хвали и слави створителя свогъ, съ нѣкомъ гордостію туђитисе, и оне, кои у цркву иду за непросвѣштене, неразумне, или безъ разлике за лажне богомольце држати, и называти? Ніє ли то крайна неразсудность отъ светогъ олтара божієгъ презрително главу отвраћати, и сотимъ Богу, источнику живота и среће наше, почитаніє и благодарность отрицати? или болѣ рећи: дѣломъ предъ свѣтомъ показывати непочитаніє и неблагодарность? —

Я бы рекао Обраде! да такови люди, ако су и добродѣтели, добродѣтель свою само предъ свѣтомъ показую, аль ю у свомъ срдцу неносе; ерѣ тко се Бога, и нѣговогъ почитанія предъ свѣтомъ стыди, тай Бога непознає, нити може истинито добродѣтеланъ човѣкъ быти.

Како годъ дакле што є богомрзко, безстыдно, и непоштено зла дѣла чинити; а при томъ у цркви притваратисе, и лицемѣрно Богопочитателѣмъ себе показывати: тако є исто непаметно; Бога предъ свѣтомъ стыдитисе, нѣговогъ явногъ почитанія отрицатисе, и у томъ, као што таковый мысли, нѣку мудрость показывати.

Обрадъ. Добро Благостою! нека право имашь, да ніє паметно отъ явногъ богопочитанія стыдити и отрицатисе; аль кадъ кои у явномъ богомоленію, у обычаима, и обредыма црковнымъ по свомъ разсужденію неналази довольный и правый темель истиногъ богопочитанія, то онда таковый нити се Бога стыди, нити се нѣга отриче; и зато

може добродѣтеланъ, и истинный богопочитатель
быти.

Благостой. А налазишь ли ты Обраде! по здра-
вомъ разуму, да е довольно за явно почитаніе
човѣка, што европейски народи шеширъ, или
капу скидаю? и сотимъ почестъ ономъ лицу,
предъ коимъ то чине, показую? — Какво е то
почитаніе што ѣу ти я главу мою открыти? —
шта бы рекао онай, кои небы знао, шта то значи,
ма да е найпаветній човѣкъ? То, што мы Ев-
ропейцы о онымъ народима говоримо, кои за
знакъ почитанія папуче съ ногу скидаю, и тако
босоноги стою, да бы намъ сотимъ почестъ по-
казали; овы люди такоѣ се исто смѣяти нашемъ
главооткрытію, како годъ мы нѣовомъ босоно-
жію.

Чифути покрываю главу, кадъ богопочитаніе
совршаваю, а мы открывамо у истомъ случаю;
Турцы съ прекрштенымъ на грудма рукама кла-
няю ти се, и сотимъ ти честь указую, и какве ти
іоштъ различне начине почитанія знамъ наброяти.
Кои е дакле отъ овы начина лудъ, кои ли па-
метанъ? —

Я бы рекао Обраде! да и едно и друго, и
треѣ и четврто за добро и паметно приимити
валя онде, гди е таковый обычай почитанія,

Зашто се дакле небы я у цркви по момъ
обычаю Богу помоліо? Зашт' небы на землю кле-
као, кадъ савъ народъ клечи, или зашт' се небы
прекрстіо и поклоніо, кадъ се сви мои единоза-
конни крсте и кланяю? Ово е начинъ богопочита-

нія, и то лѣпъ, и богоугоданъ; а богомрзко є стыдити се оногъ, што му законъ и невыни обычаи приписую, то єсть: стыдитисе свогъ закона, свое народности, и самогъ Бога. —

Поредъ тогъ можели се внутренѣ почитаніє за право и истинито помислити, съ презрѣніємъ явногъ почитанія? — Неможе се онай почитателѣмъ рода свогъ называти, кои предъ свѣтомъ а нарочито међъ туђинцыма име и народность свою таи и крыє, ма онъ колико своимъ сонароднымъ казывао, да внутрено свой родъ и народность люби; ерь є родолюбіє нѣгово притворно, и зависи отъ обстоятелства, а не отъ чистосречногъ признанія и почитанія народности свое.

Дѣла любовь показую, дѣломъ засведочавамо, шта смо, како мыслимо, и како внутрено чувствуемо.

Немой дакле любезный Обраде! мыслити, да они люди Бога почитую, кои се свогъ закона, свое цркве, и свои невыны, и богоугодны обычая стыде. Нейма ту любезный брате! правогъ богопочитанія, нейма истините любви къ Богу, и къ пресветой добродѣтели.

И премда є любезный Обраде! све ово чиста и неопровергаема истина; зато опетъ на велику жалость нашу много людій налазимо, кои Бога или врло мало, или башь нимало непочитую. Пакъ іоштъ да су то само прости люди, кои безъ науке сами по себи о истинномъ Богу врло мало понятіє имаюћи, понайвыше туђимъ упутствіємъ вођени, цѣло свое исповѣданіє на туђимъ рѣчма

оснываю, и зато се лагко поколебаваю; — него што е горе и црнѣ, налазесе многи и између учены, кои бы се своимъ разумомъ и изъ основны наука о бытію божіемъ, и о потреби богопочита- нія увѣрити могли, да свой законъ презиру; овима слѣдуюћи велика часть тако названы полу- учены, кои явно богопочитаніе не само за изли- шно држе, него іоштъ и оне, кои у цркву иду, изсмѣваю. Што выше, нѣки и само бытіе божіе у сумню доводећи говоре, да е све то натура (естество) отъ вѣчности уредила, а незнаду ни шта е то натура, шта е вѣчность, тко е, и шта е уредіо и уредити могао? Многи пакъ признаю Бога створителя; алъ изъ нѣкогъ високоумія сты- десе нѣга явно исповѣдати, црковно богослуженіе измышлѣнымъ церемоніама называю, коима се безумни даю варати, и какве ти блевотинѣ о цркви и светомъ олтару божіемъ неговоре. Овай, ако е кою развраћену кнѣгу у рукама имао, и нѣшто изъ нѣ читао; безъ да е разсуждавао о ономъ, што чита, — одма ауктору ономъ за право дае, и ели само противъ закона, цркве и Бога, то га увеличава и обожава, како е то паметанъ човѣкъ? како мудро пише? и проча. — Другій ако е двадесетъ ил' тридесетъ миля далѣ отъ мѣ- ста рожденья свогъ у трговини или занату быо, — или ако е когъ срећа на степенъ богатства или чести возвысила, горди се и поноси се; све е нѣму лудо, и суевѣрно, што се годъ цркве, и явногъ Богопочитанія тиче; презире и стыдесе и найлѣпшій и найневыніи обычая, како црковны,

такo и народны. Пакъ да е само то, него выче-
явно на законъ, и светость олтара божіегъ, а
нѣки и до тогъ безумія долазе, да и на самогъ
Бога клеветати усуђуюсе. У томъ налазе начинъ
свою науку, память и мудрость показывати, и
мысле, онда ће люди видити, да су они высоко-
учени, и да су свѣта прошли, кадъ уму про-
тивъ цркве, закона, и Бога бр'бляти и клеветати;
а незнаю, да су плитки и преплитки о томъ и
у разговоръ упуштатисе, а камо ли што зрело,
памятно и мудро доказати. Лако е казати: ово
е лудо, — то ніе тако, то ніе истина; аль
треба доказати, зашто е то лудо, зашт' ніе тако
добро, и како бы болѣ было, шта ніе, и шта
есть истина. —

Истиномъ рѣчій овы побѣжденъ Обрадъ,
приближисе другу свомъ, и рекше: право велишь
любезный Благостою! и самъ самъ увѣренъ о
тимъ многоразличнымъ клеветаніями неразсудны
людей; пакъ іоштъ колико е гадніе такове бле-
вотинѣ и противоборство закона отъ оны гдикой
слушати, кои су као хранители и учителя за-
кона поставлѣни. Слушао самъ моимъ ушима до-
брый друже! како гдикой мало почитую онай
светый олтарь, на комъ е служе, виђао самъ мо-
имъ очима, како нѣки мало уважаваю светость
мѣста оногъ, гди народъ Богу молитве приноси,
— како у мѣсто благоговѣнства немарливо, съ
нѣкомъ шаломъ, а кадъ кадъ и са соблазномъ
службу божію отправляю. — Што выше познаемъ
гдѣкос, кои се не устыђую свою отвореность,

свѣта познанство, и ученость у томъ показывати, кадъ у дружеству и разговору неразсмотрены мнимы мудраца, противъ вѣроисповѣданія, цркве и самогъ Бога заедно съ овима роптати могу.

Благостой. Тако є тако Обраде! ово нису прерѣдкїй случаєви; нїє дакле чудо, што многи люди, кои такове блевотинѣ слушаю, и друга моралу и закону противна дѣла особито отъ оны виде, кои треба народу као примѣръ честности, учтивости, и сваке добродѣтели да служе, — што велимъ многи люди, и нарочито прости поводомъ тимъ у любви справъ цркве оладнюю, а поредъ тогъ и у вѣри и закону ослабляваю. Єрь као што латинъ вели: „*Verba movent, exempla trahunt*“ *) не само простъ, и манѣгъ воспитанія човѣкъ, него и ученъ и високовоспитанъ примѣромъ овимъ ил' онымъ често на єдну, ил' на другу старну поведисе. — Невелимъ я любезный Обраде! да суєвѣрни будемо, да свашта одма вѣруємо, да измышлѣне ствари за свєтыню држимо, да свакій часъ у цркву трчимо; єрь се може човѣкъ и кодъ куће Богу молити; него да се отъ цркве нетуѣймо, да нїємо годишняцы, **) но кадъ намъ дѣла наша дозволяваю, чешѣ у цркву отлазимо, — да Бога чистосердечно почитуємо, нѣга и нашу собраћу любимо, као што насъ преблагїй Іисусъ Христосъ у своіой

*) Рѣчи возбуждаваю, аль примѣри за собомъ вуку.

**) Кои у години по єдан' путь, или двапутъ у цркву долазе.

премудрой и неоцѣнимой науки учи и упућує; — да бы тако по нѣговомъ не поквареномъ, него чистомъ, моралномъ, и заиста светомъ закону животъ проводили, и дужности наше испуњавали.

Много бы ти имао јошть о предмѣту овомъ говорити; но за садъ нек' є ово доста; сутраћемо о станю човѣческомъ на овомъ свѣту разговаратисе; ако дакле желишь о томъ самномъ посовѣтоватисе, дойђи овамо, гди ћу те предъ вече очекивати. — Сад' ти пакъ желимъ благу ноћъ, молећи те, да у будуште кадъ ти време дозвољава, чешће у цркву божію отлазишь.

ШЕСТО ВЕЧЕ.

Незгоде станя човѣческаго отъ рожденья до смрти, — и разсужденіе о неизвѣстности будущности наше за време овоземногъ живота човѣческаго.

Кадъ е сунце свое жарке зраке утолявало, и вечерный зефиръ пріятный предѣль поредъ тихо текуће рѣке Бегеа лежећи разладъивати почео, оба пріятели по обѣштанію своемъ на уречено мѣсто дойфу, еданъ другогъ любезно поздравилъ, и по краткомъ о здравлю домаћи свои разпытыванію Благостой рекне: лѣпъ е овай свѣтъ любезный Обраде! и премудро е нѣгово управленіе, а гди е паметно и благо правленіе, ту се ни помислити не да, да какво зло опредѣленіе владѣнія быти може. Подъ мудрымъ и добрымъ царемъ, благо народу, коимъ онъ управля; а камо ли подъ владѣніемъ всемогућегъ, всеблагогъ и премудрогъ отца, творца, и создателя толико міліона и міліона свѣтова, изброєны народа, и родова у цѣлой вселеной находѣнсе.

Обрадъ. Истина Благостою! да самъ о бытію божіємъ, и нѣговой премудрости са свимъ увѣренъ; али кадъ станѣ човѣческо посмотримъ онако као што естъ, вѣруй ми, да при свемъ томъ налазимъ, да е оно врло жалостно и бѣдно, о чему я овако разсуждавамъ.

Родио самъ се, живимъ, и знамъ да умрети морамъ. Видимъ, да нѣшто на овомъ свѣту есамъ; но како самъ на свѣтъ дошао, на шта живимъ, и шта ће самномъ іоштъ за краткогъ живота овогъ быти, то ми е непознато, то е неизвѣстно; а напротивъ тога она горка, она страшна извѣстность, кою нитко избећи неможе, смръть неумитна, та ме узнемирава, та ме погружава, и увѣчно очаяніе баца. — Толико дакле извѣстно знамъ, да за кратко време живимъ, и да умрети морамъ.

Ништа намъ на свѣту извѣстно ніе, све е подложно промени и унуштоженію, отъ почетка живота, до саме горке смрти. — Болести, жалости, гоценія, бѣде, и угнѣтанія нападаю насъ; хіляду се путій бринути, єдити и горко напатити морамо, докъ до єдногъ, и то худогъ и непостояногъ добра дойѣмо: пакъ башъ ако оно што желимо, и задобіємо, то е неностояно; немилостива смръть нечека да се вѣковима, и вѣковима, добрымъ тимъ, за коє смо се толико трудили и мучили, наслаждавамо; него намъ све на скоро прекине и уништожи. Єднимъ словомъ: свакій правдолюбивый испытатель признати мора, да е животъ човѣческій пуњъ трня, изъ мењъ коєгъ,

ако гдикои бледъ и жалостанъ цвѣтакъ кадъ кадъ и процвѣтава, тай наскоро увене и осушише.

Аль да се болъ увѣришь о истини рѣчій мои, прегледаймо редомъ станъ наше, отъ почетка бытія човѣческаго, до найдублѣ старости нѣгове.

Съ плачемъ се раѣамо, съ плачемъ умиремо. Дѣтинство є пуно зла, пуно неволя и опасности; и нѣму смо неяцки и неразумни; зато съ нама други, кадъ свои, кадъ туѣини владаю и чине, што имъ є драга воля нѣина. Често изъ довољногъ узрока плачемо и вриштимо, пакъ на мѣсто утѣхе, неразумни насъ добротвори наши, ни криве, ни дужне, по нѣовомъ расположенію туку и пребіяю. Желъ намъ се са свимъ рѣдко, или нигда неиспуняваю; него како туѣе роблѣ, морамо по заповѣсти све чинити и слѣпо покораватисе, што намъ се налаже. А кадъ мало отрастимо, и почнемо познавати гди што на свѣту, муче насъ радньомъ, занатомъ, и свакоякимъ наукама, како ћемо горкій животъ нашъ будущій проводити моћи, и какве ти іоштъ тегобе и неволѣ дѣтинства знамъ казати.

Посмотримо ли пакъ нашу младость, коя є токорсе найлѣпшій цвѣтъ живота човѣческаго, видимо, да се у то доба іоштъ лишавамо зрѣлогъ разсужденія; суєта намъ испунява и душу и срдце; — неймамо нуждногъ искуства, неймамо умѣрености, него смо нагли и поводљиви. — Свакій часъ поклизавамо и упадамо у зло и

неволю. — Што мы за найпаметніе држимо, и што мыслимо да добро радимо, съ тимъ намъ се други подсмѣваю, и отъ тудъ намъ незрѣлость нашу пребацую. Ако старіе имамо, ови насъ упућую, и за наше неразумне поступке караю и псую, и доста насъ путій тако наѣде, да смо готови сами себи смръть задати; аколи пакъ неймамо старіи, блудимо и тумарамо ветренистомъ главомъ нашомъ и тамо и амо, докъ у какво зло неупаднемо и незгрувамосе, пакъ онда проклиньмо часъ рожденія, и себе найнесрећнимъ праведно называмо.

Єсмо ли до совршеногъ возраста дошли, то насъ онда распыню неброєне желѣ, страсти и бриге. Овай є сасвимъ сырома, и неможе себи свой сведневный лѣбаць да заслужи. Онай има мало, и єдва съ тежкомъ мукомъ край съ краіомъ стиже — треій пакъ и съ онимъ што съ прамъ другогъ и много има, ніе задоволянъ; єръ бы выше имати желіо. Єданъ иште выше почитованъ быти, него што заслужує, другій тражи висока достоинства и званія; свакій є радъ отъ другогъ болши, богатіи и честитіи быти, — свакии себи тежи, и на свою корысть ради. — Ово радъа зависть, и нѣну сестру проклету ненависть; рѣдакъ є пріятель, а непріятеля можешъ стотину наброяти.

Ако си оженѣнъ, потребе се умножаваю, дѣца се раѣаю, єдна брига другу стиже. Кодъ єдногъ є кты добра и блага, а сынъ распуштень и неваляо, кодъ другогъ су добри и красни сы-

нови, а ктьери распуштене, злонравне и несрећне; а на много мѣста по несрећи єдно отъ другогъ горе и хрдъавіе. — Єси ли пакъ неженѣнъ, живишь као дрво безъ грана и лишѣа; кућа ти є пуста и праздна; у болести никакове помоћи; све є туђе, све странно, што очима погедишь; дакле како у оженѣномъ, тако и у неженѣномъ станю налазимо довольнѣ и премного незгода, коє намъ животъ огорчаваю.

Къ овимъ непогодама долазе іоштъ много горе и црнѣ неволѣ и зла, коє намъ овогъ човѣческаго времена душу и срдце раздиру, и често насъ до самогъ очаянія доводе: смртъ родителя, смртъ дѣце, сродны и искренны наши пріятели толико насъ погружава, да често при свемъ нашемъ мужеству и разуму до самогъ изумѣнія долазимо. О мой любезный Благостюю! вѣруй, да кадъ све жалостне случаєве живота нашегъ посмотримъ, праведно, и безъ свакогъ уздржанія изрећи могу: волео бы хіляду путій да се нигда на свѣтъ родію нисамъ, у комъ толико несносности, толико неволя и горки удараца судьбине човѣческе претрпити морамо.

Што се напослѣдакъ старости тиче, мыслимъ, да ніє нужно нѣно бѣдно станѣ описывати, и неволѣ оне, коє стари люди подносити мораю, редомъ брѣяти. Доста є само рећи, да є старость по себи сама болестъ; а да болестанъ човѣкъ неможе срећанъ быти, то свакій искуствомъ своимъ добро зна; єръ є болестъ патня и неволя, слѣдователно зло, а не добро. — При томъ стари

люди обычно су нестерпѣливи, лако се налазе увређени, инате се за свашта, и мешаю се у оно, што се њи нетиче; омлађину своју узнемираваю, еде и озлобљаваю, съ коимъ неразумнымъ поступкомъ своимъ, и саму своју рођену дѣцу до тогъ доводе, да ова мѣсто любви, на њи мрзе, и ратосиляю ий се. Пакъ юштъ поредъ свию овы неволя, коє старогъ човѣка несрећнымъ творе, смртъ му свакій данъ предъ очи излази; овай га стра' сведневно узнемирава, душу му погружава, и наравно незадовольнымъ и несрећнымъ га чини.

Ето Благостою! како є човѣкъ — твоє најблагороднѣ створенѣ овогъ свѣта — свакоякимъ бѣдама и невољама, еднымъ словомъ: патњи и нужди, отъ постанка свогъ до саме смрти подвргнутъ; — ето како горко овай краткій животъ свой проводи. Кажи ми садъ, єли моє разсужденѣ о станю човѣческомъ неправо? — или самъ изъ сведневногъ искуства чисту и свету истину говорю? — отъ куда се свакій довольно увѣрити може, да є станѣ човѣческо худо и жалостно, а не као што ты мыслишь благополучно; слѣдователно човѣкъ нѣ на добро и срећу свою, него на зло и патню рођенъ.

Благостой. Ты садъ мыслишь лыбезный Обраде! да си ме са свимъ побѣдио, и да се твоимъ доказателствама ништа напротивъ ставити не може; аль се люто варашь добрый друже! коє ћешь лако увидити, кадъ твоя изложенія редомъ

претресемо, и како по здоровомъ разуму, тако по самомъ искусству истину потражимо.

Првый узрокъ, изъ коегъ ты станѣ човѣческо бѣднымъ и худымъ называшь, доводишь ми неизвѣстность живота човѣческаго; велишь да намъ ни еданъ часъ у животу нашемъ извѣстаніе, и да насъ та неизвѣстность наша несреѣнымъ чини. А я напротивъ тога мыслимъ, да намъ и сама та неизвѣстность на наше благополучіе служи, и да башь при извѣстной будущности нашей, небы среѣни были. Да бы ти пакъ ово доказати могао, нужно є найпре опредѣлити, у чему се среѣна и благополучіе наше состои? я велимъ да се среѣна наша у задовольству состои. Само се онай човѣкъ среѣнымъ назвати може, кои є задоволянъ; єрь, бадава є коме све богатство и благо, — бадава му чести и достоинства, кадъ є незадоволянъ, таковый нигда среѣанъ неможе быти.

То ти допуштамъ, рекне Обрадь, то є истина, да само задоволянъ човѣкъ среѣанъ быти може.

Благостой. Дакле задовольство є среѣна, а незадовольство по себи самомъ несреѣна.

Обрадь Тако є. —

Благостой, Кажи ми молимъ те Обраде! былъ ты могао задоволянъ быти, или болъ реѣи, былъ среѣанъ быти могао? кадъ бы данасъ знао, да ће ти се после когъ времена, какавъ незгоданъ, и несреѣанъ случай догодити? Кадъ на при-

мѣръ дѣте твоѣ милуєшь, и съ нѣмъ се у пуной мѣри задовольства забавляшь, и о нѣму се весма радуєшь, немислеѣи на никакво будуще нѣгово зло, — былъ онда, велимъ, радостанъ и задоволянъ быо, кадъ бы знао, да ѣе после когъ мѣсеца или године, то исто любимче твоѣ погинути? Илъ кадъ посмотришь сермію твою, и видишь како ти радня, трговина, или буди кои посао за рукомъ, и по твоіой вољи иде, кажи ми былъ се мѣгао онда радовати, кадъ бы напредъ знао, да ѣе се све то другоячїе окренути, да ѣе ти трудъ твой пропасти, и да ѣешъ мѣсто данашнѣ радости, зло и несреѣу искусити морати?

То ти се само отговара, рекне Обрадъ, да се не само радовао небы, него бы іоштъ пре те претеѣе ми несреѣе тужїо и жалїо.

Дакле, да бы данашнїй данъ задовольно и весело провести могао, болѣ є сутрашнѣ зло непознавати; болѣ є дакле незнати нашу будущиность, него напредъ непогоде наше познавати, и себе пре времена опечалявати. —

Обрадъ. Аль има случая у комъ бы добро было будущиность нашу знати, то єсть кадъ бы напредъ знали да ѣемо до каквогъ добра дойѣи, да ѣемо какво достоинство, честь, или богатство получитьи.

Благостой. И овде любезный друже! небы добро было будущиность нашу извѣстно знати; єрь и чрезъ самогъ очекиваня извѣстне среѣе

свое были бы нестерпѣливи, и отъ тудъ неза-
довольни то естъ несреѣни.

Што выше Обраде! и то признати морамо,
да бы такова среѣна, коя бы човѣка тимъ извѣст-
нымъ путемъ посѣтила, у полакъ отъ силе, и
крѣпости свое изгубила, и небы насъ нигда то-
лико среѣнымъ творила, колико она, коя неиз-
вѣстнымъ путемъ ступа. —

А поредъ тогъ, кадъ разсмотримо, да сва-
кій човѣкъ свое особите желѣ има, и да свакій
отъ найсиромашнѣгъ просіяка, до найсилнѣгъ
цара, у овой или оной надежди живи, — пакъ
кадъ бы напредъ знали, да намъ се ова ил' она
желя испунити неѣе, кажи ми: был' онда у най-
веѣой слави, благу, и богатству онако среѣни
были, као што смо за оно време, докъ у надежди
живимо? я велимъ да бы сотимъ єдни много манѣ
среѣу свою уживали, а други бы са свимъ не-
среѣни были.

Тако дакле любезный Обраде! будущтность
нашу, при овомъ станю нашемъ, како смо мы
люди на овой земли створени, нити є добро за
оногъ знати, кои мало има, или ништа нейма,
нити пакъ за оногъ, кои много, или свашта има;
свакомъ бы извѣстна будущтность на умаленіе
задовольства, и среѣе служила, єднымъ словомъ:
кадъ бы човѣкъ свою будущтность знао, сотимъ
бы истымъ знанѣмъ среѣу свою умаліо.

Видимъ, да ти овде уступити морамъ, рекне
Обрадъ, аль што се тиче бѣда и неволя, кое
самъ ти горе описао, да човѣка отъ рожденя до

саме смрти гоне и угнѣтаваю, ту ми башь ништа отговорити неможешь; ерѣ є та истина толико позната, да се ништа на противѣ казати не да.

Добрый друже! данасъ є веѣь касно о томѣ предмѣту, кои выше времена потребує, разговаратисе, ако Богъ да, те здрави будемо, сутра ѣмо разговоръ нашъ продужити.

СЕДМО ВЕЧЕ.

Различне желѣ човѣческе производе различно задовольство, отъ кудъ се раѣа веѣа ил' маня мѣра среѣе наше; узрокъ пакъ зала свѣтски понайвыше оснывасе на слободной вољи човѣческой.

Нисамъ се надао любезный Благостою! рекнѣ Обрадъ, после краткогъ поздрава пріятелю свомъ, да ѣемосе моѣи вечерасъ овде састати; холуа, грмлявина, и страшни они облацы, кои су намъ данасъ око полдна отъ сѣверне стране съ великомъ кишомъ претили, мысліо самъ, да ѣе намъ састанакъ осуѣтити; алъ хвала Богу, по краткому времени све се разишло, сунце є после лѣпо сіяло, и ево како пріятно и тихо вече имамо.

Зато опетъ добрый Обраде! неможемо данашній данъ ружнымъ и непогоднымъ назвати; єрь збогъ оногъ єдногъ, илъ два сата, докъ є сунце у облаке было сакрывено, и докъ є холуа и грмлявина владала, неправедно бы было, цѣлогъ дана време худити и хрѣавымъ называти.

Ни на кои начинъ Благостою! отговори

Обрадъ, што выше, вѣруй, да ми є данашный данъ, а особыто ово вече много пріятніє; єръ є онай сильный вѣтаръ воздухъ мало разладіо, и ону досадну вруѣину утоліо.

Тако є добрый Обраде! садъ право судишь; тако исто треба да си и спрамъ станя човѣческогъ у разсужденію твоємъ праведанъ, ако желишь до праве, и нелажне истине дойѣи. Како годъ што єдна частица дана каквость времена неопредѣлює: тако исто збогъ єдногъ неугодногъ ил' злополучногъ догаѣая човѣческогъ, неможесе цѣлый животъ нашъ злымъ и хрѣавымъ называти. Никакву стваръ кадъ є разсмотравамо, нетреба съ єдне стране у разсужденіє узимати, него є нужно са свію страна прегледати, и мѣрити, пакъ по ономъ, што претежава, или добромъ или зломъ называти ю. —

Дакле и станѣ човѣческо нетреба само съ єдне стране сматрати, него валя све струке нѣгове претрести и видити, шта съ човѣкомъ за цѣлогъ нѣговогъ живота быва, уживали выше добра или зла? я велімъ любезный пріятелю! да задовольство човѣческо, то єсть среѣа наша, много зависи отъ зрѣлогъ разсужденія, и паметногъ разположенія дѣла наши; и колико намъ други люди, толико, да мы сами себи задовольство, или незадовольство причинявамо.

Єданъ є задоволянъ и среѣанъ, кадъ доста новаца и доста богатства притяжава, и немари за никаква достоинства, чести и отличности; што выше, да му тко высоко какво званіє на-

метне, а отъ вседневногъ ужитка свои добара удали га, быо бы конечно незадоволянъ и несре-ханъ; — другій оставля найвећа своя притяжанія, у коима никакве радости неналази, него тежи душомъ и сердцемъ како ће ма и найтеже званіе получитьи, само да є дично и високо, коє му славу и честь приноси. — Онай люби миръ и тишину живота свогъ, и у томъ задовољство налази, — овай тражи мужество и бодрость свою свѣту показати, узима мачь у руке, и раддо ступа у битку и войну, за самый животъ свой нестараюћисе. — Добаръ налази задовољство и срећу у добротвореню, душа му плива у радости, ако є што добро учиню, и дужность човѣческу испу-ню; — злогъ пакъ срдца човѣкъ веселисе и радуєсе, ако се ближнѣмъ подсменути може, ако є измећъ пріятеля какву и сваћу замео, коя му нѣгове злоковарне планове къ концу привести може; или ако є чуо да се овомъ иль ономъ зло какво догодило. Сустанъ човѣкъ налази срећу свою у похоти своіой, у кићеню, гордомъ ходу, измышлѣномъ новомъ начину поклоненія и разго-вора, а особыто у одѣлу, само да може по по-следной моди хальине имати, и свагда као лутка изъ кутіе излазити, да є лѣпъ, и да се женскомъ полу допада, ма у кући своіой како живіо; а сластолюбивъ немари и калявъ и дролявъ быти, само да му є доста єсти, пити и веселитисе, и какве ти іюштъ различности среће и задовољства човѣческогъ наброяти могу. —

Видишь дакле Обраде! како оно, што єдногъ срећнымъ твори, другоме никакве радости не-причинява; и што єданъ за добро налази, то другомъ незадовольство проузрокує. Срећа є дакле човѣческа различна и зависи отъ наши пожеланія. И то є узрокъ што є доста путій овай, или онай у нашимъ очима благополучанъ, кои себе у внутрености своіой несрећнымъ осећа быти; а напротивъ онай, кога мы за несрећногъ држимо, тай є доста путій много срећни, него мы сами, кои га сожалуємо.

Изъ овогъ можешь далѣ видити добрый Обраде! да є та различность среће, и задовольства човѣческогъ нужна; єрѣ само тимъ начинаемъ и богатъ и сиромѣ, — и у высокомъ достоинству и безъ свакогъ званія, и лѣпъ и ружанъ и ученъ и неученъ, єднымъ словомъ: могу сви люди на овой земли ма у комъ станю, жили, задовольни, то єсть срећни быти, као што и дѣйствително бѣва.

Обрадѣ. Истина є Благостою! да у свакомъ станю човѣческомъ манѣ, ил' выше задовольства налазимо, то се таяти неѣда; алѣ я велимъ, онѣда бы могли рећи, да бы човѣкъ овогъ свѣта срећанъ быти могао, кадѣ га нигѣда никакво зло узнемиравало небы.

Лѣпо желишь Обраде! алѣ ємо мы мало пре за темель нашегъ разговора узели, станѣ човѣческо, онако, као што єсть, а не као што бы желили да бѣде. Но при свемъ томъ трудићу се, да ти и на то отговоримъ. Мы се радуємо и ве-

лично соотимъ, што насъ е Богъ душою словесною, и здравымъ разумомъ обдарю, и надъ свима другима овогъ свѣта созданиама возвысію, — што намъ е дао слободну волю, да по нашей желы ово ил' оно учинити, или оставити можемо, и небывамо єднымъ само нагономъ наравнымъ, као безъ словесна марва управляни; а кадъ до дѣйствія те слободне волѣ дойде, онда намъ опетъ ніе право, што тако бѣва, то єсть, што збогъ те слободне волѣ човѣческе зла на свѣту бѣваю, или управо рећи што слободну волю имамо.

Боже сачувай, рекне Обрадъ, нитко се противъ слободне волѣ човѣческе тужити неможе, та то намъ е єдно отъ найважнїи свойства съ коимъ се отъ проче животинѣ разликуємо; єрѣ да слободне волѣ неимамо, бѣли бы праве махіне; нит' бы мы добра нит' зла чинили, него бы упуствованїемъ и нагономъ туѣимъ и єдно и друго творили, слѣдователно што годъ бы радили, све бы само изъ принужденїа бѣти морало.

Узми на умъ Обраде! шта си мало пре рекао, да бы човѣкъ само онда срећанъ бѣо, кадъ никаква зла на свѣту небы бѣло. А отъ кудъ та сва зла, коя на свѣту бѣваю, проистичу? да неће бѣти изъ те слободне волѣ, кадъ ю люди противъ своє совѣсти, душе, Бога и честности и противъ самогъ свогъ разума злоупотребляваю? — Нису ли свему злу свѣтскомъ обычно люди криви, и нѣово самовольство? Да сви по закону естественномъ и гражданскомъ живимо, небы изъ

међъ хіляду зала и незгода човѣчески єдва єдно ил' друго животъ нашъ узнемиравало; сви бы у миру и любви, краткій овай животъ човѣческой проводили. Небы угнѣтанія невини было, небы крађе и убиства; небы лукавства и оклеветанія, — небы злобе и зависти, — небы толико болести и пре времена смрти, и єднымъ словомъ: небы скоро никаква такова зла было, коє отъ людій произлази, єрѣ є свему овому слободна воля човѣческа узрокъ.

Обрадъ. Дакле Благостою! ты самъ признаєшь, да на свѣту овомъ доста зла има; пакъ башъ зато я имамъ право, кадъ станѣ човѣческо осуждавамъ, и при томъ остаємъ, да є оно худо и жалостно, и да за човѣка на овомъ совѣту праве среће нигди нейма.

Благостой. Ето опетъ моє неволѣ Обраде! како нећешъ да си справъ самогъ себе праведанъ, него у самымъ пожеланіяма себи противословишь? Гди се нашегъ добра тиче, ту бы слободну волю, до последнѣ капи крви бранію, и трудію бы се засведочити, да є то єдно отличіє човѣка отъ друге животинѣ; а нећешъ да признашь, да су сами люди криви, што погдикоя зла на свѣту бываю, коя сва отъ човѣческе слободне волѣ проистичу. Но зато нетреба се нимало печалити любезный друже! што се дѣйствомъ слободне волѣ кадъ и кадъ зла догађаю; єрѣ оно добро, коє отъ слободне волѣ имамо, и она превосходность нѣна, коіомъ насъ є Богъ на нѣкій степенъ совершенства возвысію, уништожава

сва она злоупотребењія, коя чрезъ нѣ међъ людма бываю. — Нитко паметанъ неће казати, да є ватра и вода зло, — да су намъ непотребна, и да бы болѣ было, да ий на свѣту овомъ нейма — премда она кадъ кадъ найстрашніе пожаре, а ова найужасніе потопе проузрокує; — нетреба оштаръ ножъ зато худити, што се тко непаметно съ нымъ поступаюћи, посѣкао; нетреба дакле ни слободну волю, ону благодать божію, коіомъ смо надъ свима созданіяма возвышени, ако ю тко и злоупотреби, худити и опорочавати. —

Пакъ іоштъ шта бы Обраде! рекао, кадъ бы ти навѣстію, да та иста зла, коя се на свѣту догађаю, докъ є годъ свѣтъ оваковый, као што єсть, и докъ смо годъ мы люди слабостма, и страстма подложени, на наше добро, поправленіе и благополучіе бываю.

За Бога Благостою! отговори зачуђеный изрѣченіемъ овымъ нестерпивый Обрадъ, како може быти, да зла свѣтска, іоштъ и на благополучіе наше бываю? То є таково противословіе, кое и найкраткоумніи човѣкъ увидити може.

Я тако мыслимъ любезный друже! придода Благостой; єръ кадъ посмотримо теченіе живота човѣческаго, налазимо, да су многи люди искусствомъ и покушеніемъ овогъ ил' оногъ зла, больи постали; а понайвыше быва да малымъ злымъ научени избѣгавамо већу и погубителну несрећу? При томъ да зла нейма, небы уважавали добро. Кои є свагда здравъ, и нигда боловао ніе, тай не умѣ толико цѣнити своє здравлѣ, као онай

кои є текъ чрезъ болестъ познао, какво є благо овогъ свѣта постоянно здравлѣ. Што выше, небы здравлѣ ни за добро какво држали; єрѣ невидѣни болести, мыслили бы: то тако мора быти. Богатство небы се уважавало да єу сви люди єдногъ станя, да потребе и да сиромашства нейма, и да овогъ нейма, найвећа бы часть люди у нѣкой непрестаной лѣности животъ свой провидила; нит' бы было труда али ни сладкогъ по труду одмора и радости, кою отъ труда и послова наши често уживамо; небы было мореплаванія и кораблекрушенія; аль небы ни знали о пріятностима и плодовима други земаля, — да нейма муке и зноя, небы было ни художества, ни хероичества, ни славе ни чести, — небы было градова, ни величествены храмова ни домова, — ни многогъ другогъ добра, коя уживамо, што выше небы ни саме добродѣтели было; єрѣ бы то имє людма непознато было. Сва су ова међу собомъ тако скєпчана, да єдно безъ другогъ быти неможе. Но ово све любезный Обраде! треба разумети као што самъ горе опоменуо, за овай земный животъ и за люде у нѣму, какви єсу, то єсть: слабостма и страстма подвергнуте, и отъ совершенства далеко удалѣне.

Такє дакле любезный друже! како неизвѣстность будущности наше, тако и гдѣкєя зла, коя се кадъ и кадъ на овомъ свѣту и догађаю, не чине човѣка цѣлогъ живота нѣговогъ несрећнымъ и злополучнымъ, нити зато станѣ овога свѣта зло, худо и несрећно называти треба. И будући да

СМО ОВЫМЪ НАЧИНОМЪ СТАЗУ РАЗГОВОРА НАШЕГЪ У
ТОЛИКО РАСКРЧИЛИ, ДА ПРЕДМѢТЪ ОНАЙ О ЖИВОТУ
ЧОВѢЧЕСКОМЪ, КОИ СИ ТЫ СЪ ПУНОМЪ ПОБѢДОМЪ ОТЪ
РОЖДЕНЯ НАШЕГЪ ДО САМЕ СТАРОСТИ ПРЕЖАШНѢГЪ
ВЕЧЕРА ТАКО ТУЖНО И ЖАЛОСТНО ОПИСАО, САДЪ ВЕЖЪ
БЕЗОПАСНІЄ, И УРАЗУМИТЕЛНІЄ ПРЕДУЗЕТИ МОЖЕМО,
ЗА ТО ЁУ ТЕ МОЛИТИ, ДА МЕ СУТРА ПОСЛЕ ПОЛДНЕ У
ВІНОГРАДУ МОМЪ ПОСѢТИШЪ, ГДИ ЁМО СЕ ОБШИР-
НІЄ О ТОМЪ РАЗГОВАРАТИ И ИСТИННО ПОСМОТРИТИ,
КАКВО Є СТАНѢ ЧОВѢЧЕСКО НА ОВОМЕ СВѢТУ?

По овомъ разговорѣ оба друга ова опросте
се съ обѣщанѣмъ сутра око вечерня у вінограду
Благостоевомъ састатисе.

О С М О В Е Ч Е .

Пріятности станя човѣческогъ отъ
рождєня до смрти. — Душевно задо-
вольство овогъ земногъ живота пред-
возвѣштава нашъ будуштій животъ. —
Добродѣтеланъ и совѣстанъ човѣкъ не-
можесе смрти бояти.

На уречено време дойђе Обрадъ у вино-
градъ Благостоевъ, поздрави друга свогъ учтиво,
кои га радостно пріими, и показываюћи му разне
садове своє, замоли га, да бы съ нѣмъ у ладъ
на мегку зелену травицу, коя подъ нѣкимъ ши-
роколистатымъ ораомъ пріятный отморъ обѣшта-
ваше, сѣсти хотѣо. Овде Благостой слѣдуюћимъ
рѣчма прекинуту синоћну бесѣду свою продужи.

Казали смо добрый Обраде! да кадъ станѣ
човѣческо у праведно разсужденіє узети желимо,
треба га съ обадве стране посмотрити, и све
нѣгове струке претрести, садъ дакле да видимо,
како човѣкъ на овомъ свѣту живи, уживали выше
добра, или зла? Ты си све бѣде и неволѣ, све
незгоде и нужде човѣческе отъ роѣня до саме

смрти редомъ изброяю; садъ пакъ треба радости и увеселенія нѣгова тимъ истымъ редомъ прегледати, пакъ онда сверху цѣлогъ станя човѣчскогъ праведанъ судъ изрећи. Погледаймо дакле животъ човѣчскій съ добре стране.

Дѣте како се роди, роди се у цѣлой кући радость и веселѣ; мати и отаць чуваю га као зѣницу ока, ране и негую, и надгледаю га болѣ, него сами себе. — Кадъ мало отрасти и ножикомъ пойђе, нѣгове радости што ходити и трчати уме; садъ отъ матере къ отцу, садъ пакъ съ разигранымъ срцемъ пуно радости и веселя отъ отца у крыло матернѣ притрчава, и тако у своіой невиности срећно и радостно живи. — Ступили у трећу и четврту годину, ту су игре и забаве неброєне; цѣо данъ у веселю плива, невиность га нѣгова свакомъ умилна твори, и пріятно брблянѣ, како нѣга, тако родителѣ му конечно срећнымъ чини. У ово се доба найманѣмъ поклону радує, свако га обстоятелство увеселява, лутке и играчке, посластице и колачи, нова хальиница, и овимъ подобна толико га увеселяваю, да се нѣгова радость, нѣгово задовольство, т. е. срећа, кою оно у младомъ срдащцу свомъ чувствує, заиста изказати неможе.

Што у старіє године ступа, то све веће увеселеніє на свѣту налази; мило му є кадъ отъ свои родителя, учителя, или воспытателя о Богу, — о созданію свѣта, различнымъ предѣлима, градовима, — народима и другимъ многостручнымъ предмѣтима чує; — изпытує узроке, зашто

и како ово ил' оно на свѣту бива? коимъ се начиномъ и душевне радости у нѣму развѣяти починаю; любопытно є свашта да види, и самыи погледъ на оно, што нигда видіо нїє, причинява му радость; — а свирке, игре и позоришта подижу га са землѣ на небеса; — прїятно пролеће увеселява га травицомъ зеленомъ и много-различнымъ цвећемъ, а лѣто и богата єсенъ разносластнымъ воћемъ толико му услажденія приноси, да се съ нѣимъ довольно насладити неможе.

Садъ посмотримо младость, цвѣтъ и красоту живота нашегъ: младомъ човѣку цѣо свѣтъ отворенъ стои; новый овай коракъ, коимъ є у свѣтъ ступіо, дає му познавати права увеселеція овога свѣта, — добро здравлѣ, и живость она, коя му у срдцу дѣйствує, са свимъ га благополучнымъ чине; — дружба, нова познанства, веселѣ и игре, по гдикой несташлуцы, къ тому проицаніє тайно любви, — састанцы невинни и превесели, и друге неброєне сласти овогъ цвѣтуюћегъ пролећа живота човѣческогъ, доводе насъ до оногъ восхищенія, кое само душа чувствовати, аль уста нигда довольно исказати немогу. —

Зрѣлогъ мужа благополучіє редомъ описувати излишно бы было; доста є мыслимъ напоменути човѣческій здравый разумъ и отъ тудъ познанство достоинства свогъ, съ коимъ се преко свію земны суштества превозноси, видећи себе господаромъ надъ свачемъ, што є Богъ на земли створіо. Нѣга весели умилный погледъ добре и

угодне супруге, нѣга восхиштава грленѣ нѣжне и премиле дѣчице свое, и пріятельство добры и честны людій увеселява га. Самосталность живота, обдржаніе самогъ себе, и свое породице дае му дѣятелность, коя му се мили и показуе, да човѣкъ ніе на лѣнствованѣ и као марвинче на само єло и пиѣе створенѣ, него да по могуѣству и станю своемъ, у кое є положенѣ, добро чини, и отъ тудъ пре ил' после благополучіе свое ожидава. — Добро здравлѣ животъ му услаждава — чиста совѣсть дае му бодрость и мужественость свакой непогодности противостати; она му є най-яча обрана, коіомъ и найгрознія твранства съ подсмѣомъ побѣждава.

Къ тому човѣкъ совершенногъ возраста налази неизброєна увеселенія у различнымъ сластма тѣлеснымъ, и неизказане радости душевне у своевольномъ добротвореню. — Любезный Обраде! помысли како се радуємо, кадъ видимо, да є воѣкица каква, кою смо нашимъ надстояванѣмъ и трудомъ подигли, озеленила, цвѣтала, и плодъ принела; а како се небы много выше у души нашей радовали, кадъ видимо плодове нашегъ милосердія, нашегъ правдолюбія, и єдном' рѣчію добротвореня, коимъ смо невольне, или нашу помоѣ тражеѣе люде отъ зла избавили и среѣнымъ учинили. — Внутренѣ чувство ово радости душевне, кое сва увеселенія тѣлесна на овомъ свѣту превозилази, показуе разумномъ човѣку довольно, да є всеблагій создатель нашъ кадъ є душу човѣческу тако створио, да она веѣе

услажденіє чувствує, него што тѣло осећати може, да є велимъ милостивый Богъ іоштъ за краткогъ живота овогъ земногъ разумети намъ дао, да духъ човѣческой осимъ овогъ тѣла, или у благородніємъ, и способніємъ другомъ тѣлу много веће благополучіє имати и такове радости уживати може, кое мы у данашнѣмъ станю нашемъ себи ни представити неможемо.

Ово познанство, ова неопровергаєма истина, и при томъ внутренѣ увѣреніє чисте и неокаляне совѣсти, мора разумногъ човѣка срећнымъ чинити и нелажну тврду надежду му давати, да ніє само за овай земный свѣтъ, но и за друго много благородніє станѣ созданъ, у комъ много совершеніи, а сотимъ много срећній быти може. —

Само ово єдно увѣреніє вредно є човѣка, ма у комъ станю находіо се, срећнымъ учинити, и крѣпость му дати, да ако му се по гдикое незгоде и неповольности у животу и догоде, такове стерпѣливо и великодушно поднети може.

Што се пакъ напоследакъ старости тиче, я велимъ Обраде! да лѣпу и тиху старость не само охуждавати неможемо, него што выше похваљивати ю морамо; єрѣ свакій паметанъ човѣкѣ, быо онѣ ма у комъ чину или станю чествує и почитує сѣду старину; злоба зависть и неприятельство справъ старогъ човѣка изчезава; срећа дѣце свое, любовь познанника и сродника восхиштава душу благогъ старца до самогъ неба. — Онѣ двогубо живи, двогубу радость ужива; єрѣ колико му є нѣговъ животъ пріятанъ, толико му є

дѣце и унучади свои животъ mio. — Онъ у нѣма свое увеселеніе налази: ако су му нѣгови рођени срећни, то е и онъ съ нѣма двапутъ срећни. Ово оне сузе радости, које често на честномъ лицу доброгъ старца при срећномъ каквомъ догађаю дѣце свое виђамо, довольно намъ засведочаваю и показую, да родители у много већемъ степену срећу дѣце свое осећаю и уживаю, него сами они, кои се срећа та управо тиче. —

Истина да болестъ, којою су стари люди выше него млади повергнути, старость мало узнемирава, аль и она нѣе башъ сасвимъ тако незгодна, као што ты мыслишь; ерѣ како годъ што намъ е познато, да су многи и премноги стари здрави и румени, тако е и то истина, да нѣова старость понайвыше такове болести са собомъ доводи, које су лагке и подносиме, и које изузимаюћи гдикое случаеве, ни найманѣ ий несрећнымъ нечине. —

А што о страу смрти Обраде! говоришь, ту башъ нимало право неймашъ; ерѣ поштень и добарѣ човѣкъ нигда се смрти небои. Нѣгова чиста совѣсть увѣрава га, да съ оне стране гроба, никаква заиста зла очекивати нейма; него што выше законъ, вѣра, а и здравый разумъ утврждаваю га у непоколебимой надежди, да ће за своя добра дѣла награду приимити, и больи животъ имати, него што е на земномъ овомъ свѣту имао. — Обраде! помысли, да и блатный човѣкъ, кои е на степенъ каковый возвышенъ, у комъ друге люде наградити може, ако е и оле праведанъ, свое

подчинѣне за услуге, вѣрность, любовь и добродѣтель безсумѣнно награждава, и у среѣни нѣовой возвышава ѣй, — а да како небы свемилостивый отацъ нашъ небесный, свевидеѣій и найправеднѣи, човѣка за вѣрность, любовь и добродѣтель нѣгову наградио и обдардио га? Како се дакле може онай смрти бояти, кои чисту совѣсть има, и зна, да има Бога; можели се добродѣтеланъ човѣкъ и сумняти о своѣй большой будущности, кадъ ѣ увѣренъ о бытїю божїемъ, и нѣговой неисчерпаемой милости и правди? Небыли то толико значило, колико сумнятисе да ѣсть Богъ. Ако си дакле Обраде увѣренъ да има Бога, и да ѣ Богъ праведанъ, сотимъ истымъ морашъ се увѣрити, да тай праведный, милостивый и свемогуѣій отацъ небесный, по сили свое правде и милости неможе дозволити, да онай, кои ѣ добродѣтелно и по нѣговымъ заповѣдима живїю, — сасвимъ пропадне, да се сасвимъ уништожи.

Ово самъ ти само овде приликомъ навео, а выше и обширнѣе о нашей будущности на своемъ мѣсту разговараѣемо се. — Само дакле они люди могу се смрти бояти, кои су неправедно, безсовѣстно, и бездушно живили, и кои страшеѣи се праведне казни за своя злочинства, нежеле другїй животъ имати; аль ѣ и овима милостивый Богъ начинъ утѣшенїя дао; чистосердечно покаянїе, съ увреѣеномъ браѣомъ и ближнимъ своимъ помиренїе, и спрамъ свое собраѣе у нужди находеѣе се милосердїе, повраѣенъ ту-

ѣгъ добра, коє су неправедно себи преотели, и нагнаѣнѣ зла съ добрымъ, или оныма самыма, коима смо зло учинили, или нѣовой дѣцы унуцыма и сродныма, — Ово су начини помиренія съ Богомъ; — ова дѣла и злочинца добродѣтельнымъ учинити могу, такови поступцы даю намъ надежду опроштєня и уништожаваю онай праведный стра' претеѣе намъ казни и наплате. —

Истина да и добри и зли, и млади и стари, и богати и сиромаси, єднымъ словомъ: сви люди любовь къ животу имаю, коя є тако дубоко у срдца наша уселѣна, да и при найвеѣемъ страданію, у найвеѣой бѣди и напасти, ма какво неправедно гоненіє трпили, опетъ зато живити желимо. Аль ово превладѣніє любви къ животу нїє зато у срдца наша удублѣно, аки бы отъ тудъ слѣдовало, да са овымъ земномъ животомъ далѣ живити сасвимъ престаємо; него намъ є премудрость божія ту любовь къ животу зато дала, да бы се нѣомъ родъ човѣческой обдржавао и умножавао; єрѣ поредъ дате му слободне волѣ, лако бы безъ те любви люди себе уморавали, и за найманѣ огорченіє себи смрть задавали. — Та є дакле любовь къ животу оно средство, коимъ бѣде, напасти, озлобленія човѣческа, и друге незгоде свѣтске подносимо, и коимъ у найнесноснїемъ станю опетъ живити желимо.

При томъ добрый Обраде! башъ кадъ намъ се и кончина живота сасвимъ приближи, то намъ

є и за овай случай, као и за све незгоде свѣтске, милостивый Богъ мелемъ оставіо, кои насъ блажи, утѣшава, и лѣчи ону тайну болю нашу, коя се отъ любви къ животу при овомъ последнѣмъ концу нашемъ у нами раѣа; слатка надежда іоштъ кою годину, іоштъ кои мѣсець, или башъ у найгоремъ станю іоштъ кои данъ поживити, слѣдователно, она неизвѣстность кончине наше, на кою си ты преѣе тако яко выкао, она насъ у овомъ преважномъ часу живота нашегъ ублажава, тѣши, и сва угроженія смртна уништожава; єрѣ довольни и извѣстни примѣри, да є овай и онай, или да су многи отъ ове и оне, ил' такове исте болести, у коіой мы лежимо, оздравили, и после дуго іоштъ веселе дане живота свогъ проводили, укрѣпляваю, утѣшаваю, и тврдо обнадеждаваю насъ, — до послѣднѣгъ магновеня ока и самогъ издыханія нашегъ. —

Тако дакле любезный Обраде! човѣкъ отъ постанка до конца живота свогъ изузимаюћи гди-коє и то рѣдке догаѣає, свагда весело, радостно и задовольно живи; єр' како дѣтинство, тако и саму старость, на кою многи неправедно вычу, понайвыше у весело и задовольству проводимо. Ніє дакле истина добрый Обраде! да є човѣкъ на патню и зло какво створенъ, него као што самъ ти у почетку нашегъ разговора казао, на добро и среѣу свою, за коє смо као благодарни сынови дужни Бога створителя нашегъ непрестанно хвалити и славити.

Обрадъ. Лѣпо и красно говоришь Благостою!

кадъ бы сви люди, као што ты хоћешъ, здрави, богати, мирни, и у чести были, премда и ови као што самъ признаешъ доста несносности, немира и еда имаю. Аль погледай добрый друже! цѣлый овай свѣтъ како стои? — Кажи ми колико има тѣй твои задовольны и среѣны людѣй на овомъ кругу земномъ? Едва ћешъ измеѣть хіляде по едногъ найѣи, кои бы колико толико са своимъ станѣмъ задоволянъ быо. Ово мыслимъ да нѣ нужно многимъ доказательствама засведочавати; ерѣ ты самъ врло добро знашь, да е само една и то врло мала часть таковы людѣй, кои у добру, богатству, постоянномъ здравлю и господству живе, — а сви прочи служе, радньомъ и мукомъ свой сведневный лѣбаць себи прибавляю, — подложни су свакимъ теретима, трпе са свою страна бѣде и неволѣ, и тако горко животъ свой проводе, да отъ 365 дана, кое у години броимо, едва по гдикой весело и радостно проводе.

Кадъ дакле Благостою! о станю рода човѣческогъ, о нѣговомъ животу и благополучію разсуждавамо, треба да већу часть людѣй предъ очима имамо; ерѣ само оно за обште станѣ човѣческо узети морамо, у комъ найвеѣа часть людѣй живи. Неможемо реѣи, да е цѣла ныва зрела, у коіой е текъ гдикой класъ сазрео, — неможемо ни станѣ човѣческо среѣнымъ назвати, у комъ текъ гди кои люди задовольно животъ проводе. Слѣдователно изрѣченіе мое, да е животъ нашъ тегобанъ, бѣданъ и жалостанъ непорушимо стои, нити ће га игда тко годъ порушити моѣи.

Мое бѣде съ тобомъ Обраде! рекне смѣше-
нсе Благостой, тко бы те безъ зрѣлігъ раз-
сужденія слушао, рекао бы, да ти света и нео-
провергаема истина изъ уста истиче; аль кадъ
исте твоє рѣчи болѣ проотримо, видићешь, да
опеть я право имамъ. Но будући да се вечерась
дуже съ тобомъ задржавати немогу; то ми укажи
любовь сутра, и дойћи предъ вече у мою башту,
гди ћемо поведеный разговоръ нашъ продужити,

ДЕВЕТО ВЕЧЕ.

Посмотреніе живота усамлѣны людіи.
— Станѣ човѣческо ніе мѣра среће;
него внутренѣ задовольство.

Ты велишь любезный Обраде! да станѣ човѣческо или болѣ рећи: добро и зло на овомъ свѣту по томъ мѣрити треба, како люди живе, то єсть: дали выше людіи добро уживаю, или выше зло трпе? — То исто и самъ мыслимъ, и при той мѣри, коя є найправичнїя тврдо остаємъ. Али да та већа часть людіи худо, жалостно и незадовольно, слѣдователно несрећно живи, то є оно лажно заключенїе, коє те вара, и отъ истине сасвимъ удалява.

Моя су заключенїя добра и истинита, отговори Обрадъ; єрѣ ми нитко доказати неће, да већа часть людіи весело и задовольно живи, а я ћу ти засведочити, да много выше у злу, жалости и невольности, него у добру и веселю животъ проведе. Запытай само првогъ, когъ на сокаку срещнешь, пакъ ћешь чути, како се тужи, да му є тешко живити? Ёдва ће ти доста своє яде и

неволя наисказывати, само ако ти є найманѣ познать, да се нестыди нужде и терете свое сообщити ти. Мой Благостою! камо среѣна, да ты право имашь! я бы то изъ свегъ срдца желію; аль ево жалости, да по нашей несреѣи я право имати морамъ.

Благостой. За Бога човѣче, немой тако отважно говорити, и мыслити да сасвимъ право имашь; пречекай да и я моя доказательства доведемъ, пакъ ако се іошть и онда узсумняшь о истини рѣчи мои, онда кажи, да си ме побѣдию, и да я право неймамъ. — Я велимъ Обраде! да кадъ станѣ човѣческо испытуюемо, треба да промотримо, шта и како по свѣту быва? како люди живе, и вѣкъ свой проводе? А кадъ то точно познамо, онда ћемо добро и зло на теразіе метути, и здравымъ разумомъ видити, коя ће страна претегнути.

На то врло радо престаємъ Благостою! отговори смѣшеѣисе Обрадъ, аль ћешь се бадава трудити отъ црногъ бѣло правити. Како ћешь ты отъ толики неброєны неволя людски силомъ доказати, да є на свѣту выше добра, него зла? То мой Благостою! нигда быти неће! —

Благостой. Быт' ће, и скоро ћешь се и ты и твои єдиномысленицы увѣрити, да станѣ човѣческо овога свѣта ніє као што ты велишь бѣдно и жалостно, него добро, угодно и благополучно. — Садъ къ дѣлу:

Єли любезный Обраде! онай човѣкъ задоволянъ, кои є здравъ и весео? —

Весело сердце не може быти безъ задовольства, отговори Обрадъ, зато свакій баръ за оно време, докле є весео, мора быти и задоволянъ.

Благостой. Дакле здраво тѣло и весело сердце засведочава задовольство?

Обрадъ. Тако є Благостою!

Благостой. Казалисмо Обраде! да се среѣа човѣческа у задовольству состои; єръ є само онай среѣанъ, кои є задоволянъ, слѣдователно човѣкъ задоволянъ мора быти среѣанъ.

Кадъ дакле здраво тѣло и весело сердце задовольство засведочава, и задовольство по себи самомъ човѣка среѣный твори, то слѣдує, да кадъ є човѣкъ здоровъ и весео, да є онда среѣанъ.

Обрадъ. То є заключеніє на истини основано, тако и самъ мыслимъ.

Благостой. Но Обраде! садъ смо до оне точке дошли, отъ кое ѣе єдна истина изъ друге теѣи. Посмотри све на свѣту предѣле, градове, села, и найманя содружества човѣческа, и кажи ми право, имали гди годъ выше болестны людій него здоровы? —

Обрадъ. Признаємъ Благостою! да много выше здоровы него болестны людій има; аль само здравлѣ нечини насъ среѣнымъ. Среѣа човѣческа отъ многи обстоятелства зависи; зато рѣтко кога заиста среѣнымъ назвати можемо.

Благостой. Мы се нисмо почели разговарати о онымъ среѣнымъ людма, кои се у нашимъ или

болъ реѣи у свѣтскимъ очима среѣни виде, него о оныма, кои су у себи задовольни и среѣни. Нїе онай свакій моя Обраде! среѣанъ, кои се нама види среѣнымъ быти, него онай, кой є у души и срдцу свомъ задоволянь. Колико има ньи, кои земляма и градовима владаю, а у срдцу свомъ найвеѣе незадовольство осеѣаю? Колико ньи? кои богатствомъ изобилую, кои су у найвышимъ достоинствама и чести, пакъ су опетъ зато незадовольни, и често несреѣни. Зато оставимо се за садъ о отношенію среѣе справъ єдногъ и другогъ разговаратисе, него посмотримо цѣо родъ човѣческій отъ найвеѣегъ до найманъгъ, и испытуймо, имали выше люди среѣни, или несреѣни? —

Кадъ смо се увѣрили, да много выше людій здравы него болестны на свѣту има; кажи ми имали меѣъ тима здоровымъ людма выше, кои туже, плачу и тугую, или има выше оны, кои не тугую и не плачу?

Обрадъ. То ти се само отговара. Признаемъ, да врло рѣтко тко плаче и тугує; аль зато мой добрый Благостю! нїе слѣдство, да су они люди среѣни, кои само не плачу и не тугую. далеко є то отъ среѣе, мой брате! —

Благостой. Ты мени любезный друже! отговарай на оно, што те я пытамъ, а слѣдство ѣе показати, какво треба заключеніє правити. Ни я невелимъ, да су сви они люди среѣни, кои не плачу и не туже; аль кои неядаю и не тужесе на своє станъ, него яко имъ се башъ кадъ кадъ што

несносно и догоди, то опетъ съ терпѣніємъ у надежди, да ће Богъ болѣ дати, животъ свой проводе, такове люде Обраде! къ несрећнымъ по правди и здоровомъ разуму брояти неможемо.

Обрадъ. Истина, да нису башъ несрећни, аль као што самъ ти горе поменуо, далеко отстоє отъ среће човѣческе.

Благостой. У колико люди, на овомъ свѣту ближе иль далѣ отъ среће отстоє, о томъ смо одономадъ увече мало пробесѣдили, како се различно возноси тай помысао срећа на люде; ерѣ што єдногъ срећнымъ твори, то другомъ никакво задовольство неприноси.

Аль да видимо, имаю ли право они, кои говоре, да выше у злу и бѣди, него у добру и задовольству животъ свой проводе? Или што нѣки веле, да ій несрећа отъ колевке, до самогъ гроба гони и прати. Треба да испитамо, єли то истина? и има ли таковы людій? Я велимъ, любезный Обраде! ако ћемо истину исповѣдати, да се то нигда доказати неможе; ерѣ ніє могуће, да човѣкъ цѣлогъ живота свогъ у несрећи чами. А башъ кадъ бы се и таковы гди-кои налазили, знамо, да се човѣкъ къ свему привикне; овай навичай умекша му срдце, — оно што му є испрва претешко было, то му по времену мало отлакша, после тогъ подносимо бива, а найпосле и немисли, и неосећа, да му є тешко, него што выше съ онымъ истымъ, што му є пређе тако претешко и неподносимо было, често задовольно живи. —

Како є тешко и горко гдикомъ дѣтету почетакъ науке быо, съ коіомъ се после наслаждава, и отъ коє доцнїє найвећу свою срећу ужива? Колико нѣи отъ наши лѣпотїца, и младића за найвећу несрећу живота свогъ држе, кадъ имъ по нѣовой жельи неїспадне, да за оногъ пойћу, или да ону себи за жену узму, за коимъ или за коіомъ душу и животъ свой полагаю; пакъ временемъ све то заборава, и съ другимъ иль съ другомъ доцнїє срећно и задовольно живе, често увиђаюћи, да не бы добро было, да имъ се она тако силна пређашня желя испунила была. — Нїє ли на свѣту видити и увѣритисе, да гдѣкои отъ добре и богате породице временемъ и обстоятельствомъ до сиромашства долазе, и съ горкимъ ахъ! ударъ оваї чувствуюћи, тежко и као што велимо претежко живе; и премда имъ се станѣ или мало или башъ нимало поболшало нїє; ништа манѣ време онаї претешкїй тереть отлакшава, и тако подносимымъ учини, да га доцнїє и неосећаю, него съ дружствомъ своимъ развеселесе, прошалесе, и са своимъ станѣмъ задоволяваюсе. — Заръ су сви они отцеви и све оне матере, несрећне, кои любимче свое изгубе и веле, да га нїгда заборавити неће? време свутугу и жалость лагано изглади, тешку ону болю и ранну срдечну излечи, и тако уништожи, да доцнїє опеть зато весело, радостно и задовольно животъ проваде. —

При томъ Обраде! ово нису обычни, нису

чести случаєви, зато немогусе за редовне, него за изванредне догађає узети. —

Но да бы безопасніє у нашемъ предпріятію ступати могли; мыслимъ, да бы нужно было обиталиште свакогъ реда людій посѣтити, то єсть: посмотри, какво є станѣ людій усамлѣны? Какво є малы содружества людскій? — Отъ тудъ преїђимо у села и градове, да видимо, како гди люди живе? Пакъ ћемо ясніє истину ону, кою тражимо, найћи, и о ньой увѣритисе моћи. —

Обрадъ. У томъ право имашь, то и я желимъ; єръ текъ тимъ путемъ моћићемосе найболѣ увѣрити, тко отъ насъ двойце право има?

Благостой. Казалисмо Обраде! да ћемо найпре къ уєдинѣнымъ и усамлѣнымъ людма ићи, да видимо и испытамо, како ови люди живе? Но будући да данасъ кодъ насъ правы, у старо доба обычни пустыника нейма, отъ кои бы се о станю живота ньиногъ извѣстити могли, то смо принуждени потражити оне люде, кои ако и нису са свимъ отъ содружества човѣческогъ разделѣни и удалѣни, то опетъ понайвыше усамлѣный животъ проводе, и само кадъ и кадъ у села и градове долазе, и съ другимъ людма сообраштеніє имаю. — Познаєшь ли ты такове люде, кои изъ ванъ села и градова живе?

Обрадъ. Ако узмемо пастыре, шумаре, виноградаре, чуваре поля и усева, и овимъ подобне усамлѣнике, отговори Обрадъ, то мыслимъ, да ћемо оне, коє тражимо у ньима иайћи.

Благостой. Тако є Обраде! — а єсил' примѣтію, како ови люди живе?

Доста траляво, отговори съ нѣкимъ тайнымъ подсмѣвомъ, као да є хтѣо рећи: а заръ ты мыслишь, да и таковый човѣкъ срећанъ быти може?

Благостой. Ты се любезный пріятелю! питаню момъ, као што видимъ, подсмѣвашь; аль посмотримо мало болѣ наше основоположеніє, у чему се срећа човѣческа состои, и какавъ животъ ови люди проводе? Пакъ ћемо видити, заслужуєли станѣ тій усамлѣника поругано быти? — Мы смо казали, да є свакій онай човѣкъ срећанъ, кои є задоволянъ, а онай да є задоволянъ, кои є здравъ и весео.

Обрадъ. Єсмо.

Благостой. А єсул' ови люди здрави и весели?

Обрадъ. Колико самъ кадъ и кадъ съ нѣма бывао, знамъ да су обычно здрави; аль то причинява онай чистый воздухъ, у комъ непрестано живе, и добра вода. Да су при томъ весели, то управо небы могао казати, него да су добре-воль и безбрижни, то самъ примѣтію, аль такови люди нитъ имаю много изгубити, нитъ много добыти, пакъ зато скоро никакове бриге неймаю.

Благостой. Я те непытамъ, шта нѣи здраве, шта ли веселе чини? него само, єсул' здрави, и єсул' весели? А то ми заиста допустити морашь, да тѣи усамлѣницы, коє стадо своє пасуѣи, коє поля и усева чуваюѣи, коє пакъ шуме и винограде надгледаюѣи, цѣлый данъ съ пѣсмама,

свиркама, и ако кадъ кога кодъ себе имаю, съ шалама весело проводе. Нитко ий недира, нитко невреѣа, весело лежу, съ веселѣмъ устаю; красота восходеѣегъ и заходеѣегъ сунца и мѣсеца, лѣпота поля, шума, брда и долина непрестано є съ нѣма. Оно мало єла, што имаю, слатко єду, ону добру и вкусну воду, кою имъ ладни извори, чисти потоцы, и добри бунари даю, съ услаженіємъ пію, а ако кадъ кою чашу віна добыю, то су много среѣнии, него они богатыри, кои у излишеству шампанско и токайско віно піюѣи съ нѣмъ опіяюсе.

Ози люди немисле и несмышляю шта ће и предъ кимъ како говорити, и на шта може ова илѣ она рѣчь изиѣи? — Єрѣ се рѣдко и догаѣа, да се съ людма састаю, а іоштѣ рѣѣе съ таквымъ, кои пуни злобе, пакостнымъ сердцемъ найневиніє рѣчи човѣческе на зло изврѣу и собрату свомъ яму паденія подкопаваю. Зато неймаю неприятеля; єрѣ нитѣ они друге, нитѣ други нѣи невреѣаю, него што выше свакогъ раддо виѣаю, раддосе састаю, раддо разговараю, и єдва чекаю, да свогъ селянина, познаника илѣ сродника виде и поздраве.

Усамлѣни люди безъ свакогъ обзыраня, безъ укораваня и угнѣтанія по своіой воли животъ свой проводе. Кадъ у село или у градъ дойѣу све имъ є мило и пріятно; найманя куѣица сродника или познаника свой нѣма є у таковой вредности, као найвеѣа палата богатырима и великшима. Непознаю богатства и суетна величанія, али ни оны пожеланія, коя бы ий узнемиривала,

и несрећнымъ творила, неймаю. Ныюве су потребе мале, коє лако задобыти могу; зато їй и нераспыню бриге и неволѣ, коє онымъ богатырима немирне ноћи и горке дане причиняваю.

Блаженъ є любезный Обраде! и требляженъ животъ овы людїй, кои свуда, кудъ годъ погледе, задовољство налазе; єрѣ благополучїе ныюво неизискива оне велике жертве, коє другогъ реда люди на олтаръ среће свое претрудно приносяти мораю, докѣ ю умоле, да имъ у домъ ступи, и съ нѣма пребуде. Єднымъ словомъ: усамлѣни люди здраво, мирно и весело животъ свой проводе, а тко у свомъ станю, было оно найманѣ или найвеће, весело живи, тай є задоволянь, то єсть срећанъ човѣкъ на овомъ свѣту.

Обрадъ. Рѣчи ме твоє Благостою! увѣраваю о благополучномъ станю овы людїй; алѣ ево неволѣ, што рѣдко тко благополучїе то уважава. Люди обычно у содружеству живе, и на такове усамлѣнике и негледе, него їй као злополучне люде гдикои сожалеваю, а многи презиру и у последный редъ рода човѣческогъ ставляю.

Благостой. Добрый Обраде! срећу човѣческу као што самъ већ казао неможемо мѣрити по степену станя нашегъ, у комъ се находимо. Єданъ просїякъ, кои є молбомъ своїомъ неколико крайцара, мало лѣба и нѣшто одѣла испросїо, може срећнии быти, него онай владѣтель, кои себе съ невѣрнымъ людма обколѣна види, и зато свакій часъ стрепи, да у пропасть несреће свое непадне, єрѣ є онай у своїой струки, и у ономъ

станю, у коє га є судбина нѣгова положила, за-
довольніи; него овай у свомъ опасномъ величе-
ству и превратливой своіой слави. — Среѣа се
Обраде! состои у задовольствѣ срдечномъ, а не
у виду внѣшнѣмъ, кои насъ тако исто вара, као
што лѣпо наличіє, кадъ подъ собомъ найгадніє
лице; а гадно, кадъ najlepшій образъ сакрива.

Но дозволи ми, любезный друже! да се іоштъ
мало о предмѣту овомъ съ тобомъ поразговарамъ,
и гдикомъ примѣрима увѣримъ те, да среѣу чо-
вѣческу ни на кои начинъ съ богатствомъ, вы-
сокимъ станѣмъ и званіємъ мѣрити неможемо.

Слушао самъ како гдикои граѣани наши, кои
свою лѣпу сермію имаю, здраво, мирно и задо-
вольно са женомъ и дѣчицомъ своіомъ живе, —
кадъ великаша когъ, у богатоукрашеной колес-
ницы сѣдеѣа, съ лѣпо и богатообученымъ слу-
жительима обколѣна виде; ако и не изъ зависти,
а оно баръ изъ пожеланія помысле и често веле-
гласно говоре: „Благо томъ човѣку, тай се башъ
у среѣанъ часъ родіо,“ тайно у себи мыслеѣи:
Боже мой, зашт' и я нисамъ тако среѣанъ!? —
а незнаю, да є често онай самъ, кои тако говори,
много среѣніи, и спрамъ свогъ станя много бо-
гатіи, него онай, кога є у тако лѣпой у вели-
чественной красоти видіо.

При овымъ рѣчма насмеєсе Обрадъ, и рекне:
знамъ Благостою, за кога мыслишь, и я самъ се
башъ онда ту догодіо, кадъ є Милорадъ видеѣи
великаша Н. у слави нѣговой те исте твоє рѣчи
изговоріо; алъ ти я ту недамъ за право; єрѣ

онай великашъ има годишнѣгъ прихода двапутъ толико, колико Милорадово цѣло добро износи, за што дакле небы пожеліо тако срећанъ быти, као што є Н. ?

Благостой. Србо є онай великашъ справмъ свогъ господства и реда у комъ се находи, много незадовольни и сиромашній, него нашъ Милорадъ у свомъ станю и реду, коє ћу одма доказати.

Милорадъ лѣпо и умѣрено живи, здравъ є никомъ дужанъ ніє, своє годишнѣ приходе у толико троши, да му нигда расходи приходе не-прелазе; у кућу му є све лѣпо чисто и уредно; има добру жену и добру дѣчицу, єдномъ рѣчию: у станю грађанскомъ, у комъ се находи, као честанъ и добро имућанъ грађанинъ добро живи, и отъ свакогъ честь и почитаніє има. — Садъ да претресемо станъ оногъ нѣговогъ великаша, кои се у онимъ прекраснымъ каруцама возаше. Познато ти є Обраде! да тай човѣкъ съ цѣломъ силомъ и натегомъ упиресе, како ће и онъ онако живити, трошити и свуда вићенъ быти, као и парови нѣгови, и нѣгово дружество; аль су му годишњи приходи, премда двапутъ више него Милорадово цѣло имѣніє износи, за нѣга и за нѣгову потребу мали; зато выше троши, него што добья, задужіо се, и већ є єдну часть имѣнія свогъ заложіо, бринесе како ће далъ свомъ станю и реду сходно живити; срамота му є съ великашкогъ начина живленя у гражданскій сѣ-ћисе; то га узнемирава и огорчава; невесео є и замышлѣнъ и тако незадоволянъ са своимъ ста-

нѣмъ, да бы волео, да се као великашъ нигда родіо ніє, кадъ по станю свомъ животъ проводити неможе.

Кажі ми садъ Обраде! кадъ обоице станѣ добро познашь, и праведно разсудишь, чіє є станѣ болѣ или Милорадово съ ономъ маломъ, но за гражданскій нѣговъ животъ довольномъ серміомъ, или оногъ великаша съ богатствомъ и спайлукомъ, аль за нѣга недовольнымъ? — Тко є отъ нѣи двоє задовольніи, тко є среѣній?

Обрадъ. Кадъ є тако, то ти морамъ уступити Благостою! єръ се той истини ништа на-противъ отговорити неможе.

Благостой. Свакій човѣкъ быо онъ ма когъ реда и станя, само онда задовольно, т. є. среѣно живи, кадъ є здравъ, миранъ и спрамъ свогъ станя, у комъ се налази, толико има прихода, колико му є за нѣгово станѣ соразмѣрно доста; несостои се дакле среѣна у споляшномъ виду, него у сердечномъ задовольству; єръ и само богатство и величество човѣка станю и обстоятелствама соразмѣрно мѣрити валя, по коємъ налазимо, да много земледѣлаца, много занатлія, и други граѣана има, кои су са своіомъ серміомъ у свомъ реду много богатіи, него други на вышемъ степену стоєћи, кои сто путій выше имаю!

ДЕСЕТО ВЕЧЕ.

Прегледъ станя и живота човѣческогъ
по селы.

Кадъ смо Обраде! видили, да люди, кои су у єдиненію, заиста задовольно живе, преїѣймо садъ у содружества людска, по нашемъ предузетомъ путу, и узмимо селяне, кои трудомъ своимъ землю раде, ору и копаю, да видимо єсули ови люди при данку и прочимъ теретима задовольни или нису?

Обрадъ. Заиста Благостою! ту ћешь доста нужде и неволѣ найћи; єрѣ кадъ посмотримо жалостно станѣ селяна, како се труде и муче, како тешко и са крвавимъ зноємъ свой сведневный лѣбацъ заслужую; пакъ іошѣ поредѣ тогѣ, како неправедно кадъ кадъ нападеніє отъ оны, коима они лѣбацъ даю — и кои несматраюћи ни на Бога, ни на законъ земаљскій съ њима злоковарно и безбожно поступаю; нећешь ми моћи доказати, да ови люди задовольни и срећни быти могу.

Пойѣймо Обраде! стазомъ нашомъ далѣ, пакъ ћемо видити, тко право има, и єли истина,

да селяни подъ тако великимъ теретомъ, као што ты кажешъ стению, и да се съ нѣма, као што нѣки вычу, неправедно, безбожно и злоковарно поступа? —

Наши селяни поредъ свогъ простогъ начина живота обычно су добрымъ здравлѣмъ обдарени, и зато мили имъ се животъ, мили имъ се свѣтъ овай, у комъ много мирнѣ него наши грађани живе. Они при плугу и мотики тако исто, као и при жетви и бибри весело радню свою оправляю: звижде, пѣваю, шалесе и смеюсе, а гди е ово Обраде! ту се неможе казати, да такови подъ теретомъ стению, него што выше, да са свакимъ задовољствомъ посао свой оправляю. — Рѣтко се кои тужи на тереть и тегобу посла свогъ; ерѣ имъ се мили радня нѣова, коя иѣ рани и обдержава, а то се довольно засведочава и сотимъ, што се они сами паште траже и стараю се, како ће выше и выше землѣ задобыти, да могу выше урадити, и выше себи заслужити, да бы тако наступаюћу зыму болѣ и веселѣе провести могли.

Како годъ што весело и радостно у полѣ на посао свой излазе, тако исто предъ вече съ пѣсмама кући долазе; ту имъ се конѣи или волови прехвате, и вечера какву имъ е Богъ справъ добра и труда нѣовогъ даровао, изнесе, коя имъ е много слађа и прѣятнѣя, него сластолюбивомъ великашу съ изобилѣемъ и раскошностѣю предуготовлѣна. — Елѣ дошла неделя или кои праздничный данъ, у коима отъ раднѣ и послова отпочиваю, то е дошла нова радость, ново задо-

вольство. Преобукусе у свечано своє одѣло, коє ако є и просто, ништа манѣ често имѣ се веѣма мили, него гражданима найлѣпша чоя и свила. У ютру иду у цркву божію, гди Богу на нѣговой досадашньої милости благодарєѣи, молесе, да имѣ здравлѣ и среѣу дарує, и у будуште имѣ труде и радню благослови, и добрымѣ наспори; а после полдне пѣваю и веселесе, или на п ляну и улицу излазе, гди дѣце и младежи своє невинне игре, шале, и увеселєнїя са пунымѣ задовольствомѣ глєде, и радости нѣове участницы бываю.

Ови се люди неусиляваю и небрину толико о великомѣ богатству слави и достоинству; — те су желѣ нѣима непознате, и зато су много среѣнїи отѣ други, коє несyta жєля распинѣ, и цѣо имѣ животѣ у мрачне и претешке бриге замотава, како ће до великогѣ могуѣства дойѣи и прославитисє.

При томѣ любезный Обраде! сєляни нєсу претєрано чувствитєлни, нитисє єданѣ отѣ другогѣ за сваку малєнкостѣ уврєѣени налазе, као што обычно у граѣанскомѣ и политическомѣ животу бива. Простодушіє, любовь и искреность услаждаваю имѣ тихій и благополучный животѣ нѣовѣ; а сродство и прїятельство у свакомѣ случаю на помоѣ имѣ притичє, и сѣ нѣима како радости, тако и жалости свойски и нелицемѣрно дѣли; єрѣ се ови добри люди рода и познаника свогѣ ма како сырома, или несрєѣанѣ быо, нєтуѣє и неотбїаю, као граѣани, кои отѣ дєсєтогѣ колєна назовый родѣ, само ако є богатѣ

или великій Господи́нь, своимъ ро́женымъ называю, а ро́женогъ брата, сестру, или братину и сестрину дѣцу, само есу ли сиромаси, и у нуждомъ станю отъ себе отбѣю — ту́жесе, стыдесе, и као што нѣке безчовѣчне примѣре имамо, гди кои се и самогъ свогъ отца и матере отричу и стыде, што неймаю оногъ високогъ воспитаня, коє себи лакомысленый таковый сынъ воображава. — Селянисе обычно рано жене и удаю, и зато радость дѣце свое уживаю, отъ коє у старости унучадъ и нерѣдко и праунучадъ съ пунымъ задовољствомъ на рукаха носеѣи срдечно радуюсе, што се благословъ божій на нѣма излива, те су дочекали сынове сынова свои.

Невелимъ Обраде! да се и кодъ нѣи тако исто, као и кодъ осталы людій распре, вражде и несогласія недогаѣаю; истина, да и нѣи тако исто срдце боле за изгублѣнымъ дѣтетомъ, отцемъ и матеромъ, као и оне, кои себи ласкаю, да су по мѣри вышегъ воспитаня свогъ чувствителнѣи; али любезный друже! ако се кои путъ, ако се кои редъ у години и олуя догоди, ма съ грмявиномъ и пуцанѣмъ громава было, неможемо реѣи, да су насъ цѣле године громови узнемиривали; — Еръ онай еданъ иль два ружна дана съ прамъ другій толики дана тако се забораваляю, као да нису ни были, и спрамъ цѣле године са свимъ исчезаваю. —

Драгій Благостою! рекне после дугогъ и драговольногъ слушаня Обрадъ другу свомъ, твоя представленя и доказательства оснываюсе на

чистомъ разуму, съ коимъ си ме дотле довео, да бы се раддо отважіо, слушаюћи неопровергаему истину рѣчій твои, све мое добро продати, и у село кое ићи, да међу овимъ срећнымъ люда остале дане живота могъ мирно и срећно проведемъ.

Лакше любезный Обраде! разсуди найпробыл' за тебе добро было гражданскій животъ оставити, и у сеоскій преићи. — Помысли добрый друже! да си ты грађански воспитанъ, и у градовима живити навикао; теби су многа увеселенія позната, о коима селяни ни помысла неимаю, кадъ бы се дакле таковы лишавати морао Обраде! невѣруемъ, да бы онако задоволянъ и срећанъ бити могао, као онай, коемъ такова позната нису. Ныова проста ела, коя су имъ найвкуснія, теби бы неповольна и несносна была, — ныово грубо одѣло, съ коимъ се они ките и диче, чинило бы ти се ружно, тешко и необычно. — Ты бы као простъ селянинъ миръ и спокойство виѣшно, то естъ; у колико те нитко узнемиравао небы у селу нашао; аль внутрено срдца и душе задовольство или врло тешко, иль нигда имао небы; еръ пожеланія она, коя су као што смо казали селянима непозната, у твоимъ бы се срдцу и нехотѣћи рађала, пакъ бы ти срећу и тишину твою са свимъ нарушавала.

Свакій дакле у свомъ станю, у свомъ реду, и у своіой околности треба, да свою праву срећу тражи: зато селянинъ са селяниномъ, грађанинъ съ грађаниномъ, и великашь съ себи равнымъ

може истинито срећанъ бити; еръ како годъ што онай, кои се преко свогъ станя и реда неразумно вознесе, и већима отъ себе намећатисе почне, најпосле презрѣнъ бива: тако исто и кадъ се човѣкъ съ много нижимъ отъ свогъ реда са свимъ упусти, и изъ свогъ друштва изиђе похуждаванъ и изсмѣјаванъ бива, коє паметногъ човѣка срећнымъ чинити неможе.

Невелимъ я Обраде! да се кадъ и кадъ нижегъ реда човѣкъ съ выншимъ отъ себе; или да отъ већегъ станя и вышшегъ реда Господинъ са нижимъ отъ себе немѣша; еръ є ово и лѣпо и полезно, а и само човѣчество изыскива, како удостоянїе нижегъ: тако и понизность вышшегъ; али овде є разговоръ о постоянномъ начину живота, о дуговременомъ и тако рећи непрестаномъ сообраштенїю човѣческомъ, коє понайвыше у свомъ реду остає и остати мора, ако презрѣни бити нежелимо.

Обрадъ. Тако дакле Благостою! само су селяни и прости люди на овомъ свѣту срећни; а мы, кои по градовима живимо, нигда праву срећу човѣческу уживати неможемо. Наше воспитанїе, или као што зовемо просвѣщенїе чини ми се, да є цѣлой нашей несрећи узрокъ; еръ се отъ тудъ у нами она луда пожеланїя рађаю, коя или рѣтко, или као што обычно бива, нигда непоштызавамо; а изъ овогъ недостатка происходе сва она зла, коя у грађанскомъ животу на велику жалость нашу међъ нама сведневно виђамо,

и коя намъ краткій овай животъ узнемираваю, и несрећнымъ насъ творе.

Кадъ ово оскорблѣный Обрадъ изговори, погледи сожалително пріятеля свогъ, као да бы отъ нѣга утѣшенія искао, и сагне тешкимъ мыслима обтерећену главу свою доле, тайно у срдцу тужећи, зашто се у простомъ станю родіо ніє, да срећніє и мирніє живити може. — По краткомъ ћутаню приближисе Благостою, и сожалително проговори: Любезный брате! садъ видимъ, да сва она, коя самъ пређе на доказа ніє худогъ и жалостногъ живота човѣческогъ до стовѣрно доводіо, — на нашъ воспитаный и углаћеный животъ грађанскій спадаю; ніє свуда и међъ свима людма зло разсѣяно, усамлѣницы и прости селяни добро и задовольно живе; аль бѣдни и воспитанѣмъ своимъ заслѣплѣни грађани носе онай неподносимый тереть зала и бѣда, кои имъ животъ огорчава, и у несрећу ій погру жава. —

Немой тако мыслити, добрый Обраде! немой тужити, и грађанскій животъ, кои є кра санъ, и свакомъ угоданъ тако опорочавати; а іоштъ манѣ на воспитанѣ и благословено про свѣщеніє неправедно выкати и роптати. Богъ є у свакомъ станю човѣку задовольство и срећу опредѣліо, само ако мы сами себе у дубльину зала и неволя непогружавамо. Аль о овомъ ћемо предмѣту сутра предъ вече, кадъ дѣла домаћа свршимо, разговоръ нашъ продужити.

ЄДНАЙСТО ВЕЧЕ.

Различно мнѣніє о просвѣщенымъ
людма, и посмотреніє живота грађан-
скогъ.

Ты си се синоћъ, добрый друже! отъ мене съ томъ мыслію, или да управо рекнемъ, съ тимъ жалостнымъ увѣреніемъ растао, да само усамлѣни, и по сели просто живећи люди срећно и задовольно живити могу; а да є грађанскій животъ съ многимъ потребама, бригама, єдомъ и огорченіемъ союженъ. Ту су велишь неприятельства, гоненія, опороченія и свакояка зла, коя човѣка незадовольнымъ, и зато несрећнымъ чине. — Аль ніє тако любезный Обраде! у свакомъ станю може човѣкъ срећанъ быти, што выше отъ просвѣщенія можемо мѣрити степенъ среће човѣческе, то єсть: у колико є выше човѣкъ просвѣщенъ, у толико већма срећанъ бива, у толико выше сладость, задовольство, и срећу свою чувствує и ужива.

Обрадъ. Жао ми є Благостою! што се у на-

шемъ мнѣнію никако неможемо да сложимо. Ты све оно похваляюшь, што є узрокъ несреће човѣческе. Велишь, да се отъ просвѣщенія мѣрити дає степенъ среће наше; аль каква є то срећа, коя се на угнѣтенію и убитку други людій осныва? єрѣ обычно виѣамо, да су тѣи твои просвѣштени люди понайвыше узроцы бѣде и неволѣ у роду човѣческомъ. Они су свакомъ злу коловоѣе, простоту вуку тамо и амо, како имъ нѣюва себичность собомъ доноси. Овогъ оговараю, оногъ на собрата овогъ подговараю; овде ласкаю и лажу, а онде вараю, и политично краду и отимаю. Они се уму свакояко претврати, и подъ видомъ пріятельства собраћу свою у пропасть уводити; єднымъ словомъ: то су отровницы, а не добротвори рода човѣческогъ. Истина да свѣтъ обычно похвалює, и што наши веле у звѣзде кує то просвѣщеніє; аль кадъ добро промотримо, шта на свѣту бѣва, видимо и увѣравамосе, да сва зла отъ просвѣштены людій произлазе, безъ кои бы други у своіой простоти много мирніє и задовольніє, слѣдовательно срећніє живили.

Благостой. Цѣо свѣтъ хвали, слави и у звѣзде кує просвѣщеніє Обраде! и камо срећа, да се іоштъ выше слави и узвышує та светиня отъ Бога роду човѣческомъ поклонѣна, — камо срећа да тай предрагій каменъ богатства, и то саяно сунце душе човѣческе выне почитателя и послѣдователя свои има! Нису любезный друже! никаква зла отъ просвѣщенія изышла, него є

свакой несрећи и пропасти црно непросвѣщеніе узрокъ. Ніе истина, да просвѣштени люди вараю, и по свѣту зла чине; еръ просвѣštenомъ човѣку честность и добродѣтель много выше на срдцу лежи, него непросвѣštenомъ; онъ отъ тудъ мѣри свое предъ свѣтомъ уваженіе, за кое непросвѣštenъ врло мало, или башъ нимало немари; но ты се варашь добрый Обраде! ако свакогъ оногъ, за просвѣštenогъ човѣка држишь, кои се лѣпо обуче и накити, кои уме по моди говорити и кланятисе, кои се претвараю, да свашта знаю и разуму; а при томъ или врло мало, или ништа незнаю. Ніе свакій онай просвѣštenъ, кои е нѣшто мало учію, или кои е нѣколико миля далъ отъ мѣста роженя свогъ быо, пакъ кадъ се дома врати све свое презире и худи, приповедаюћи, шта е и шта видію; и како е овде и онде добро пріимлѣнъ быо, и тако далъ. — Нити се може и онай просвѣštenымъ човѣкомъ называти, кои у гаднымъ прсими своима завысть и злобу грѣе, и кои езыкомъ лаже, а срдцемъ вара. Нису то просвѣштени люди, любезный друже! него непросвѣштени, безобразни и неморални, ма да се свиломъ и кадифомъ одѣваю, и ма у овой, иль оной струцы наука како искусни были, или као што мы обычно велимо, ма како учени были; еръ тко благонравія (морала) нейма, тай нейма поштеногъ срдца, а тко овогъ нейма, тайсе лишава зрѣлогъ разсужденія, то есть: оне свѣтлости ума човѣческогъ, коя бы му страсти и неваляле наклоности нѣгове уталожила и на болѣ

окренула; иначе бы му просвѣщенный разумъ нѣговъ казао, да човѣкъ само путемъ добродѣтели свою праву срећу достигнути може.

Просвѣщенный є човѣкъ благъ, кротакъ, учтивъ и добротворанъ, а не просвѣщенный зао, напрасанъ, грубъ и на свако зло готовъ. Онаи познаваючи Божіе свемогуѣство и теченіе овогъ свѣта, животъ благоразумно съ умѣреннымъ сладостію проводи; оваи у нѣкомъ лудомъ воображенію живећи страста своима водимъ быва, и тако колико другомъ, толико често пре ил' после самомъ себи зла и неволѣ причинява. Човѣкъ просвѣщенный уподоблявасе благомъ и добромъ духу, и приближавасе совершенству, съ коимъ самъ по себи срећанъ постає, и право задовољство осећа; и непросвѣщенный подобанъ є безобуздатномъ звѣру, кои тамо и амо тумара, и тражи начина, какоће само тѣлу свомъ угодити.

Неправо дакле чинишь Обраде! кадъ преблагословено просвѣщеніе оговарашъ, коимъ су людій изъ суровости у изображеніе, и изъ глупости на свѣтъ разума ступили. — Єли болѣ глупакомъ или разумнымъ и просвѣщеннымъ човѣкомъ быти? Не, не, неможесе блато злату предпоставити, нити непросвѣщеніе надъ драгоцѣннымъ просвѣщеніемъ возвысити.

Обрадъ. Дозволявамъ ти любезный брате! да просвѣщеніе предпоставити валя непросвѣщенію; аль я само дѣла гдикои просвѣщенны люди оговарамъ, коима они много выше зла на свѣту чине, него непросвѣщенни.

Благостой. Но Обраде, садъ смо дошли до оне точке, кою самъ давно желію, да дирнешь. Тии люди, кои су поредъ све свое науке, познаваня свѣта и воспитанія, готови свое себичности ради свако зло учинити, коима ніе светопріятельство, коима е правда подсмѣй, любовь лицемѣрна, — вѣра лажна, и єднимъ словомъ: кои све добродѣтели човѣческе найгадніимъ злочинствама интереса свогъ подлажу, — то су Обраде! твои матеріалисте. Єръ неимаюћи Бога предъ собомъ, душу опровергаваюћи, и о будущности немарећи, готови су свако зло учинити. И то е она разлика измеђъ просвѣщеногъ богопочитателя, комъ е добродѣтель свѣтыня, и измеђъ просвѣщеногъ матеріалисте, кои светско просвѣщенѣ по своіой себичности злоупотреблява. — Аль да преиђемо на нашъ започетый разговоръ, и да видимо, како люди по градовима живе, єли станѣ ньюво худо и жалостно, као што ты велишь, или е мирно, весело и срећно.

Кадъ уиђемо у градъ, видимо свакояке раднѣ, — занате и трговине, а отъ тудъ благостояніе грађана; ту су различите науке и вештине, коима се люди изображаваю и просвѣштаваю; ньюве богатоукрашене цркве, лѣпи домови съ прекраснымъ покућствомъ, ньюве лѣпо уређене баште съ различнымъ цвѣћемъ украшене, овде иль онде благогласне свирке, позоришта и игре, — и друге многоразличите забаве и увеселенія показую намъ, да овде люди земне радости у

много вышемъ степену уживаю, него у єдиненію или по сели. Ако су каква явна торжества, то онда цѣло градъ у радости плыва: Свако є лѣпо обучено и накићено, свако хити веселымъ и смешећимъ се лицемъ, или участникъ или гледаоцъ быти таковы свечаности градски. — Гди су іоштъ къ тому нѣове пріятне шетнѣ, и друга многочислена угожденія, коя се само помислити даю. А гди овако люди живе, Обраде! ту се не може казати, да хрѣаво и зло живе, него да добро и весело, слѣдователно, срећно животъ свой проводе.

Обрадъ. Добро и лѣпо говоришь, Благостою! и морао бы ти са свимъ за право дати, да ми грађанскій животъ и съ друге стране познатъ нѣ. Гди су Благостою! теретни они послови, коє занатліє опраляю, — гди су опасности, съ коима се трговцы у пословима своима борити мораю, гди ли су она огорченія, коя премноги чиновницы збогъ оговараня и многочислены плетакъ отъ найманѣгъ до найвышшегъ званія трпе? Пакъ іоштъ поредъ тогъ, гди су кућевне незгоде, бриге, и бѣдно сыромашство, у комъ се многи нижегъ реда грађани налазе, и друге невольѣ, коє по градовима выше него игди владаю?

Истина Обраде! отговори Благостой, да и грађани, као и остали люди своє непогодности имаю; но ови по єдини догађаи у збиру цѣлогъ грађанства изчезаваю, и зато или рѣдко и врло мало, или се скоро нимало непримѣчаваю. Послови художника и други радены, коє ты терет-

нымъ называшь, нису тако тешки, да ѿ ови люди съ великимъ трудомъ и мукомъ оправляю; ово се изъ готовности нѣове лагко мѣрити дае, съ коіомъ они послове примаю и извршую. А опасности, съ коима се велишь торговцы у дѣлма своимъ борити имаю, и огорченія, коя многи невини отъ гонителя свои трпе, ако се кадъ и кадъ кодъ нѣки и догаѣаю, немогу се на већу часть граѣанства относити, коя добро, весело и задовольно живи. Што се пакъ сыромашства гди-кои граѣана тиче, у комъ мыслишь, да горке дане имаю, и зато ѿ несрећнымъ называшь, у томъ се любезный Обраде! варашь; ерѣ премда меѣъ граѣанима у иманю велику разлику налазимо, и зато намъ се чини, да по градовима много сыротинѣ има, коя бѣдно и трудно живи; ништа манѣ, кадъ добро узмемо наумъ, шта е то сыромахомъ бити, наѣнѣемо, да су рѣдки обитатели градски, кои се башъ у нужди и невольи находе; богатство и сыромашество стои у равной мѣри са срећомъ и несрећомъ рода човѣческаго; то естъ: како годъ што су многи, кое мы за срећне држимо, по себи несрећни и окренуто: тако исто има довольно людѣй, кои су у очима нашимъ богати, а по себи сыромаси, и кое за сыромахе држимо, кадъ испытамо начинѣ живота нѣового, налазимо, да су у себи богати и задовольни люди.

Познато ти е, да сограѣанинѣ нашѣ Н... выше куѣа, землѣ и виноградѣй има; житнице су му пуне ране, подруми виномъ, и као што е по-

знато довольно и новаца има; пакъ опетъ поредъ свегъ тогъ иманя нѣговогъ знамо, да худо и жалостно живи. У нѣга честита ручка, и честите вечере нейма, одѣло му е выше вето, нежелъ прилично и станю нѣговомъ сходно. Рѣдко е кадъ коме добра учинію; него выше зла и неволѣ. Отима, грабы и закида свакогъ, кои му руке падне. А познатъ ти е любезный Обраде! и нѣговъ съ женомъ и троє дѣчице обтереѣеный укуѣанинъ, кои отъ свогъ малогъ заната живи, и себе са своима препитава, како му е у конаку све чисто и уредно, свакій данъ свой поштень ручакъ и вечеру има; жена и дѣца съ нѣмъ заедно свагда су нѣовомъ станю сходно одѣвена. Овай човѣкъ, кога сви обычно за сырома држимо, ако много новаца и нейма; но опетъ зато никомъ дужанъ нѣе; што выше знашь, да смо га кадъ кадъ на явнымъ мѣстама съ женомъ и съ старіимъ дѣтетомъ виѣали, да се по станю свомъ у веселява. —

Кадъ садъ ова два човѣка на мѣрило богатства и сыромашства узмемо, кажи ми Обраде! кои е отъ ове двоице богатъ, и кои е сырома? Я велимъ, да е овай сырома укуѣанинъ по начину живота нѣговогъ богатіи отъ оногъ новчаногъ домаѣина нѣговогъ, кои е выше робъ него Господаръ добра оногъ, коє притяжава. —

При томъ, любезный Обраде! у граду вреданъ човѣкъ има начина себи свакій данъ по штогодъ заслужити, тако да никакве особите нужде трпити немора. — Ту су различне трго-

вине фабрике, занати и раднѣ. За сырочадѣ и старостію обтереѣене, кои никакве подпоре неймаю, воде бригу надлежателства. Ту су болнице за болестнике, заведенія за удовице и сиромаше, да, и за саме просіяке бригу има добро уреѣено граѣанство, да се глађу и невольомъ борити немораю.

Тако дакле, кадѣ гдикое и то рѣдке случаеве изузmemo, кои у множини добро живећи граѣана изчезаваю, свободно можемо рећи, да граѣани добро и весело живе; а гди є добарѣ и весео животѣ, ту є задовольство, ту є среѣа човѣческа. —

Задовольный. Обрадѣ овимъ изясненіемъ друга свогъ, пружи му руку и рекне: любезный Благостою! твоє су рѣчи на истини основане, видимъ да како у єдиненію и селу, тако и у граду люди добро и благополучно живити могу, и заиста изузимаюћи, по гдикое незгодне случаеве, кои намъ се у животу догађаю, признаемъ, да є човѣкѣ на то созданъ, да добро творећи среѣу овогъ свѣта ужива. Отъ данасъ самъ я Благостою! твой ученикѣ, као што самъ ти се у почетку нашегъ разговора обѣштао, твоя ће ду основоположенія вође бити момъ будуштемъ животу. Садѣ и я Благостою! освѣтлѣнъ твоимъ доказателствама, ево скидамъ шеширѣ съ главе, и повторавамъ оне твоє рѣчи, кое су ми поводъ дале изъ помрчине мышленя могъ на свѣтѣ истине изићи: съ овимъ рѣчма дигне съ благодарнымъ срдцемъ очи своє къ небу, и рекне:

лагодаримъ ти многомилостивый Боже! Царю неба и земль, што си ме човѣкомъ создао, да и я у реду много міліона разумны твои созданія тебе хвалимъ и славимъ. Опрости момъ малоумію, съ коимъ самъ теченіе овогъ свѣта до насъ оговарао и на зло толковао; ты си све премудро, и на срећу нашу уредіо, ты си свемилостивый отаць свію твои созданія; аль мы непостызаваюћи неизмѣриму дубльину премудрости твоє, грѣшимо, и отъ милости твоє удаляваме.

Благо мени, повыкне при овымъ рѣчма Благостой, и прекине Обраду даю благодарителну бесѣду, благо мени, кадъ самъ тако срећанъ, да отъ тебе сладкій брате! та срдечна израженія чуемъ, коима Богу, создателю нашемъ благодарєћи нѣгова превелика, и човѣческимъ умомъ непостижима дѣла и уредбе славишь и хвалишь. — Тако мысли, тако чувствуй, и тако свагда говори, Обраде! пакъ ћєшь свагда задоволянь, свагда срећанъ быти, и до вѣка добродѣтеланъ човѣкъ остати; єрь тко другоячіє мысли и осєћа, неможе у пуной мѣри добродѣтеланъ быти.

Обрадъ садъ загри свогъ Благостоя, и срдечно му благодари на нѣговомъ братскомъ поученію и извѣстію, обѣштаваюћи му, да ћє и друге, кои свѣтъ и станѣ човѣческо осуждаваю, на путь истине изводити, и на благодарность справъ Бога создателя упућивати.

Овако изравнана и у размышленію о станю човѣческомъ соединѣна ова два друга и пріятеля пуни радости и утѣхе душевне растанусе, обѣштаваюћи сутра предъ вече опеть састатисе, и о души човѣческой мало бесѣдити.

ДВАНАЙСТО ВЕЧЕ.

Сумня о существованю душе човѣ-
ческой, и нѣной будущности, — и на-
противъ тога доказательства о исти-
номъ бытію душе изъ здороогъ разума
доведена.

Колико самъ се юче пунъ задовольства и
с'рдечне утѣхе отъ тебе разстао, любезный Бла-
гостою! рекне Обрадъ, после краткогъ поздрава
другу свомъ, толико су ми выше твоя братска
наставленія повода дала о нашей будущности
размышлявати. Истина, да си ме увѣрио о несум-
нѣномъ бытію Бога вседржителя, — признаемъ,
да є човѣкъ на добро свое созданъ, и да до-
бротвореѣи среѣанъ буде; аль Благостою! кра-
такъ є овай животъ, кратка є среѣа човѣческа.
Многи говоре, а и самъ неймамъ довольногъ до-
казательства иначе мыслити, да са смрѣу нашомъ,
и среѣа наша умире, или да се болѣ изяснимъ:
см'ртъ є наша вѣчно уништоженіє наше. Нейма
после см'рти ништа, а будущтегъ живота іоштъ

манѣ. Знашь добро, шта обычно велимо: „живи овогъ свѣта; ерь што є годъ живота, то є овде; нитко се съ оногъ свѣта вратио нїє.“

Благостой. Любезный Обраде! твоя є бесѣда прека и неоснована. Ты како видимъ, изъ саме сумнѣ заключивашъ, да после гроба ништа човѣка неочекива; аль сумня добрый друже! не може се за основану истину узети. Лако є рећи, ово иль оно нїє тако; него треба доказати, зашто нїє тако, и зашто є другоачїє. И будући да данасъ довольно, и много има твои єдиномысленика; зато желїо бы ти у смотренїю овомъ доказательства моя сообщити, и о противномъ увѣрити те.

Обрадъ. Я бы ти врло обвезанъ быо, кадъ бы ты у станю быо, мою сумню низвр'гнути. И самъ бы желїо, да я право неймамъ; ерь се ова точка среће човѣческе отъ свїю другїй найвыше насъ тиче; аль невѣруємъ, да се таковы доказательства налази, коя бы мою сумню сасвимъ искоренила. Многи су ме мораломъ и вѣроисповѣданїемъ о истини будущности наше увѣрити хотѣли; аль є увѣренїє мое искало друга сведочанства, то єсть: не вѣромъ; него путемъ здравогъ разума достићи, да съ окончанїемъ овогъ краткогъ живота човѣческогъ, далъ живити непрестаємо.

Благостой. Тешко є свакогъ човѣка доказательствама о будущности живота нашегъ увѣрити; ерь се такова само дубокимъ и зрѣлымъ разсужденїемъ постићи могу. Зато є къ увѣре-

нію томъ найболѣ и найбезопаснѣе средство, вѣроисповѣданіе и законъ божій. Но при томъ ніе ни ова тайна отъ човѣка сакривена остала, што выше, зрѣлымъ разсмотреніемъ можемо достовѣрно и извѣстно увѣрити се, да душа човѣческа съ раздѣленіемъ своимъ отъ тѣла, не само далѣ существовати непрестае, него да по мѣри присвоєны себи свойства у овомъ животу свою будущность има и имати мора. Зато труди҃хусе, колико ми моє мале силе дозволяваю доказати, и увѣрити те, да є смѣрть овоземна само остава тѣла нашегъ, кадъ ово неспособно постане, дужности своє дуже извѣршавати.

Обрадъ. Я те зато молимъ, и заиста не҃ху ти мо҃и довольно благодарити, ако ме ты онако, као што бы желіо о томъ увѣрити узможешь; аль како ху рѣчма твоима вѣру дати, кадъ и само то существо душа, — мени є загонетка. Мы само говоримо о души, аль о нѣномъ несумнѣномъ бытію увѣрени нисмо. Знашь, како многи анатоми и лѣкари, пакъ поредъ нѣи и други матеріалисте говоре, да се човѣкъ изъ саме матеріє состои, и да у нѣму ништа душевногъ нейма; єрѣ она дѣйства, коя мы обычно душевнымъ называмо, кажу, да су дѣйства и производи состава тѣлесногъ.

Благостой. Добро си примѣтію, Обраде! да є прво и прво нужно о бытію душе наше, коє существованѣ многи у сумню доводе, увѣрити те; єрѣ како ху те о будущности оне ствари увѣрити, коє бытіє ты у сумню доводишь. И зато

да сумня та твоя престане, кажи ми Обраде! Ёсили увѣренъ, да човѣкъ мысли и разсуждава, да се прошасты стварій опоминѣ, и о будущтима промышлява? дозволявашь ли ми, да човѣкъ има чувство радости и жалости, чувство любви и сожаленія, и поредъ тогъ паклена умышленія злобе, зависти и непріятельства?

Стани, стани Благостою! отговори Обрадъ, и прекине другу свомъ започету бесѣду, знамъ и признаемъ, да є све то човѣку свойствено, аль я и мои єдиномысленицы велимо, да то нису дѣйства и производи душе, него состава нашегъ тѣлесногъ; тѣло само по себи, све то чини и производи, а не душа, коя само име има, аль дѣйствително ништа нїе. Мой Благостою! све то, што ты доводишь, давно є мени познато, то су школска доказателства, коя къ момъ увѣренію ништа не приносе.

Благостой. Принеѣду Обраде! само буди у стерпѣнію, и разсуждавай онако, како ти твой здравый разумъ каже, и неповоди се по лажномъ мнѣнію твои єдиномысленика. Ты си ми преѣказао, да се желишь путемъ здравогъ разума, а не по туѣимъ рѣчма увѣрити о истини. Кадъ є тако, отбацы све на страну, и размышлявай по нелажномъ основу здравогъ и зрѣлогъ човѣческогъ разума.

Кадъ бы тѣло само по себи мыслило, разсуждавало, и друга душевна дѣйства производило, то бы отъ тудъ слѣдовало, да бы они люди, кои крѣпко, здраво и големо тѣло имаю,

наимудріи и найпаметніи быти морали, да бы найвећу любовь, ил' найвећу злобу показывали, и єднымъ словомъ, да бы они по составу тѣла нѣоваго, сва дѣйства, коя мы душевнымъ называмо, у найвећемъ степену, по сили тѣлесности своеѣ производили; алъ видимо и знамо, да тако нѣ. Често малый, слабый и управъ рећи тѣломъ недостаточный човѣчулякъ, много є паметніи, разсудливии и мудріи отъ оногъ, кои є тѣломъ двапутъ већи и крѣпчіи отъ нѣга. Како бы пакъ то быти могло? кадъ бы тѣло само по себи дѣйства душевна производило, и небы у човѣку ништа друго было, осимъ єдне силе тѣлесне?— Я велимъ, Обраде! да є тѣло само средство, начинъ и орудіє душе наше, коимъ она дѣйства своя производи, то єсть: душа є я, а тѣло є мое средство, и орудіє дѣла мои.

Обрадъ. Твое бы противословіє сасвимъ основано было, кадъ бы та дѣйства завысила отъ величине и крѣпости тѣлесне; алъ нами є познато, да умна дѣйства човѣческа отъ качества и состава мозга и жилица човѣчески завысе, отъ коєгъ већа ил' маня паметь, мудрость, разсужденіє, и друга у вышшемъ ил' нижемъ степену происходе. Може дакле човѣкъ тѣломъ грданъ быти; алъ качество и составъ мозга и нѣговы жилица къ памтеню, разсужденію и другимъ умнымъ дѣйствама манѣ способна имати, и обратно.

Благостой. Да отъ качества средства оногъ, коимъ штогодъ произвести желимо, много за-

выси, то сумню не трпи; тако на примѣръ: оштрымъ ножемъ можемо болѣ сѣћи, него тупымъ; добрымъ перомъ лѣпше писати, него раскременымъ, и т. д.; аль да средство само по себи безъ дѣлателя штогодъ производити може, то є здоровомъ разуму противно. Кадъ дакле по твоимъ рѣчма душевна дѣйства отъ качества мозга и нѣговы жилица завyse, то є мозакъ средство, коимъ се она производе, средство пакъ да по себи само дѣлати неможе, то є свакомъ, кои и оле разсужденія има, познато: слѣдователно мора у човѣку друго какво суштество быти, коє душевна дѣйства средствомъ тѣла, было то средствомъ мозга, или коє друге части тѣла човѣческогъ производи, коє мы душомъ называмо.

Обрадъ. Да средство само по себи дѣлати неможе, то признаємъ; аль то суштество, коє средствомъ тѣла дѣйствує, може быти сама сила тѣлесна, или болѣ рећи: средоточіє сила тѣлесны.

Благостой. Ты себе и нехотице зам'рсуєшь, Обраде! найпре си казао, да дѣйства душевна отъ состава тѣла завyse, и кадъ си видіо, да то основоположеніє обстати неможе, прибѣгао си къ качеству мозга, и другій частій тѣла, и видећи, да средство само по себи дѣлати неможе, твр'доглаво при твоємъ матеріалізму остаюћи, доводишь ми нѣку силу тѣлесну, умствууюћи, да та средствомъ тѣла дѣйствує. Дакле ты самъ

признаєшь, да у човѣку има нѣка сила, коя средствомъ тѣла дѣйствує.

Обрадъ. Тако є. Єрь да штогодъ дѣйствовати може, мора имати свою снагу къ тому; но та сила отъ тѣла произлази, и ништа друго нїє, него матеріалный, то єсть: вештественый производъ тѣла нашегъ.

Благостой. Сила такова, коя отъ тѣла произлази, неможе никаква друга свойства имати, него она, коя тѣло има; єрь што у читавомъ цѣломъ налазимо, то ни у єдной нѣговой части найћи неможемо. — Мы пакъ налазимо, да човѣкъ прошаста памти, а будушта путемъ разсужденія предвиди. Ова свойства тѣлу никаквимъ начиномъ дозволити неможемо; єрь є тѣло матеріа, коя є само на настоєће ограничена и везана, дакле ни та сила твоя тѣлесна неможе садъ преднаведена дѣйства душевна производить. Слѣдователно сила, коя у човѣку прошаста памти, и о будущти расуждава, неможе тѣло быти, нити може отъ тѣла произлазити, него мора по себи самой отъ тѣла сасвимъ различно штогодъ быти. Но да се іоштъ болѣ о истини овой увѣришь, дозволи ми, да ти изъ обычны човѣчески догађая примѣре доведемъ, коя намъ очевидно показую, да душевна дѣйства не тѣло, нити каква сила тѣлесна производи, него сасвимъ што друго, што тѣло нїє, нити може быти.

Кадъ бы составъ тѣла, или коя часть нѣгова, или выше части, или наипосле све заєдно, као

што велишь сила тѣлесна, дѣйства душевна производила, онда бы тѣло наше єдно и исто споляшиѣ дѣйство свагда єднако осеѣати морало; єрѣ єднако дѣйство, єднако слѣдство имати мора. Мы пакъ ову стварѣ сасвимъ другоячїє налазимо, и искусство намъ ю иначе показує. Тако на пр.: кадъ смо замыслѣни, и умомъ нашимъ у штогодъ удублѣни, догаѣа намъ се, да се радеѣи и послуѣи о штогодъ ударимо, а кадъ кадъ лагко и окрвавимо, безъ да таковый ударѣ и ранненѣ тѣла нашегъ осетимо, него текъ доцнїє, кадъ видимо, да смо се окржавили, то єсть: кадъ до знаня нашегъ вреда дойѣемо, осетимо бооль. На противъ тога пакъ, кадъ знамо и очима гледимо, да ѣе насъ тко само оштромъ игломъ да убоде, како много силнїє убодѣ таковый осеѣамо, и како є бооль нашъ усугублѣнѣ и увеличанѣ знанѣмъ и гледанѣмъ ранненя тѣла нашегъ; што выше кадъ кадъ и пре, него што намъ є тѣло дирнуто, бооль осеѣамо. Разлика пакъ ова, Обраде! небы могла быти, кадъ бы се човѣкъ изъ самогъ тѣла состояо, и небы у нѣму ништа друго было, што тѣло нїє, и што отъ тѣла нашегъ непроизлази. Не бы могло быти у првомъ случаю, да оно, што га є занста раннило не осеѣа; ни у другомъ случаю, да оно, што га іоштѣ ни дирнуло нїє, напредѣ осеѣати може. Єрѣ тѣло, као матерїа закону єстественномъ повинуватисе и наравномъ опредѣленїю свомъ отговарати мора: тако н. пр. неможе звоно ударено отреѣи и недати звука, него ма колико путїй,

и ма коимъ начиномъ, єднимъ и истымъ чекичемъ, єдномъ и истомъ снагомъ ударено было, мора свагда єднакъ звукъ отъ себе давати; као што у противномъ случаю ма како страшно заманывали, и близу до нѣга ударцемъ долазили, докъ се дѣйствително не удари, звука отъ себе дати неможе. Будући пакъ да съ човѣкомъ тако нїє, то мора у нѣму друго штогодъ бити, коє тѣло нїє, нити отъ тѣла произлази, коє єдно и исто споляшиѣ дѣйство манѣ ил' выше осећати и чувствовати може, и комъ є тѣло само средство осећаня и дѣйствїя нѣговы.

Обрадь. Кои се доказательствомъ овимъ прекланяше Благостою уступити, поћути мало, размышляваюћи о доказательствама Благостоевыма, и после краткогъ ћутаня рекне: истину преднаведены примѣра признати морамъ; но поредъ свегъ тогъ іоштъ ми ниси тако ясно, као што бы я желіо суштествованѣ душе у тѣлу нашемъ доказао; увѣри ме дакле о томъ сасвимъ ясно као што си ми обѣштао.

Благостой. Путемъ зрѣлогъ разсужденїя достовѣрно увѣритисе можемо, да се човѣкъ не состои изъ самогъ тѣла, и тѣлесне силе; него да заиста у тѣлу свомъ нѣшто друго има, што тѣло нїє, коє мы душомъ называмо, и коє съ тѣломъ заєдно узимаюћи човѣка сочинява. Ово намъ показую сна дѣйства човѣческа, коя тѣло, или као што матеріалисте говоре, сила тѣлесна совершавати неможе.

Кадъ бы тѣло душевна дѣйства совршавало,

како бы могло быти, да кадъ се тѣло наше одмара, кадъ осимъ ограниченіе свогъ механизма т. е. дысаня у цѣркулаціе крви, сасвимъ дѣйствовати престае, кадъ нити очима гледи, нити ушима чуе, кадъ устма неговори, и носомъ немириши, како бы велимъ могло быти, да мы у сну нашемъ, оно што очи наше невиде, видимо, што уши наше нечую, чуемо, да затворенымъ устма и некретаючимъ се ѣзыкомъ говоримо, и често у такове предѣле и градове отходимо, кое нигда у животу нашемъ видели нисмо? — Ніе ли и самый єдиный санъ довольно доказателство, да у нами нѣшто има, кое тѣло ніе, и кое само по себи види, чуе, чувствуе, разсуждава, и друга своя дѣйства совршава.

Обрадъ. Нитко неможе истину ту отрицати, да човѣкъ у сну обычно сва она дѣла, коя у будномъ станю послуе, умомъ своимъ у воображенію, као да су на яви, совршава; аль отъ тудъ неслѣдуе, да се мы изъ чегъ другога состоимо, осимъ самога тѣла; ерь што ты наводишь, да душа чини, мы велимо, да све то сила тѣлесна производи.

Благостой. Ты свеєднако Обраде съ твоіомъ силомъ тѣлесномъ изылазишь на мейданъ; но зато немысли, да ћешь мое стрпѣніе побѣдити, здравый ће намъ разумъ показати, да то нису дѣйства силе тѣлесне, него да су заиста дѣйства душевна. Можели тѣло какво, као матеріа, у станю одмараня свогъ, т. е., кадъ изгублѣне силе свое повраћа и обновлява, выше снаге и силе имати,

него у одмореномъ станю, кадъ є силе свое већъ повратило ?

Обрадъ. Ту истину свакій признати мора, да у одмараню нитко выше снаге имати неможе, него у одмореномъ ; єръ се башъ зато одмара, да силу изгублѣну поврати.

Благостой. Можели дакле тѣло човѣческо и сила нѣгова веће што произвести у умореномъ, или болѣ рећи : у обезсилѣномъ станю ; него у одмореномъ, то єсть : осилѣномъ и обновлѣномъ ?

Обрадъ. То се само по себи отговара, да неможе.

Благостой. Видишь ли ты истину ту чистымъ и быстрымъ разумомъ твоимъ.

Обрадъ. Ту нетреба ни много Логике, ни много Філософіє, то є математическа истина.

Благостой. Ако дакле найђемо такова дѣйства човѣческа, коя су при одмараню тѣла, кадъ су силе нѣгове умалѣне, много већа и совршенія, него у одмореномъ, кадъ су му силе возобновлѣне и умножене — хоћешъ ли ми онда дозволити, да такова дѣла немогу бити дѣла силе тѣлесне, него да у нами друго нѣшто има, коє то болѣ и совршеніє производи, и коє сила тѣлесна нїє.

Обрадъ. Ако ми докажешъ, да мы при мањой снаги тѣлесной, таково што дѣйствовати можемо, што при већой снаги нисмо у станю чинити, онда ти по здоровомъ разуму дозволити морамъ, да ты право имашъ ; єръ умалѣна сила

неможе већа дѣйства имати, него обновљена и умножена.

Благостой. Казали смо, да у спаваню човѣкъ силе свое тѣлесне обновљава и повраћа, а у будномъ, обновљенымъ и умноженымъ силама дѣйствує. При свемъ томъ пакъ налазимо, да човѣкъ у спаваню такова дѣла производи, која у будномъ станю произвести ніє кадаръ. Тако у сну прошасте ствари тако живо и ясно затворенымъ очима видимо, коє у будномъ при najveћемъ напрезаню свою сила наши, тако ясно и живо себи представити нисмо у станю. Можеш ли ты Обраде у будномъ станю твогъ давно упокоєногъ отца, брата, ил' другогъ когъ сродника, тако живо себи представити, као онда кадъ ти се догоди, да га у сну видишь?

Обрадъ. Истина, да є оно живлѣ и яснє воображеніє, него кадъ на яви таково што себи представлямо, алъ Благостою! на яви се наша чувства выше занимаю съ околнымъ предмѣтима, и то є узрокъ, што у сну живлѣ воображеніє имамо, него на яви.

Благостой. Тай наведеный узрокъ, Обраде! манѣгъ воображенія нашегъ ніє доволянъ; єръ при najveћемъ, и ма каквомъ напрезаню силе наше вообразителне, неможемо на яви отсутвуюће предмѣте себи тако живо представити, као што ій у сну видимо; єръ у сну ій тако ясно предъ очима имамо, као да заиста существую, и као да ій управъ очима гледимо, коє на яви нисмо у станю чинити. Но да те іоштъ

вѣма о истини предложенія могъ увѣримъ, кажи ми; єли ти се кои путь догодило, да си у сну каква писма, стихове, или кнѣгу читао.

Обрадъ. Єсть Благостою! Доста ми се путій догодило, да самъ писма у сну читао; а опоминѣмъ се, да самъ кадъ кадъ и выше листій изъ такове кнѣге читао, кою нигда у руцы моіой имао нисамъ.

Благостой. Ніє ли дакле ово Обраде! веће и совршеніє дѣйство силе човѣческе, него у будномъ станю? у комъ бы текъ дугимъ размышленіємъ, дугимъ трудомъ и временемъ єдва кадри были оно сочинити, што намъ се у сну безъ поль мукѣ на єданпутъ умнымъ очима нашимъ представля. Шта дѣйствує дакле ту, Обраде! сила тѣлесна? коя се одморомъ ноћнымъ само обновлява, и коя ни онда, кадъ є обновлѣна у станю ніє таково што произвести? или друга коя сила, кою мы силомъ душевномъ называмо?

Но видеѣи, да се данасъ люди мало занимаю наукомъ чистогъ и правогъ мудролюбія, чрезъ чега є матеріалізмъ кодъ тако назване учене, аль ненаучене классе людій тако обвладао, да многи о Богу, души и нѣномъ безсмертію и разговаратисе, као нѣшто не прилично, не політично, што выше нѣки, као лудо и исподъ достоинства разумногъ и паметногъ човѣка сматраю, и свету ову истину нѣкимъ поповскимъ варанѣмъ называю; немогу пропустити, да ти іоштъ нѣколико явны и очевидны доказательства суштествованя душе човѣческе не наведемъ, изъ

кои се свакій, ако већъ безуманъ, или тв'рдо-
главъ противобораць ніє, о истини предмѣта
овогъ сасвимъ увѣрити може. Аль будући да є
сунце давно већъ заишло, и ноћъ наступа, збогъ
краткости времена дозволи ми, да за вечерасъ
разговоръ нашъ заключимо; а сутра, ако ми брат-
ску твою любовь поклонишь, трудићу се обе-
ћанѣ мое испунити, и съ іоштъ яснимъ дока-
зателствама о истинитомъ суштестованю душе
наше увѣрити те.

ТРИНАЙСТО ВЕЧЕ.

Яснія и очевидна доказателства о несумнѣнномъ сушествованю душе човѣческе изъ искусства доведена.

На западно южной страни мѣста рожденія и обитанія нашегъ Благостоя находяшесе нѣка рѣкомъ Бегеіомъ обколѣна, и као на полуострову лежеѣа шумица, коя є граѣанима за прохлажденіє и мѣсто увеселенія служила. Умноженіє жителя и поредъ тогъ распространеніє града овогъ проузрокує кр'ченѣ вѣковима противеѣисе растова, и за кратко време изъ ове мале, но дивлѣ шумице трудомъ и прилѣжаніємъ жителя постану найпріятніє, цвѣтемъ, и плодоноснымъ воѣкама заєдно съ другимъ полезнымъ растѣніяма засаѣене баште. Меѣъ овима не далеко отъ Бегеа лежала є и нашегъ Благостоя мала, но пріятна башѣица, у коіой ако и ніє было лавірински зам'ршая, и єнглезки разделяка видити; опетъ зато чисте стазице, коє цвѣтемъ, коє пакъ віновомъ засаѣене лозомъ, — множина плодоносны воѣкица, и разновидни садови сочинявалису про-

хлажденія мѣсто съ малымъ задовольногъ нашегъ Благостоя.

Ту є онъ често, отргнувшисе отъ градски непріятности усамлѣнъ съ пунымъ задовольствомъ погдикое часе живота свогъ проводіо, и поредъ невине забаве польске, у пріятномъ ладу одмараюћисе, понайвыше о теченію овогъ свѣта, промыслу божіемъ, — и души човѣческой размышлявао. Нѣгово правдолюбіе не мало му є непріятельства и гоненія наносило; а сердечна ревность къ обштемъ добру убиточну зависть причинявала. Но при свемъ томъ неправедна насртайя и озлобленія людска, коима є обычно свакій честапъ и правдолюбивъ мужъ отъ свагда веће гомиле зломысленика изложенъ, онъ є стѣпльиво и равнодушно сносио; нити є са стазе истине и правде поредъ свію огорченія силазіо, увѣренъ будући, да животъ овай ніе послѣдня мета среће ил' патнѣ човѣческе, но само предуготовленіе болъ и лѣпше будущности. Ово га є разсужденіе найвыше утѣшавало, и у средъ найвећи свои непріятности благополучнымъ чинило.

У овакимъ размышленіяма и садъ застане Обрадъ свогъ любезногъ Благостоя подъ зеленолистатомъ воћкомъ єдномъ на простртой по траве хальини лежећегъ, съ лицемъ и очима къ небу управлѣнымъ, као да отъ тудъ нѣку утѣху и награжденіе будущте очекиваше. Кадъ ближе къ нѣму дойђе, поздрави га пріятельски, аль отъ нѣга никаква отговора недобіе.

Ты си Благостою! яко замышлѣнъ, рекне Обрадъ ячимъ гласомъ, и пробуди га изъ нѣговогъ дубокогъ умствованія.

Добро ми дошао, любезный пріятелю! отговори тргнувши се Благостой, я самъ на тебе чекаюћи, легао мало отморитисе. Съ овымъ рѣчма устане, понуди друга свогъ, да съ нымъ на клупу седне, коя се подъ истомъ воѣкомъ томъ налазила.

По краткомъ разговорѣ, кое о домашнымъ, кое граѣанскимъ предмѣтима рекне Обрадъ: ты си ми Благостою! юче обѣштао, да ѣшь ми іоштъ нѣка явна и очевидна доказательства о души нашей сообщити, за кое те дакле молимъ.

Благостой. Мыслимъ, да си се и изъ досадашнѣи довода довольно увѣрити могао, да тѣло човѣческо ништа друго нѣе, него обиталиште и орудіе душе наше; но будући, да люди обычно очевидна доказательства изискую, и оно, што очима невиде, и тако реѣи рукама нехватаю за невѣроятно и измышлѣно држе; зато трудиѣу се и таковымъ доказательствама увѣрити те, да оно, што мы душомъ называмо, нѣе сила тѣлесна, или као што нѣки праздноумни говоре: пара, крвѣ, и т. д., кое съ тѣломъ постае, и съ нымъ за едно умире; него да е душа по себи дѣйствующе и тѣломъ управляюще существо, и да е духъ човѣческой човѣкъ, а тѣло само средство нѣгово, коимъ онъ волю, силу и знанѣ свое изявлюе.

Кадъ добро разсудимо дѣла и поступке чо-

вѣческе, морамо дозволити, да човѣкъ у обычномъ станю свомъ обычна дѣла совршава, то есть: она, коя мы сви людій редовно чинимо; а у необычномъ такова, коя су намъ чрезвычайна, и коя човѣкъ у редовномъ станю свомъ чинити неможе. Ово намъ очевидно показую дѣла и поступцы ноћника (Nachtwandler), кои у обычномъ станю, као и сви остали люди своя дѣла совршаваю, а у необычномъ, єдни се пеню на кровове високи кућа, по њима ходаю, и мирно пролазе најопаснїя мѣста, на коима бы у будномъ станю свомъ, себи смръть нанели; други са затворенымъ очима послую, и раде ноћу тако исто, као са отворенымъ при свѣтлости дана и болѣ. Знашь, да намъ є учитель нашъ мудролюбїя Б. у В. при толкованю предмѣта овогъ међу прочимъ догађаима съ назначенїемъ мѣста и времена, гди се и кадъ се то догодило, явно казывао, како є свештеникъ нѣкій проповѣдь свою, кою є желїо народу говорити, у вече започео, и кадъ є нѣшто мало трудно составїо, сномъ обтерећенъ, немогући далѣ писати, легао спавати; а кадъ є у ютру устао, на дивно чудо своє цѣлу проповѣдь изъ выше листова состоєћусе съ оногъ истогъ мѣста, гди є синоћъ престао бы, продужену, и своїомъ рукомъ написану при забравлѣнымъ вратма собе своє на столу готову нашао; и то, као што є прїятельма своима казывао, болѣ и совршенїє, него што бы у будномъ станю свомъ съ дугимъ размышленїемъ сочинити могао. Єли ово Обраде! тѣло

учинило, коє є легло одморитисе, или є друга
коя сила спаваюће тѣло изъ кревета дигла, и
дивно ово дѣло тѣломъ, као орудіємъ своимъ со-
вршила?

Но іоштъ силніє, яснїє и скоро рукама
хватаємо доказателство суштестованя душе єсть
оно, коє є разсудливый испытателя єстества
особито вниманіє на себе навукло: Познато є,
любезный Обраде! свима оныма, кои су при-
лику имали видити, или достовѣрно чути, станѣ
човѣческо у тако названомъ магнетическомъ,
или болѣ рећи: будномъ сну, како при томъ
случаю тѣло човѣческо у тврдомъ сну, као мр-
тво лежи; пакъ опетъ зато човѣкъ дивна чуда
производи. Тако онъ у томъ случаю види безъ
тѣлесны очію далеко отъ насъ удалѣне ствари,
и на питанѣ казує намъ, како изгледаю, гди су,
и на комъ мѣсту? чує безъ органа ушію тѣлесны
и крозъ найдеблѣ дуварове у другой соби ил'
кући, што се говори, каже тко у кућу долази,
— назначує време и сатъ будуштегъ свогъ
будногъ спаваня; — Налази и каже лѣкъ боле-
сти тѣла свогъ, илѣ другогъ когъ болестника,
гди є и на комъ мѣсту, ако и никадъ у бу-
дномъ станю свомъ на томъ мѣсту такова спа-
ваюћа особа была ніє; чита и говори najlepша
слова, или стихове на удивленіє свію слушаюћи,
коя у будномъ свомъ станю незна или непознає.
Ова и друга видѣнія и знаня сообштаваю намъ
предпоменути сновидцы тако истинито, да се чо-

вѣкъ само дивити мора, увѣренъ будући о истини
нѣоговогъ сообщенія.

Изъ преднаведенны ясно и очевидно увѣритисе
можемо, да човѣкъ и безъ органа тѣлесны, то
есть: безъ помоћи тѣлесны очію, ушію, и други
наши чувства видити, чути, осећати и знати
може, и то много совершеніе него средствомъ
тѣла свогъ; кадъ пакъ у нами такую силу нала-
зимо, коя безъ помоћи тѣла сама по себи види,
чуе, разсуждава, и знаніе свое сообщтава намъ,
онда ту силу неможемо отъ тѣла доводити, или
тѣлесномъ называти; еръ безъ тѣла види, чуе,
разуме, и горенаведена дѣла производи; него
признати морамо, да е она самосталанъ духъ,
кои у союзу съ тѣломъ човѣка сочиняваюћи, самъ
по себи дѣйствовати може, и дѣйствуе, и комъ
е тѣло наше само орудіе извршенія волѣ, знанія,
и способностей иѣговы; што пакъ само по себи
дѣйствуе, то и существуете, то есть: има свое
бытіе, дакле душа човѣческа заиста существуете,
есть, и има свое бытіе.

На страну дакле, Обраде! съ матеріалізі-
момъ, признай существованіе душе твое, при-
знай твою отличность, и знай да ниси само тѣло,
него да е благороднія часть твоя духъ, кои е
самъ по себи совершеніи, него у союзу съ овимъ
слабымъ, и трулежу подложнымъ тѣломъ.

При овимъ оштримъ гласомъ изговоренымъ
рѣчма Благостоевымъ Обрадъ устане, ухвати га
братски за руку и отговори му: признаемъ, лю-
безный брате! признаемъ съ пунымъ увѣреніемъ

истину рѣчій твои, и радуємъ се срдечно, што си ме многостручнымъ доказательствама твоима увѣрїю о нелажномъ суштествованю душе човѣческе. Колико самъ до данасъ честность и добродѣтель предъ очима имао; толико ѣу се отъ садъ выше трудити на полю добродѣтели човѣческе дѣлати, и себе достойнымъ великогъ тогъ дара божїегъ учинити; єрѣ самъ се увѣрїю, да нисамъ сама матерїа, нисамъ само тѣло, коє очима видимъ, него духъ дѣйствующїи, комъ тѣло ово само за средство производа нѣговы служи.

Благостой. Тако любезный Обраде! садъ можешъ дознати узрокъ оне отъ свїю мудры мужева прїимлѣне науке, коїомъ се учимо выше за душу, него за тѣло наше старатисе, — душу облагороѣавати, знаняма обогатявати, и добродѣтели дѣли уваженїа достойну учинити; а тѣло неговати, и у толико питати, колико є нѣговогъ здравля ради нужно, да намъ къ извршенїю во-лѣ, знаня, и сообщенїа нашегъ служити може. Зато дакле тѣлеснымъ страстма, коє духъ нашъ каляю, а и самымъ тѣлу полезне нису, утолявати, — зато нагонъ тѣлесный разуму духа нашегъ подвѣргавати и єднымъ словомъ: само оно чинити намъ валя, што се са здоровымъ разумомъ човѣческимъ слаже.

Колико є необходимо нужно човѣку о истинномъ бытїю душе човѣческе увѣритисе, къ тому намъ свакидашнїи примѣри за неборима доказательства довольно служити могу. Ову су истину и наши предцы добро увидили, кадъ су означе-

ніє, душевногъ и бездушногъ човѣка употреблявати почели. Ніє истина, да матеріаліста, кои себе матеріомъ сматраюѣи, само за добро матеріє свое старасе, честанъ и добродѣтеланъ човѣкъ може быти; єръ онъ све у тѣлу тражеѣи и налазеѣи, свашта, и найбезбожніє дѣло, само ако се отъ строгости, и казни земальскогъ закона сакрыти може, за угожденіє тѣла свогъ готовъ є учинити. Лажанъ є нѣговъ мораль, притворна добродѣтель; єръ є свакій часъ готовъ по обстоятелствама свогъ інтересса, кои му є ідолъ нѣговъ за свое матеріално добро, немораланъ и злочинаць быти.

Погледай само редомъ те високоумне матеріалісте какавъ имъ є животъ, пакъ ѣешь се увѣрити о нѣовомъ началу, или болѣ реѣи: безначалу морала нѣовогъ. Превара и очевидна себичность, то су имъ основоположенія живота нѣовогъ, ако пакъ коє добродѣтелно дѣло предъ свѣтомъ и учине, то треба, да се „до последнихъ земли“ чує, уважава, хвали и увеличивает, и то є єдиный узрокъ, зашто є добро учинію. Но само пошалилъ се тко достовѣрно доказати му, да среѣа нѣовогъ найискренієгъ пріятеля нѣговой среѣи найманѣ што на путу стои, онъ ѣе преко двадесете, што веле, руке потайно роѣеномъ брату свомъ яму копати, како ѣе нѣга ма како ужасно оборити, да себе само подиѣи може. Искренности справъ другогъ кодъ нѣга нейма, сотимъ манѣ постоянства, осимъ ако

ѣданъ єдинитый обойца інтерессъ имаю, у комъ се слагати мораю.

То су основоположенія матеріалісте, то му є мораль, то светыня нѣгова; єрь му є овай животъ све, — а смръть вѣчито уништоженіє цѣлогъ свогъ я. —

Другоячіє сасвимъ живи, другчіє мысли човѣкъ, кои Бога и душу признає, а іоштъ добродѣтелніє и светіє онай, кои є о бытію Бога и душе своє, не само по туѣимъ рѣчма, него своимъ здравымъ разумомъ увѣренъ. Онай вѣромъ, а овай внутреннимъ и быстрымъ увѣреніємъ своимъ Бога предъ очима своимъ имаюћи, и о добру и среѣи душе своє стараюћисе, совѣстно, и колико выше може добродѣтелно животъ свой проводи, не свѣртаюћи са стазе правде и истине; єрь внутреньи онай хранитель нѣговъ, душе- и Бога-познанство, не дозволява му при свомъ нагону тѣлесномъ и ласкаюћимъ обстоятельствама путь честности и добродѣтели оставити.

Обрадъ. Отъ кудъ дакле толика разлика меѣъ людма? єрь нити су злочинцы нити добродѣтинцы меѣу собомъ єднаки.

Благостой. Првима прилику и обстоятельства даємо за узрѣкъ; а другима тавніє, или ясніє понятіє и отъ тудъ слабіє, иль яче увѣреніє о Богу и души своіой; по овой мѣри єдни выше иль манѣ зла; а други выше иль манѣ добра чине. Осимъ матеріаліста, коимъ ништа светліє, има кои само нѣшто мало понятія имаю о

Богу и души човѣческой, такови кадъ кадъ вѣ-
рую, а кадъ кадъ невѣрую, како и обстоятел-
ства доведу, иль прилика нѣове веће, иль манѣ
корысти собомъ донесе. Ови су люди понайвыше
поводливви, и лагко ий е како на добро, тако и
на зло навести; ерь неймаю правоꝝ увѣреня о
Богу и души своіой, коє бы ий на овомъ иль
ономъ клизавомъ путу, и у волненію нѣовы
страстїй и корыстїй обдржало.

Но за вечерасъ доста ће быти о овомъ мно-
гима невольномъ предмѣту разговарати се;
оставимо тай разговоръ, и предузмимо наше ку-
ћевне послове, и гдикоя явна грађанска дѣла на
разсмотреніє. Съ овимъ прекине Благостой бе-
сѣду свою, и почне се о другимъ стварма съ
Обрадомъ разговарати, кои га при растанку за-
моли, да кадъ е толико добаръ быо трынайсть
вечери съ нымъ у братскомъ разговорѣ и совѣ-
тованю провести, да бы и сутра предъ вече съ
ныме састатисе хотѣо, и іоштъ о заосталомъ
найважнїемъ предмѣту, то єсть: о безсмертію
душе човѣческе мнѣніє и доказателства, ако ка-
ковы има, сообщтію му.

Благостой му обѣшта на обычно време у
исту ову башту доћи, и колико му могућно буде,
и о безсмертію душе човѣческе увѣрити га.

ЧЕТРНАЙСТО ВЕЧЕ.

Разсужденія здравогъ разума, и доказательства о безсмертію душе човѣческой.

Сви люди обычно манѣ иль выше любе животъ овоземный рекне Благостой пріятелю свомъ, и желили бы, да могу вѣковима продужити га. Любовь ову човѣческу къ животу лагко толковати можемо изъ саме природе наше; по коіой хтѣли или нехтѣли (осимъ случая лудогъ и гадногъ самоубійства) о обдѣржанію и негованію тѣла нашегъ старатисе морамо; ерѣ гладъ жеѣ и друге тѣлесне потребе примораваю насъ питати тѣло наше, као што насъ незгоде и болести принуждаваю лѣкове тражити, да сладко здравлѣ свакоякимъ начиномъ повратимо. И заиста шта бы было отъ рода човѣческогъ безъ любви ове уроѣене му? Како бы се човѣчество обдржавало безъ нагона наравногъ тѣла потребе снабдѣвати?

Изъ превелике дакле любви ове къ животу, или болѣ реѣи: къ обдѣржаванію тѣла нашегъ ра-

ѣсе оно противно чувство, ужасъ и стра смрти, и то понайвыше кодъ оны, кои мысле, да насъ са смрѣу нашомъ конечно уништоженіе очекива; ерь човѣкъ, кои є или вѣроисповѣданіемъ своимъ, или доказателствама здравогъ разума увѣренъ, да ѣ после гроба живити непрестає, много лакше, мирніе и утѣшителніе разставлясе отъ овогъ свѣта, тврдомъ надеждомъ напоєнъ, да є смръть овоземна само преселеніе у другій животъ.

Обрадъ. Свакій бы човѣкъ, Благостою! же-ліо мирно, утѣшено, и съ надеждомъ будущегъ свогъ живота отъ овогъ свѣта разстатисе; аль камо намъ тогъ тврдогъ увѣренія, да и после гроба живити непрестаємо. Мы видимо, да кадъ човѣкъ умре, онъ престає суштествовати, никаква трага, никаква слѣдства душе и будущегъ живота неимаюѣи. Истина, да насъ вѣроисповѣданіе учи, обнадеждава, и увѣрава о другомъ животу; аль мое увѣренъ зактева не путемъ вѣре, него явнымъ, дѣйствителнымъ, и живымъ доказателствама истину ову увидити. Нейма ниткогъ, да изъ гроба устане, и увѣри насъ, да човѣкъ заиста и после смрти живити непрестає. Ето дакле отъ кудъ та сумня, отъ кудъ стра, и кодъ многи извѣстно потвѣрждаванъ, да є смръть конечно уништоженіе наше.

Благостой. Законъ естества само онай, кои га є основао, променути и другоячіе уредити може, кою, противъ или изванъ закона естевенногъ, догодившусе промену называмо чу-

домъ. Ты дакле Обраде, и твои единомысленицы къ увѣренію нашемъ зактевате чуда? Пакъ и таковы чуда имамо примѣре и доказательства, да су на свѣту бывала, као што намъ и старый, а особыто новый завѣтъ сведочи, — но вѣруй Обраде! да кадъ бы се свакогъ столѣтія, или чешће по едно таково чудо башь и догађало, да по гдикой човѣкъ изъ мртвы воскресне, іоштъ бы многи и премноги были, кои бы то у сумню доводили, и измышлѣнымъ стварма называли. Но при томъ задатакъ нашъ ніе изъ светогъ писма о безсм'ртію душе увѣреніе доводити, него путемъ здравогъ разума о преважномъ предмѣту озомъ среће човѣческе доказательства истраживати.

Обрадъ. Тимъ бы путемъ желію, ако е могуће, о безсм'ртію душе наше увѣритисе. Но како и отъ кудъ ћешь ми моћи таково што доказати?

Благостой. Здравый разумъ съ посмотреніемъ живота човѣческогъ, и нѣгове промѣне, извешће насъ на онай путь, коимъ ћемо до истинѣ предузетогъ намъ предмѣта достићи.

Мы се Обраде! обычно отъ см'рти ужасавамо, а благословено естество дало намъ е поводъ научити се, да се отъ см'рти нимало бояти нетреба. Посмотримо само нашъ животъ, пакъ ћемо увидити, да мы свакій данъ умираемо и воскресавамо. Ніе ли санъ нашъ оно станѣ, кадъ сва наша чувства дѣйствовати престаю, и мы ништа о споляшномъ свѣту незнамо? Не дѣй-

ствує ли душа онда сама по себи, а тѣло као мртво лежи, никакве вѣсти отъ оны догађая, кои око нѣга, и изванъ нѣга бываю, неприимляюћи.

Обрадъ. Раддо бы я желіо, Благостою! тако умрети, пакъ опетъ устати, или воскреснути, као што кадъ заспимо, пакъ се опетъ пробудимо; аль ево жалости, кадъ єданпутъ умремо, никадъ се выше небудимо, него у вѣчномъ сну, или болъ рећи: м'ртваму остаємо. Велика є дакле разлика изъ међъ наравне смрти и сна.

Благостой. Ніє башъ тако врло велика разлика, Обраде! као што ты мыслишь. Санъ є оно станъ човѣка, кадъ душа съ тѣломъ за нѣко време дѣйствовати престає, да бы се тѣло одморити, и силе своє обновити могло; а смртъ є оно станъ наше, кадъ душа съ тѣломъ са свимъ и за свагда дѣйствовати престає. Но како годъ што онда, кадъ она за време съ тѣломъ нашимъ недѣйствує, своя душевна дѣйства сама по себи совршава, то єсть: мысли разсуждава, говори, чує, види, и т. д., кое мы сномъ или сниванѣмъ называмо: тако исто и онда, кадъ съ тѣломъ нашимъ сасвимъ дѣйствовати престане, и нѣга копечно остави, дѣйствія душевна продужава, живи и дѣйствує; єръ како годъ што у сну нашемъ душа безъ очію види, безъ ушію чує, мысли, разговарасе; и сва друга дѣйствія своя совршава: тако исто и у конечномъ раздѣленію своемъ отъ тѣла та иста дѣйствія своя безъ помоћи тѣла свогъ продужава, дѣйствує и дѣйствовати мора.

Ово насъ свакидашнѣ искусство учи и увѣрава; ерѣ докле годѣ душа съ тѣломъ дѣйствує, дотле мы сна имати неможемо. Тако н. п. кадѣ смо у бриги, страу, великой радости, или особытой надежди, — никако заспати неможемо. Ерѣ у овымъ случаєвима душа съ тѣломъ дѣйствующи, неда му одмора, до годѣ се она не примири, и отѣ дѣйствованя свогѣ обычногѣ съ тѣломъ не престане. Ова промѣна съ нама све єднако бѣва дотле, докѣ є годѣ тѣло способно дужности своє извршавати; но кадѣ се ова машина душе наше тако поквари, да се душа съ нѣомъ выше служити неможе, она ю са свимъ оставля, и то оставлѣнѣ мы называмо смрѣу. Душа пакѣ оставляюѣа покварено тѣло своє по вѣчнымъ законима створителя свогѣ на далше опредѣленіє своє отлази, и као што се мыслити дає, свойствама своима сходно тѣло добѣя, и у другій новый животѣ ступа. То є цѣла разлика, любезный Обраде! изѣ меѣъ сна и смрти. У првомъ случаю пробудимо се съ овимъ човѣчскимъ тѣломъ, и продужавамо овоземный животѣ; а у другомъ добѣямо по свойствама нашимъ, и свойствама оногѣ свѣта кудѣ отлазимо друго тѣло, и ступамо у новѣ свѣтѣ, и новый животѣ.

Обрадѣ. Твоя су доказателства, Благостю! лѣпа, вѣроподобна, и много на истину наликѣ; алѣ нису увѣрителна, нису тако основана, да се на нѣи сасвимъ ослонити могу.

Благостю. И само намѣ єстество очевидно примѣре нашегѣ будущтегѣ живота дає. Зрно

жита, любезный пріятелю! неможе у новъ животъ ступити, неможе намъ красный и богатый класъ произвести, докъ га у землю не бацymo, да му тѣло иструне, и клица нѣгова другу одежду, друго тѣло не добые. Тако пузеѣа гусеница затворисе у свою чауру, као у свой гробъ, ту преѣашиѣ тѣло свое остави, ново пріими, и у виду прекрасногъ лептира воскресне, и у новый болъи и среѣній животъ ступи. — Кадъ ова по закону естества бываю, можемоли се мы люди словесномъ душомъ обдарени, као найблагороднѣе на земли создание божіе сумняти о нашемъ будущемъ животу? Но и осимъ овы естествены примѣра самый насъ здравый разумъ нашъ учи и увѣрава, да са раздѣленіемъ душе наше отъ тѣла, мы живити непрестаемо. Ёрѣ кадъ душа човѣческа и осимъ помоѣи тѣла нашегъ, као што смо се увѣрили при поступцыма ноѣника, а особито при будномъ или тако названомъ магнетическомъ сну — сама по себи види, чуе, и зна оно, што средствомъ тѣла свогъ знати неможе; то онда разсужденіемъ здравогъ разума увидити и признати морамо, да е душа по себи самостална, а тѣло само средство дѣлованя нѣногъ; кадъ се дакле средство или орудіе послуѣегъ когъ суштества поквари, отъ тудъ неслѣдуе, да и самый посленикъ суштествовати престае, но што выше, да онъ са своимъ знанѣмъ и вѣштиномъ и далѣ суштествуе, и себи друго знаніе и способности своіой сходно орудіе свогъ далшегъ дѣлованя узима, и посао свой продужава.

Душа дакле, као самостално суштество, које је са тѣломъ нашимъ у толико само союжено, у колико чрезъ нѣга дѣла и волю своју производи, неможе са мртвиломъ тѣла свогъ и сама престати, то јесть: неможе съ нѣмъ за едно умрети, него се само отъ нѣга раставля.

Ово је истина, Обраде! тако јасна, и тако основана, да онај, који је увѣренъ о суштествованю душе човѣческе, комъ је доволно познато, да душа и безъ тѣлесны органа види и чује, и шта изванъ тѣла бива зна, тай по здравомъ разуму другчије мыслити и разсуждавати неможе; еръ или мора признати дѣйствія душе, и безъ помоћи тѣла нашегъ, и сотимъ нѣну особливостъ отъ тѣла; или мора чисту и очевидну истину отрыцати, и оно, што заиста јесть, казати да нѣе, које се отъ разумногъ човѣка очекивати неможе. Кадъ је пакъ душа особлѣно суштество отъ тѣла нашегъ, то по себи самомъ слѣдуе, да таково особлѣно суштество са своимъ себи подчинѣнымъ орудіемъ, кадъ се ово поквари, суштествовати не престае, то јесть: кадъ тѣло умре, да душа далѣ бытіе своје имати мора, бытіе пакъ или суштествованѣ душе состоисе у дѣйствованю сила душевны, то јесть: у знаню, мышлѣню, разсуждаваню, чувствованю и т. д., дакле душа наша и после раздѣленія свогъ отъ тѣла мысли разсуждава, разликуе добро отъ зла, и т. д.; аль у томъ се башъ состои животъ нѣнъ, слѣдователно душа и после раздѣленія свогъ отъ тѣла живи.

Живи, любезный Благостою! живи заиста, повыкне радостнымъ гласомъ Обрадъ нашъ, ову истину само онай признати неће, кои разсуждати неуме, или кои се здравомъ човѣческомъ разуму противити усуѣуе. Твоя су доказательства основана, твоє є разсужденіє право и истинито. Садъ разумомъ моимъ понямъ, садъ видимъ, да човѣкъ и после гроба свогъ суштествує и живи; нетреба ми отъ данасъ, да ме други о истини овой увѣрава; єрь самъ у себи вѣру имамъ, самъ знамъ и самъ по себи о истинномъ душе мое будущеему животу увѣренъ самъ.

Благостой. Поредъ овы до садъ наведены доказательства, и найновіє изобрѣтеніє употребленія сумпорногъ воздушія (aether sulphuricus), кадъ станѣ човѣка овимъ воздушіємъ заданутогъ добро испытамо, показує намъ довольно, како суштествованѣ душе човѣческе, тако и нѣно несумнѣнно безсмертіє. Нелажно искусство сведочи, да човѣкъ у томъ све осеѣанѣ, видъ, слухъ, и єднымъ словомъ: сва споляшня чувства тако изгуби, да га сеѣи, и пеѣи можемо безъ да што найманѣ осеѣа; и премда є тѣло у томъ станю умртвлѣно, као што є у случаю смрти свое недвижимо и безчувственно: опеть зато човѣкъ у томъ несвестномъ и безчувственномъ станю пріятна видѣнія има, снива, и виѣа давно невиѣене сродне иль любезне пріятелѣ свое; єдни се у овомъ сну своемъ находе у прекраснымъ нигда невидѣнымъ предѣлима, други выспренымъ мыслима и предмѣтима занимаюсе, коє

очевидно свѣдочи, да и при умртвлѣнномъ тѣлу духъ човѣческой дѣйствує, и то као што искусство показує силнѣе и величественнѣе, него у обычномъ союзу съ тѣломъ оживотворенымъ; како годъ пакъ што у томъ за кратко време умртвлѣнномъ тѣлу, душа човѣческа дѣйствує, наравно є слѣдство, да и онда, кадъ тѣло наше вѣчно мртвило обузме душа неће престати дѣйствовати; иначе бы и съ краткимъ овымъ умерштвоу тѣла, и душа умртвити се морала, кое изъ искусства видимо да нѣ; слѣдователно душа и после конечногъ умрштвоу тѣла човѣческогъ живи, дѣйствує и бытѣе свое несумнѣнно продужава.

Но башъ, да овы явны доказателства и неймамо, опеть Обраде! кадъ теченѣе овогъ свѣта зрѣлѣе посмотримо, можемо се о нашемъ будущемъ после гроба животу довольно увѣрити. Єрь видимо, да овогъ свѣта довольно има добродѣтели людѣи, кои су свакоякимъ гоненѣяма, бѣдама и нуждама изложени; а на противъ тога налазимо друге пакостне, злобне, неправедне, и управо рећи злочинце, и угнѣтателъ рода човѣческогъ, кои у свакомъ добру и величеству свѣтскомъ животъ свой проводе; како бы се пакъ съ правдомъ божіомъ то слагати могло, кадъ бы човѣкъ све овогъ свѣта свршио? былъ могли создателя, и управителя овогъ свѣта праведнымъ отцемъ свію насъ называти? кадъ бы добродѣтель вѣчно угнѣтана остала; а угнѣтатели нѣни, варалице и злочинцы, поредъ нѣовы злы и

невалялы дѣла у слави и величеству своемъ до гроба живеѣи нигда никакве за своя злочинства казниполучили небы? Не—не, никаквымъ начиномъ то се дозволити неможе; ерь ако смо увѣрени о несумнѣномъ бытію божіемъ, морамо се и о нѣговой премудрости, и правди увѣрити, коя допустити неможе, да добро казнѣно, и злоставѣно; а зло награђено, и славомъ и хваломъ светскомъ увеличано остане.

Обрадь. Тако є Благостою! и самъ велимъ, да се съ премудростію и правдомъ божіомъ неслаже, да добродѣтель страда, а злочинство величасе; но зашто Богъ допушта да тако што подъ нѣговымъ всемогућнимъ правительствомъ быва?

Благостой. Любезный Обраде! сва добра, и сва зла овогъ свѣта, осимъ оны, коя у власти човѣческой нестоє, произлазе отъ слободне човѣческе воли. Богъ є пакъ човѣку свободну волю зато дао, да онъ по себи самомъ дѣлати може; иначе бы сви люди само махіне быле, и нити бы сами по себи зло какво чинили; аль небы ни добро учинѣно, као своє собственно себи приписати могли; ерь нить бы прво, ни второ мы чинили; него она съ махіномъ нашомъ дѣйствующа сила. И самый дакле овай даръ божій, т. є. слободна воля и употребленіє нѣно доказує намъ, да човѣкъ ніє само за овай животъ созданъ, но да є овоземно сушествованѣ наше предуготовленіє друге будущности наше; ерь башъ зато, што махіне нисмо, него смо разу-

момъ и слободномъ вольомъ обдарена сушества, дат' намъ є начинъ себе манѣ ил' выше заслужнымъ, или незаслужнымъ учинити, ово пакъ само по себи раѣа доказательство наше будущте манѣ ил' веће награде или казни, т. є. нашегъ будущтегъ живота. —

ПЕТНАЙСТО ВЕЧЕ.

Кратка размышленія о будущности
човѣческой после овоземногъ
живота.

Съ пуномъ душомъ утѣхе проводіо є Обрадъ нашъ цѣло време после растанка свогъ отъ Благостоя. Нѣгова радость у толико є веѣа была увѣреніємъ Благостоевымъ о несумнѣнномъ безсмертію душе, што є присвемъ свомъ противословію, єдва чекао путемъ здороогъ разума постиѣи баръ могуѣность нашегъ безсмертія; а садъ се не само о могуѣности, него и о несумнѣности нѣной увѣріо. Съ благодарнымъ чувствомъ благосыляше онъ свогъ любезногъ друга за нѣгова извѣстія и сообщтенія, коя му до садашню сумню разгоняваюѣи новъ животъ, и ново одушевленіє къ добротвореню у срдце уливаху. „Бога хвалити и славити,“ рекне самъ себи „и колико выше могу добра творити, тоѣе ми отъ данасъ задатакъ мой быти.“ — Благостою! любезный мой Благостою! колико су

важна за мене твоя сообщенія, колико ме она утѣшаваю, то ты толико невидишь, колико я у внутренности сердца могъ осеѣамъ. Ты си ме новорожденымъ човѣкомъ начиню; ерь самъ изъ мрачногъ преѣашиѣгъ умствованія могъ на свѣтъ разума изведенъ, — по комъ ѣу цѣлый будущи животъ мой управляти.

Съ овымъ мыслима ублаженный Обрадь преда се ноѣномъ покою, съ тимъ сутра даѣъ устане, и благодарѣѣи отъ свегъ сердца Богу создателю, што ѣ мирно ноѣъ провео, съ усугублѣннымъ трудомъ, съ пуномъ вољомъ, и обновлѣннымъ силама дѣла своя предузме, при коима поредъ испуненя дужности свое, ѣдва ѣ чекао прилику добыти да собрату свомъ штогодъ добра учинити може.

Кадъ послове свое сврши, отъде по обычаю свомъ Благостоя посѣтити, желеѣи іоштъ мало о преднаведенномъ предмѣту поразговарати се, и нѣгово мнѣнїе и о будущности човѣческой после овоземногъ живота чути.

После обычногъ поздрава, и разпытываня о здравлю и послови домаѣны каже му Благостой, да къ увѣренїю о безсмертїю душе поредъ преднаведены доказательства іоштъ едно навести има; а то ѣ постепенно усовершенствованїе човѣка, ерь кадъ зрело разсудимо, да ѣ човѣку отъ саме природе дато, себе све веѣма и веѣма усовершенствовати, коѣ совершенство на овой земли нитко постиѣи неможе; то и изъ овогъ неопровергаѣмогъ доказательства слѣдуѣ,

да човѣкъ са окончаніємъ земногъ живота, цѣло теченіе свое несовршава; иначе бы намъ природа наша поводъ и начинъ дала къ совршенству нашемъ, алъ намъ небы дозволила таково постићи, то єсть: само бы єстество себи противно дѣлало, кое нитко по здоровомъ разуму допустити неможе.

Обрадъ. Ты си ме Благостою! са свимъ увѣрю о несумнѣномъ безсмертію душе човѣчєске; но іоштъ бы те молю да ми кажешь, шта се дає мыслити о будущности нашей? кудъ отлазимо после раздѣленія нашегъ отъ овогъ земногъ тѣла? и какви су изгледи будущтегъ живота нашегъ?

Благостой. Извѣстанъ отговоръ на ово питанѣ твоє Обраде! дубокомъ є тамомъ покрывенъ, отговори съ брижљивымъ погледомъ Благостой, признаваюћи да є тайна ова, отъ пронїцателности човѣчєске сакривена. Мы смо само на овоземна ограничени, продужи после краткогъ ѣутаня бесѣду свою и зато будущти нашъ путь и мѣсто тако исто, као и радости и жалости, или болъ рећи срећу и несрећу будущтегъ живота човѣчєскогъ нитко знати, нитко опредѣлити неможе. Но при свемъ томъ неброєна множина толико мїлліона и мїлліона свѣтова оны, кое при ведромъ небу са нѣкимъ страхопочитателнымъ удивленіємъ гледимо, дає намъ поводъ къ разсужденію, да та свѣтила небесна безъ довольного узрока создана нису, него да мораю быти обиталишта манѣ ил' выше отъ насъ совршены у овомъ ил' ономъ тѣлу жи-

већи и дѣйствуюћи суштества. Путемъ овимъ дакле дае се мыслити, да и наше опредѣленіе тамо тражити треба, као што насъ о томъ и самъ христосъ спаситель достовѣрно извѣштава, и ту велику тайну открыва намъ говорећи: „Многи судъ обители въ дому отца моего.“ Отца свогъ небесногъ „отца свѣтова“ называюћи.

Ово потвржденіе Обраде! сотимъ се основаніе быти види, што са смрћу нашомъ овоземномъ теченіе живота овдашнѣгъ свршавамо, и зато позаймакъ нашъ т. е. тѣло матери земли оставлямо, а духомъ са свима душевнымъ нашимъ свойствама на далѣ опредѣленіе отлазимо; какво е пакъ то наше опредѣленіе или бо-лѣ рећи тай будущи животъ нашъ, нами е са свимъ неизвѣстно; само се толико дае здравымъ разумомъ разсудити, да по мѣри совершенства нашегъ душевногъ, добродѣтели и заслуга наши већу ил' мању срећу, а по мѣри наши порока, и своевольногъ злочинства равномѣрну каштигу очекивати имамо. Еръ ако смо увѣрени о несумнѣнномъ бытію Божиємъ, морамо дозволити и нѣгову неумитну правду, која по свойству свомъ добро наградити, а зло казнити мора.

Обрадъ. Твоє ме умствованіе утѣшава Благо-гостою! ал' ме са свимъ незадоволява; еръ кадъ бы по совершенству нашемъ овоземномъ по добродѣтели и заслугама као на противъ по злочинству човѣческомъ будущность нашу мѣрили, шта ћемо судити о оној дѣцы, која іоштъ за оно доба, докъ нити каква добра нити зла

учинила нису, слѣдователно нити заслуге нити порока имаю, умираю? Овде се види, да є како постатакъ: тако и смръть нѣова цѣли противна.

Благостой. Тайне єстества, или правіе рѣши тайне Божіе Обраде! нїе намъ дато докучити. Мы често и найоближніи предмѣта, кои се около насъ налазе, довольне узроке незнамо; а камоли да непостижиме узроке єстественны закона, зашто ово овако ил' онако, а не друго-ячіе бива дознати можемо. Но при свемъ томъ, немой мыслити да є твоє противословіє основано. Многе самъ слушаю, да теби подобно разсуждаваю, и отъ тудъ будущность нашу у сумню довести или баръ ясность нѣну помрачити трудесе; зато нећу пропустити и на ово твоє примѣчаніе у кратко отговорити:

Закони су єстества непремѣни, по коима све на свѣту бива, и бити мора. Како годъ дале што смръть крѣпкогъ и снажногъ мужа или немоћногъ и слабогъ старца по закону єстественномъ бива: тако исто и єдиночасногъ или єди-нодневногъ дѣтенцета, и отрастлогъ младића по истомъ томъ закону догађасе, — кои се законъ у томъ состои, да душа у тѣлу коимъ нибудъ узрокомъ поквареномъ, и за извршеніе душевны сила неспособнымъ учинѣномъ обитавати неможе; него таково тѣло оставити мора, коє мы смрћу называмо. И будући да смо доказали, да смръть нїе конечно уништоженіе наше, него само преселеніе отъ овоземногъ живота у другій животъ;

то дакле или она слѣдовала одма после роѣня; или по степену година наши у найдубльой старости, никакву другу промѣну спрамъ будущаго живота нашего нечини, него само што є єданъ выше ил' манъ совершенства, и заслуге себи прибавіо; а други порокомъ и злочиніємъ своимъ себе выше ил' манъ обезчовѣчіо и у-пропастіо.

Она дакле дѣца невинна, коя нити каква добра, нити зла учинити у станю была нису, а отъ свѣта овогъ поводомъ горе напоменѣнымъ отъ землѣ ове мораласусе раздѣлити, долазе у число оны дюдій, кои добротвореня и погрѣшке, кое мы грѣхомъ называмо, у равновѣсіе долазе, и єдне друге непретежу; нѣово опредѣленіе неможе быти хрѣаво, но при томъ не онаково као доброзаслужногъ, совѣстногъ и добродѣ-телногъ дѣлателя на овой землѣ. — И зато нѣовъ постатакъ и нѣову смръть цѣли про-тивномъ называти неможемо; будући да су на овомъ кругу земномъ као люди, словесномъ ду-шомъ обдарени, роѣени, и по закону єстества съ нѣга на свое далше опредѣленіе тако исто; као и сви други отходе, слѣдователно цѣли сходно свое теченіе имаю.

У осталомъ любезный Обраде! као што самъ мало пре рекао, ово су тайне такове, у кое проникнути човѣку дозвољно нїе. — Доста то, да осимъ пута вѣроисповѣдателногъ и самымъ здравымъ разумомъ увѣритисе можемо, о несум-нѣномъ бытію Бога створителя и управителя

цѣле вселенне, — о истинномъ душе човѣч-
ске сушествованю, и нѣномъ извѣстномъ без-
смретію. Далѣгъ пакъ опредѣленія нашегъ станѣ
за насъ сакривено остає; само толико изъ свой-
ства правдолюбія Божіегъ дає намъ се праведно
заклучити, да добродѣтели болѣмъ, а злочинцы
горемъ отъ овоземногъ живота надатисе имаю.

Будимо дакле добродѣтели, любимо Бога
и сочовѣка нашегъ, чинимо право, и чуваймосе
отъ свакогъ зла у овомъ искушенія пуномъ жи-
воту, отъ когъ насъ на овомъ клизавомъ путу
садашности наше, увѣреніе о истинномъ Богу,
кои све види, и све зна, найболѣ сачувати мо-
же. — Ослонимо се на нѣгово правдолюбіе,
свемогуѣство, и отеческу справъ созданія свогъ
любовъ, — пакъ ћемо съ утѣхе пуномъ на-
деждомъ, коя є сама по себи среѣа, — жи-
вотъ овай земный проводить, и у другій блаже-
ніи, совершеніи, и сотимъ среѣнии, преселити-
се, — и за наше добротворенѣ безъ сумнѣ
пребогато награѣени быти.

ГГ. ПРЕДУПИСНИЦЫ.

БАШАХІДЪ.

Послани отъ Благораз. Г. Арсена Ташића Учителя.

Чест. ГГ. Георгій Дузићъ Пароѹъ и Катіх. —
Іоаннъ Фелбабовъ, Парохіе Адм. — Пошт. ГГ. Стефанъ
Станковићъ, Кассіръ и мѣста Ш. Надзиратель. Георгій
Станковићъ Трг. Благораз. Г. Арсенъ Ташићъ, Учитель.

5.

БЕОГРАДЪ.

Уписани у Читалишту Србско-Београдскомъ *).

Пречест. ГГ. Гавріилъ Поповићъ, Архімандритъ. —
Герасимъ Стойковићъ, Учитель Богословіе. — Чест. Г.
Обрадъ Михайловићъ, Капел. Беогр. — Высокобл. и Бла-
гор. ГГ. І. С. Поповићъ, Началникъ Попеч. Пр. — Пав.

*) Молимъ, да ми се опрости, ако се у титулатури или реду
уписаны Имена, коя погрѣшка найђе; еръ самъ Предупись
онако добыо, како су се ГГ. Предуписници, нѣки съ дода-
тымъ, а нѣки безъ додатогъ чина свогъ уписати изволили.

Арс. Поповићъ, Секретаръ Совѣта. — Ђорђе Нинићъ, Експед. Княж. Канцел. — Елисей Вукайловићъ, Секретаръ Вар. Беогр. — М. Петровићъ, Протоколистъ и Архиваръ Гл. Контроле. — Дръ Милованъ Спасићъ, Гл. Управитель Осн. Училишта. — Јованъ Ђ. Ђвтимовићъ, Пост-Оффицеръ Беогр. — Јованъ Стойковићъ, Магазионеръ. — Димитрије Станимировићъ. — Александеръ Николићъ, Рачунов. Фонда Удов. — Владимиръ М. Богдановићъ, II. Писаръ Суда Вар. Беогр. — Јанићије Ђ. Петровићъ. — Спасоє И. Чворићъ, Практик. Вар. Београд. — Атанасіе Е. Ненадовићъ, за Сестрића свогъ Петра Топаловића. — Јаковъ Крчединацъ. — Тома Цинцаръ Јанковићъ. — Миланъ Антоновићъ. — Милићъ Лукићъ, II Писаръ Суда Окр. Беогр. — Димитрије Аврамовићъ, Живописацъ. — Высокоуч. ГГ. А. Поповићъ, Учитель I. разреда Училишта Беогр. — Јанићије Павловићъ, I. год. Права Слушатель. — Димитрије Милойковићъ, II. год. Богосл. Слуш. — Панта П. Тодоровићъ, I. год. Богосл. Слуш. — Андрија Стефановићъ, лит. Инцинирске Школе. — Пошт. ГГ. Ђорђе С. Чоковићъ, Тргов. — Коста Х. Лазићъ, Трг. — Спиридонъ Діонисіевићъ, Писар Трг.

30.

Скупљѣни отъ Благор. Г. Константина Обрадовића
Секретара II. Одѣл. Апел. Суда.

I. Одѣленіе Апел. Суда:

Высокоблагор. ГГ. Живанъ Петровићъ, Предсѣд. Апел. Суда. — Григорій Ђ. Филиповићъ, Членъ. — Благор. ГГ. Яковъ Димшићъ, Секретаръ. — Матеа Матићъ, Столоначал. — Протоколита Подпоручникъ Ђорђе Брдаревићъ. — Панта Поповићъ, Регистраторъ и Архиваръ. — Ивко Мишићъ, Експедит. — Милошъ М. Ранковићъ, Канцелиста.

II. Одѣленіе Апел. Суда:

Высокоблагор. ГГ. Євтиміе Угричичъ Предсѣдатель. — Илія Момировићъ и Пера Степановићъ, Членови. — Благор. ГГ. Константинъ Обрадовићъ, Секретаръ. — Андрія Стаменковићъ, Столоначалникъ. — Никола М. Райковићъ, Протоколистъ. — Лука Јовановићъ, Архиваръ и Регістр. — Яковъ Атанацковићъ, Канцелиста. — Симеонъ Милутиновићъ, Секретаръ Просвѣщенія.

17.

Послани отъ Благор. Г. Јована Јовановића,
Секретара Финансіе.

Высокоблагор. Г. Јованъ Нинићъ, Началникъ Глав. Контроле. — Благор. ГГ. Стоянъ Ђ. Спасићъ, Књиговодитель Попеч. Финансіе. — Димитріе Јокићъ, Рачуноводитель Попеч. Фин. — Миланъ Давидовићъ, Столоначалникъ Казначейства. — Груица Ивановићъ, Рачуноводитель П. Ф. — Васа Груіовићъ, Протоколиста. — Милосавъ С. Јовановићъ, Канцелиста, за сына Јоцу. — Димитріе І Сосићъ, Броячъ Попеч. Фин. — Ђорђе Бранковићъ, Рударъ. — Петаръ Милошевићъ и Коста Анђелковићъ, Практиканти. — Владимиръ Якшићъ, Чиновникъ Поп. Фин. — Алекса Давидовићъ, Практ. Ђумрука Беогр. — Коста Х. Брзакъ, за себе, свою Супругу и сына Николу, Ученика. — Пошт. ГГ. Тодоръ Срећковићъ, Трг. — Аргіръ Х. Біяло, Трг. — Спиридонъ Діонисиу, Писаръ Трг. — Анастасъ Хрістодулу, Трг. — Анастасъ Зика, Трговаць.

20.

Скуплѣни отъ Высокоуч. Г. Живка К. Јовановића,
I. Год. Права Слушателя.

Благород. и Высокоуч. ГГ. Дръ Янко Шафарикъ, овогод. Ректоръ и Професоръ Лицеума. — Игњать Ста-

нимировићъ, Профес. при Лиц. Беогр. — Сергіе Николићъ, Проф. Природ. Права и Пол. Наука. — Константинъ Бранковићъ, Проф. Філософіе. — Еміліанъ Јосимовићъ, Проф. Матем. — Исидоръ Стояновићъ, Проф. Историје Обште. — Преч. Г. Сава Јовшићъ, А. Е. М. Сингелъ и Вѣроучитель у К. С. Лиц. — Алексіе Околски Проф. ѣзыка Французскогъ. — Максимъ Симоновићъ, Проф. Грађ. Зак. и Пост. Судейскогъ. — Лука Павловићъ и Владиславъ Поповићъ, Професори Гимназіе.

Слушатели II. год. Права: Высокоуч. ГГ. Милошъ П. Поповићъ. — Миланъ П. Ковановићъ. — Риста Спасоевићъ. — Милованъ Николићъ, Парафинацъ. — Алекса Солуићъ. — Андрија Петровићъ, Соколянинъ. — Димитріе Г. Петровићъ. — Јованъ П. Стефановићъ. — Чест. Г. Хрисантъ Јовановићъ, Ђаконъ. — Димитріе Захаріевићъ.

Слушатели I. год. Права: Высокоуч. ГГ. Ђорђе Мишковићъ. — Димитріе А. Димитріевићъ. — Живанъ I. Јовановићъ. — Василіе Петровићъ. — Живоинъ К. Јовановићъ.

Слушатели II. год. Мудрословія: Высокоуч. ГГ. Миланъ Петроніевићъ. — Стефанъ Лукићъ. — Петаръ Марковићъ. — Крста Марковићъ.

Слушатели I. год. Мудрословія: Высокоуч. ГГ. Јованъ Ристићъ. — Јованъ Стоядиновичъ. — Јованъ Ігњатовићъ. — Кузманъ Т. Кузмановићъ. — Радивой Милойковићъ. — Милое Јовановићъ. — Тодоръ М. Боговићъ. — Аѣимъ Петровићъ. — Димитріе I. Радовановићъ. — Тихомилъ Николићъ — Владимиръ М. Стефановићъ. — Марко Толићъ. — Ђорђе Стефановићъ, Бугаринъ. — Михаилъ Недричићъ.

БЕЧЕЙ НОВЫЙ.

Послани отъ Чест. Г. Лазара Азуцкогъ Ђакона.

Чест. ГГ. Діонусіе Павловићъ, Парохъ. — Діонусіе Поповићъ, Парохъ С. Ђурачкій, за кѣерь Ашницу.

Благор. Г. Коста Петровићъ, Закл. Маѣ. Адвокатъ, за сына Милана. — Поштен. ГГ. Трговцы: Георгіе Вуковъ, Првй Титоръ. — Живко Недельковићъ и сынови. — Алекса Поповићъ. — Алекса отъ Новаковићъ, за кѣръ Господичну Елену. — Савва Поповићъ. — Алекса Георгіевићъ, за сына Андрию. — Урошъ Тодоровићъ, за кѣръ Елену. — Еутуміе Подгорчићъ. — Господична Маріа Недельковићъ.

12.

БЕЧЕЙ СТАРЫЙ.

Поолани отъ Чест. Г. Іоанна Гайновића, Пароха С. Бечейскогъ, и Чест. Конз. Присѣдателя.

Пречестн. Г. Іоаннъ Вуићъ, Протопр. Сегед. Намѣстникъ, Чест. Конз. и Сл. Меѣ Бачке Присѣдатель, Златне Медаиле Притяжатель, и Парохъ М. Өерезіопольскій. — Чест. ГГ. Іоаннъ Гайновићъ. Парохъ и Чест. Конз. Присѣд. — Александеръ Бастићъ, Парохъ. — Высокор. Госп. Евфиміа Супруга, Высокор. Г. Барона и Генерала Стефана Іовићъ отъ Сигентала, Притяжателя Бунѣ. — Чест. ГГ. Іефремъ Іаковлѣвичъ, Парохъ Туринскій. — Даніилъ Перишићъ, Діаконъ С. Бечейскій. Высокоуч. ГГ. Димитрій Ковачевичъ, Учитель Ст. Бечейскій, — Міхаиль Влашкалићъ, Совер. Іуріста жит. Франѣв. — Поштенор. ГГ. Симеонъ Георгіевичъ. — Васілій Поповичъ, Трг. и прв. Титоръ. — Петаръ Симићъ, Трг. — Авраамъ Кулянчићъ, Кроячь и Титоръ Школ.

12.

БЕЧКЕРЕКЪ ВЕЛИКІЙ.

Скуплѣни отъ Г. Димитрія Димитріевића, Закл. Варош. Діурнисте.

Благород. ГГ. Лазаръ Хаджићъ, Бировъ и Сл. Торонт. Меѣ Присѣд. — Өеодоръ Іоанновичъ, Сенаторъ

и Слав. Тор. Међе Присѣд. — Живоинъ Смедереваць,
 Сенаторъ. — Георгій Стаичъ, Вице Нотаръ. — Аронъ
 Стойковичъ, Варош. Газда. — Ігнать Поповичъ, Сырот.
 Кассе Контролоръ. — Антонъ Стойшићъ, Архіваръ. —
 Данииль Закичъ, Зак. Мађ. Адвокатъ. — Алекса Кра-
 гоєвичъ, Зак. Мађ. Адвокатъ. — Александеръ Протичъ,
 Закл. Мађ. Адвокатъ. — Владиславъ Стойковичъ, Зак.
 Вармеђ. Практ. — Стефанъ Савичъ, Совер. Іуріста. —
 Петаръ Крестичъ, Закл. Сл. Крал. Таб. Нотарій. — Јо-
 аннъ Клее, Постъ Майстеръ. — Авраамъ Дузи, Поште
 Адміністраторъ. — Георгій Стойковичъ, Инжиниръ. —
 Владимиръ Михайловичъ, Нѣм. Права Правдоправникъ. —
 Јоаннъ Стойковичъ, Варош. Діурниста. Поштенор. ГГ.
 Θεодоръ Милетичъ, Членъ Обшт. — Георгій Михайло-
 вичъ, Членъ Обшт. — Марко Рашковичъ, Членъ Обшт.
 — Николай Хаджићъ, Првый Титоръ. — Гавріиль Пе-
 тровичъ. — Риста Јоанновичъ. — Петаръ Мишковичъ. —
 Миланъ Войновичъ, за Сыновца Илію. — Филипъ Геор-
 гієвичъ, Арендаторъ. — Маѳей Поповичъ, Кабаничаръ.
 — Тома Стоянчевъ, кроячъ. — Филипъ Войновичъ. —
 Высокоуч. Г. Сава Јоанновичъ, Слушат. Философіє. —
 Благораз. ГГ. Θεодоръ Вуковићъ, Слуш. 5. Гумназ.
 Школс. — Маѳей Релићъ, Слуш. 5. Гумназ. Школ. —
 Димитрій Марковичъ, Слуш. 3. Гум. Школ. — Николай
 Купусаровичъ, Слуш. 2. Гум. Шк. — Павелъ Марко-
 вичъ, Слуш. реалне Школ. — Маѳей Радановъ, Слуш.
 реалне Шк. — Пошт. ГГ. Георгій и Стефанъ Димитріє-
 вичъ, Калфе Трговачке.

Скуплѣни отъ Благораз. Г. Емануила Радосавлѣ-
 вића VI. Школс. Гумназ. Слушателя.

Поштенород. ГГ. Трговцы: Гавріиль Адамовичъ,
 Членъ Обшт. — Братія Пеичъ. — Јоаннъ Д. Пирра.
 — Иліа Писаръ Јоанновичъ. — Θεодоръ Жи-вано-
 вичъ. — Александеръ Марковичъ. — Θεодоръ Стефа-
 новичъ. — Константинъ Арсеновичъ. — Васілій Ши-

мичь. — Благор. Госп. Евгения Богоевичь, за кѣрь Христину. Поштенор. Госп. Елисавета Ристичь, за кѣрь Екатерину. Высокоуч. Г. Иоаннъ Данкуловъ, Совер. Богословъ и Сл. Торонт. Меѣ Закл. Практ. — Пошт. Г. Михаилъ Маѣевичь, Членъ Общ., за кѣрь Екатерину. Благораз. ГГ. V. Школ. Гумн. Слушатели: Андрей Иоанновичь. — Иоаннъ Живичь. — Любомиръ Паничь. — Александеръ Стоичь. — Иоаннъ Ник. Живковичь, IV. Шк. Гумназ. Слуш. — Максимъ Нешковичь, III. Школ. Гум. Слуш. — Господичне: Екатерина Бокшанъ и Маріа Радованова изъ С. Ъурѣа.

20.

Скуплѣни отъ Благораз. Г. Аркадіе Коссанића,
Учителя.

Чест. Г. Иоаннъ Клее, Парохъ. Поштенор. ГГ. Трговцы: Константинъ Георгиевичь, Членъ Обшт. — Петаръ Деметровичь, Арендаторъ. — Куриль Адамовичь. Стефанъ Поповичь. — Георгій Димитріевичь. — Марко Поповичь. — Даниль Станишичь. — Братія Михайловичь. — Самуиль Стефановичь. — Евтимій Поповичь. — Георгій Атанасіевичь. — Петаръ Дуяковичь, за Сына Юцу. — Георгій Даниловъ. — Александеръ Иоанновичь, за Сестру Персиду. — Петаръ Велисавлѣвичь, Сапунджія. — Никола Вуковъ, Чизмаръ. — Димитрій Вуковъ. — Владимиръ Панићъ. — Михаилъ Никифоровичь, Тргов. — Θεодоръ Милутиновићъ, Ъурчія. — Павелъ Ѳомићъ, за кѣрь Драгию. — Петаръ Вуковъ, Ученикъ. — Любомиръ Драгутиновичь, Ученикъ. — Димитрій Іанковичь, Ученикъ.

25.

Скуплѣни отъ Благораз. Г. Георгіа Татаровића,
Учителя.

Честн. Г. Даниль Стаичь, Парохъ, Чест. Конз. и Сл. Торонт. Меѣ Присѣдатель. Благор. и Высокоуч. Г.

Александръ Велисавлѣвичъ, Докторъ Медицине. — Благор. Г. Димитрій Савичъ, Закл. Сл. Кр. Таб. Нотар. — Поштенор. ГГ. Несторъ Деметровичъ, Трг. и Членъ Обшт. — Георгій Поповичъ. — Пошт. ГГ. Майстори: Іоаннъ Лукичъ. — Лука Ранисавлѣвичъ. — Георгій Ранисавлѣвичъ. — Петаръ Сувайцићъ, за сына Павла. — Александръ Николаевичъ, Ученикъ.

10.

БОТОШЪ.

Чест. Г. Антоній Маринковичъ, Парохъ. — Благораз. Г. Іоакимъ Николичъ, Дѣтонаставникъ. — Благораз. Г. Іоаннъ Арсеновичъ, Совер. Богословъ. — Поштенор. Г. Сава Максимовићъ, Трговаць.

4.

ВРШАЦЪ.

Послани отъ Благораз. Г. Свмеона Бакића П.
Класе Учителя.

Пречест. ГГ. Меѳодій Миланковичъ, Протосвггелъ и Богословіе Учитель. — Філіппъ Трандафуровичъ, Протопрезвутеръ Вршачкій и выше Слав. Меѳа Присѣдатель. Чест. ГГ. Іоаннъ Молдовановичъ, Парохъ Ябучкій бывшій Учитель Петриинскій и Ново-Градишкій. — Живоинъ Стояновичъ, Парохъ Павлишкій, за сына Константина І. Латинске Школе Слушателя. — Міхаиль Заричъ, Парохъ Дежанскій. — Николай Везенковичъ, Парохъ Загайчкій. — Благород. ГГ. Андрей Васићъ, Градоначалникъ (Bürgermeister). — Димитрій Нешићъ, Варош. Фішкаль. — Константинъ Мештеровичъ, Адвокатъ и почест. Вице Нотаръ. — Тимотей Петровичъ, Варош. Грундбухфіреръ. — Георгій Мештеровичъ, Слав. Кр. Таб. Закл. Нотаръ, и Варош. Канцелліста. — Георгій отъ Емануель, Слав. Кр. Таб. Закл. Нотаръ. — Іоаннъ

Поповичъ, Сл. Спаилука Влайковачкогъ Провізоръ. — Стефанъ Ботта de Holló-Mező Звоноліятель.

Поштенор ГГ. Трговцы: Гавріилъ Е. Обрадовичъ, Избр. Обшт. Членъ. — Пиколай Θεодоръ. — Константи́нъ Гавріиловичъ. — Гео́ргій Обрадовичъ, за сына Константина. — Гео́ргій Петровичъ, за сына Александра. Конст. І. Поповичъ, за сына Стефана. — Димитрій Ж. Божићъ, за кѣръ Іуліану. — Гео́ргій Гавріиловичъ. — Гео́ргій Милинъ. — Іосифъ Обрадовичъ. — Іоаннъ Іоановичъ, Шпекулантъ. — Θεодоръ Гавріиловичъ Шпекулантъ.

Поштенор. ГГ. Майстори: Григорій Гердецъ, Ѓурчія и првый Титоръ С. Николаев. Цркве. — Аѳанасій Барбуловичъ, Лебцелдеръ. — Софроній Сремацъ Цехмайсторъ руфста Ѓурчискогъ и П. Титоръ С. Ник. Цркве. — Іоаннъ Милковъ, Чизмаръ и Членъ Комуни́т. — Іоаннъ Стойковичъ, Ѓурчія и Членъ Комуни́т. — Петаръ Милошевићъ, Варга и Членъ Кому́н. — Алекса Предичъ, Чизмаръ и Титоръ Шпитальскій, за кѣръ Іуліану. — Іосифъ Живановићъ, Берберинъ. — Аѳанасій Лозовиќъ, Опанчаръ. — Іоаннъ Младеновичъ, Варга за кѣръ Анну. Петаръ Гренчарскій Абація, за сына Александра. — Іаковъ Барбуловичъ, Чизмаръ. — Іоаннъ Матеичъ, Сапунція. — Константи́нъ Врговичъ, Ѓурчія. — Димитрій Богосавлѣвичъ, Абація. — Гео́ргій Васи́лиевичъ, Абація. — Іоаннъ Димичъ, Чизмаръ. — Іоаннъ Богдановичъ, Варга. — Кузманъ Ранчинъ, Варга, за сына Марка. — Константи́нъ Андреевъ, Ѓурчія, за сына Арона. — Іоаннъ Видакъ, Ѓирчія, за сына Аѳанасію. — Марко Марковичъ, Ѓурчія, за сына Григоріа. — Урошъ Савичъ, Коларъ, за сына Стефана.

Поштенор. ГГ. Земледѣлцы: Димитрій Врговичъ, Целебція и Членъ Кому́нитета. — Живоинъ Токичъ, Целебція и Членъ Обштест. Црковногъ. — Сава Митровановъ, Целебція и Членъ Кому́нитета. — Гео́ргій Беланъ, Членъ Кому́нитета. — Стефанъ Бошковичъ, трећи Титоръ С. Ник. Цркве. — Петаръ Лацковъ, Целебція. Димитрій Давидовичъ, Целебція

Высокоуч. ГГ. Клеріцы: Тома Зековичъ, Сл. Кр.

Табле Закл. Нот. и Ш. год. Богословіе Слушатель. —
Феофілъ Димичъ, сл. кр. Таб. зак. Нот. и Ш. год. Бо-
гословіе Слуш. — Стефанъ Савичъ. Ш. год. Богосл.
Слуш. — Сумеонъ Груичъ, Ш. год. Богосл. Слуш. —
Міхаилъ Богдановичъ Ш. год. Богосл. Слуш. — Іоаннъ
Надашкій, Ш. год. Богосл. Слуш. — Димитрій Нинко-
вичъ, II. год. Богосл. Слуш. — Николай Ніколичъ, II.
год. Богосл. Слуш. — Васілій Аѳнасіевичъ, II. год. Бо-
госл. Слуш. — Николай Младеновичъ, I. год. Богосл.
Слуш.

Ученицы II. Нормалне Класе: Светиславъ Цвейчъ.
Урошъ Пиштолъ. — Іоаннъ Милошевичъ. — Миланъ Ге-
оргіевичъ. — Васілій Бараевацъ. — Димитрій Димитріє-
вичъ. — Іоаннъ Радовановичъ.

76.

ВУКОВАРЪ.

Послани отъ Благород. Г. Георгіа Контича, Сл.
Вуковар. Домініума Редовногъ Фішкала.

Благород. ГГ. Іоаннъ отъ Рогуличъ: Генер. Кассе
Перцепторъ. — Димитрій отъ Рогуличъ, подъ Платомъ
Ассессоръ. — Трифунъ отъ Младеновичъ, Вел. Судацъ.
— Георгій отъ Новичъ, Вел. Судацъ. — Павелъ Петро-
вичъ, Вел. Фішкаль. — Анастасій отъ Замфіръ, Судацъ.
— Васілій Міхайловичъ, Вуковар. Спахіл. Індіниръ. —
Константинъ Бирра, Вуков. Спахіл. Актуаръ. — Іоаннъ
отъ Стойчевичъ, Судацъ.

9.

ДЕЛИБЛАТО.

Послани отъ Чест. Г. Іоанна Григорієвича, Па-
роха Делиблатскогъ.

Чест. ГГ. Андрей Івачковичъ, Парохъ Делбл. —
Марко Івачковичъ, Парохъ Делиб. — Іоаннъ Григоріє-

вичь, Парохъ Делиб. — Сава Богосавлѣвичь, Парохъ Мраморачкій. — Живоинъ Івачковичь, Капеланъ Делиб. Петаръ Арсеніевичь, Капеланъ Делиб. — Благораз. Г. Георгій Враговичь, Дѣтонаст. Стар. Класе. — Пошт. ГГ. Димитрій Милаковичь, Житель Беогр., за супругу свою Екатерину. — Максимъ Івачковичь, купецъ и Епітропъ Црковный. — Марко Ритопечкій Живописаць и Стіхотвораць. — Арсеній Бошковичь, Ковачь. — Георгій Бошковичь, Ковачь.

11.

ДОБРИЦА.

Послани отъ Чест. Г. Мартініана Петровича, Капелана Добричкогъ.

Чест. ГГ. Пантелеймонъ Петровичь, Парохъ Фердинскій. — Оадей Петровичь, Парохъ Добр. — Тріфонъ Босіка Парохъ Уздинскій. — Марко Нешковичь, Парохъ Самошкій. — Александеръ Павловичь, Адмін. Пар. Самошке. — Александеръ Сверра, Парохъ С. Міхальскій. Николай Отонога, Парохъ Селеушкій. — Димитрій Оеодоровичь, Парохъ Селеушкій. — Петаръ Поповичь, Парохъ С. Іаношкій, — Димитрій Црнянскій, Парохъ Иланджанскій. — Александеръ Радуловичь, Парохъ Томашевачкій. — Благораз. ГГ. Іоаннъ Кочоба, Учитель Самошкій, — Оома Петковъ, Учитель Добр. — Лазаръ Николичь, Дѣвич. Учитель Добр. — Харалампій Оомичь, Учитель Иланджанскій. — Григорій Болянаць, Учитель Фердинскій. — Анастасъ Ласко Чора, Тргов. изъ Самоша. — Давидъ Ђуричинъ, Трг. Калфа изъ Самоша. — Іоаннъ Милосавлѣвичь, Ученикъ изъ Самоша. — Господична Катица Милосавлѣвичь изъ Самоша.

20.

Доцніе Послати: Чест. Г. Іоаннъ Груичь, Парохъ Алибунар. — Благораз. Г. Ауксентій Рогожарскій, Учи-

гель Алибунар. — Пошт. ГГ. Григорій Димичъ, Тргов.
Іосифъ Крестичъ, Тргов.

4.

ДУБРОВНИКЪ (Ragusa).

Послани отъ Пречест. Г. Георгіа Николаевича,
Протоіереа Дубровничкогъ.

Высокоблагор. Г. Еремія Гагиѣъ, Надворный Со-
вѣтникъ, Кавалѣръ и Конзулъ Рускій. — Преч. Г. Ге-
оргій Николаевичъ, Протоіерей. — Браѣа Шкулѣвиѣъ,
Трговцы. — Лазаръ Павловиѣъ, Тргов. — Христифоръ
Поятина, Тргов. — Іово Букилица, Тргов. изъ Котора.

6.

ЗЕМУНЪ.

Послани отъ Высокоуч. Г. Димитрія Чобиѣа,
Учителя.

Честнѣйшій Г. Лазаръ Андреевиѣъ, Парохъ Ц. С.
О. Н. — Поштенор. ГГ. Θεодоръ Р. Θεмиѣъ, Тргов. и
Членъ Обшт. Магіст. и Школ. Комиссіе. — Θεодоръ
Кирица, Членъ Обшт. Магіст. и Школскій Надѣиратель,
за сына Іоанна. — Хаимъ Фархи, Еврей Тргов. — Ва-
силій Вукомановиѣъ, Тргов., за сынове Петра и Стефана
— Николай Буковала, тргов. изъ Идвора. — Георгій
Янковиѣъ, Трг. изъ Бечкер., за сына Гаврїйла. — Высо-
коуч. Г. Трїфонъ Ніколаевичъ, Учит. Борчански, — ГГ.
Гаврїйль Спасоевиѣъ, Гостопрїймаць. — Димитрій М.
Стойновиѣъ, Трговачки Калфа. — Іованнъ Несторовиѣъ,
Тргов. Калфа. — Высокоуч. Г. Димитрій Чобиѣъ, Учи-
тель.

12.

ІТЕБЕЙ.

Послани отъ Благораз. Г. Іоанна Раиѣа, Учителя.

Чест. ГГ. Георгій Міхайловичь, Парохъ. — Сүмеонъ Логгиновичь, Адмініс. Пар. — Благораз. Г. Іоаннъ Раичь, Учитель. — Пошт. ГГ. Аронъ Ракиѣъ, Тргов. — Стефанъ Паниѣъ, Трг. — Емануилъ Паниѣъ, Тргов. — Георгій Штефани, Трг. — Госп. Маріа Раиѣъ, за кѣеръ Александру. — Пошт. Г. Живоинъ Раиѣъ, Кассиръ.

9.

КАРЛШТАТСКА ЕПАРХІЯ.

Нѣгово Высокопреосвещенство Г. Евгеній Іоанновичь, Епископъ Карлштадтскій.

Монастырь Гомиріе.

Пречест. Г. Севастіанъ Ілїичь, Архим. Гомирскій, Чест. Кон. и Сл. Ком. Загреб. Сосѣдатель.

Протопресвѣтератъ Виличкій.

Пречест. Г. Ѳеодоръ Раячичь, Протопрес. и Чест. Кон. Сосѣдатель. — Чест. ГГ. Пароси: Васілій Машичь, Гори. Верховинскій. — Петаръ Іванчевичь, Доли. Верхов. — Гавріилъ Кокотовичь, Адмініс. Кленовачкій. — Петаръ Кокотовичь, Парохъ Косинскій — Ѳеофанъ Поповичь, Заложничкій. — Георгій Поповичь, Долянскій. — Димитрій Бибичь, Дабарскій. — Ілія Божичковичь, Шкарранскій. — Савва Кенджичь, Швичкій. — Сүмеонъ Лужаичь, Брложкій. — Чест. ГГ. Капеллани: Іоаннъ Поповичь. — Ніколай Люботина. — Петаръ Неѣакъ.

16.

Протопресвѣтератъ Плащанскій.

Пречест. Г. Рафаиль Бунчичъ, Протопресв. Плащанскій, и Сосѣд. Чест. Консіс. — Чест. ГГ. Пароси: Петаръ Вукеличъ, Плащанскій, и Сосѣд. Чест. Конс. — Лука Латасъ, Іасеничкій. — Авраамъ Медаковичъ, Садиловачкій. — Стефанъ Пошмуга, Лѣсковачкій. — Гавріиль Поповичъ, Слушничкій. — Петаръ Главашъ, Мочилскій. — Іоаннъ Вранѣшевичъ, Тоболичкій. — Георгій Момичъ, Премышлянскій. — Милованъ Шарацъ, Полойскій. — Данииль Шарацъ и Міхаиль Видовичъ, Перясичкій. — Сүмеонъ Радуловичъ, Дубравскій. — Стефанъ Барачъ, Тржичкій. — Күріллъ Косановичъ, Намѣс. и Чест. Конс. Сосѣдатель, Муњавскій. — Чест. ГГ. Капеллани: Петаръ Грба. — Сүмеонъ Рапаичъ. — Міхаиль Барачъ.

17.

Протопресвѣтератъ Киринскій.

Пречест. Г. Сүмеонъ Поповичъ, Протопр. Киринскій, Чест. Конс. Сосѣдатель, за сына Милутина, ц. к. Рег. Кадета. — Чест. Г. Васілій Злонога, Намѣст. и Парохъ Влаховичкій. — Чест. ГГ. Пароси: Лазаръ Машичъ, и Васілій Гргичъ, Сѣничкій. — Марко Лапчевичъ, Бовичкій. — Маѳтей Жутичъ, Киринскій. — Васілій Опачичъ, Пернанскій. — Павель Гребляновичъ, Стипанскій. — Трѣфонъ Вукеличъ, Блатушкій. — Күріллъ Врга, Брњавичкій. — Благораз. ГГ. Ніколай Ожеговичъ, Ераріал Учитель Вергіномостскій, и Георгій Радошевичъ, Народ. Училишта Чемерничкогъ.

12.

КАРЛОВЦЫ (Сремски).

Послани отъ Бладораз. Г. Ніколе Новаковића,
Поѣзіе Слушателя.

Чест. Г. Аѳанасій Поповичъ, Парохъ и Чест. Конс. Ассессоръ. — Благород. и Высокоуч. ГГ. Іаковъ Гер-

шиѣ, Директоръ Гимназ. — Александеръ Стоячковичъ, Свемір. Срб. и Бібл. Історіе Профессоръ. — Высокоуч. ГГ. Стефанъ Павишевиѣ, сл. кр. Таб. закл. Нотар. и ІІІ. год. Клирикъ. — Павелъ Ніколиѣ, ІІ. год. Клирикъ. — Стефанъ Симуновиѣ, І. год. Клирикъ. — Антоніе Ракиѣ, І. год. Клирикъ. — Благораз. ГГ. Александеръ Завишиѣ и Георгій Адамовиѣ, Поєзіе Слушательи.

9.

КЛАРІЙ.

Послани отъ Высокоуч. Г. Антонія Іоанновиѣа, Нотароша.

Чест. ГГ. Георгій Пандуровичъ, Намѣстникъ и сл. Торон. Меѣе Ассесоръ. — Гавріилъ Космановиѣ, Парохъ и сл. Тор. Меѣе Ассесоръ. — Діонисій Іакшиѣ, Парохъ Црнянскій. — Высокоуч. Г. Антоніе Іоанновичъ, Нотарошъ.

4.

МОДОШЪ.

Послани отъ Честн. Г. Васіліа Міхайловича, Намѣстника и Чест. Конс. Присѣдателя.

Чест. ГГ. Васілій Міхайловичъ, Намѣст и Чест. Конс. Присѣдатель. — Александеръ Вуковъ, Парохъ и Чест. Конс. Присѣдатель. — Александеръ Влайничъ, Парохъ. — Димитрій Петровичъ, Капелманъ. — Благораз. Г. Іоаннъ Фарановъ, Учитель. — Госп. Тили Петрова, Малерка. — Пошт. ГГ. Тадеа Гигиѣ, Купецъ. Радивой Гигиѣ, Купецъ.

7.

НОВЫЙ САДЪ.

Послани отъ Благород. Г. Міхайла Николича.

Благород. ГГ. Радивой Стратимировичъ отъ Кулпинъ. — Георгій Георгіевичъ, ц. кр. Глав. Пошт. —

Амта Оссѣчкогъ Оффіціръ. — Александеръ Георгіевичъ, Адвокатъ и варош. Віце Ексакторъ. — Іоаннъ Бугарскій, Инжиниръ. — Димитрій Міхайловичъ, Сл. Кр. Таб. Закл. Нотаръ. — Высокоуч. Г. Лазаръ Іоанновичъ, Соверш. Богословъ. — Пошт. ГГ. Іоаннъ Θεодоровичъ, марвеный Лекаръ. — Марко Поповичъ, за сынове Ћирилла и Георгіа. — Петаръ Полить, Трговаць. — Благораз. Г. Стефанъ Медуричь, Ученикъ.

10.

ПЕРЛЕЗЪ.

Послани отъ Пошт. Г. Алекс. Івковича, Трговца Фаркашдинскогъ.

Чест. ГГ. Сѹмеонъ Іоанновичъ, Парохъ. — Константинъ Константиновичъ, Парохъ. — Благораз. ГГ. Елисей Димитріевичъ, Учитель. — Александеръ Будимировичъ, Учитель Дѣв. — Пошт. ГГ. Іоаннъ Іличъ, Купецъ. — Константинъ Івковичъ, Купецъ. — Стефанъ Івковичъ, Ученикъ.

7.

ПЕШТА.

Высокоученый Г. Суббота Младеновичъ, Дѣловодитель Матице Србске 12. Ексем.

12.

РУМА.

Послани отъ Благораз. Г. Стефана Лазића, Учителя.

Чест. Г. Георгій Ненадовичъ, Парохъ. — Благород. Г. Димитрій отъ Младеновичъ, Тргов. — Пошт. ГГ. Димитрій Стаичъ, Трг. — Θεодоръ Максимовичъ, Трг. — Міхаиль Міхайловичъ, Трг. — Софроній Радойчичъ, Трг. Іоаннъ Максимовичъ, Трг. — Павелъ Богдановичъ, Трг.

Данійль Філіпповичъ. — Трифонъ Петровичъ, Страж-
мештеръ. — Стефанъ Дудичъ. — Александеръ Марко-
вичъ, Майстори.

12.

САКУЛА.

Послани отъ Пошт. Г. Алексе Івковича, Трговца
Фаркашдинскогъ.

Чест. Г. Петаръ Купусаровичъ, Парохъ. — Бла-
гораз. ГГ. Андрей Петровичъ, Учитель. — Іоаннъ Ілkichъ,
Учитель Дѣв. — Пошт. ГГ. Василій Живковичъ, Стра-
жамештеръ. — Савва Торнянскій, Екон. Капларъ. — Со-
фроній Циврићъ, Екон. Капларъ. — Θεодоръ Зарићъ,
Екон. Гефрайт. — Георгій Продановичъ, Сенаторъ. —
Петаръ Рошуль, Сенаторъ. — Георгій Николаевичъ.

10.

СЕГЕДИНЪ.

Послани отъ Чест. Г. Димитрія Поповића, Ђакона
и Учителя Сегединскогъ.

Чест. ГГ. Іованъ Милићъ, Парохъ Мартоношкій. —
Орестіе Айвазъ, Парохъ Крстурскій. — Александеръ
Вуковићъ, Адмініст. Сегединскій. — Ђорђе Іаковлѣвићъ,
Ђаконъ Ђалинскій. — Димитріе Поповићъ, Ђаконъ и Учи-
тель Сегединскій. — Благород. ГГ. Стефанъ Петровићъ,
Сенаторъ Сегед. и выше Жупанія Присѣдникъ. — Ва-
сіліе Веселиновићъ, Првый Подбележникъ Сегед., и То-
ронт. Жупаніе Присѣдникъ. — Ђорђе Айвазъ, Бележ-
никъ Крстурскій. — Высокоуч. ГГ. Ђорђе Петровићъ,
Учитель Ђалинскій. — Ђорђе Фиконићъ, Совер. Бого-
словъ Ђалинскій. — Књижица (Бібліотека) учећесе
Младежи у Сегедину.

10.

СЕНТА.

Послани отъ Благораз. Г. Георгіа Николића,
Учителя.

Чест. ГГ. Тимоѳей Бранковићъ, Парохъ и Катихета —
Александръ Николићъ, Парохъ. — Пошт. Г. Самуиль Арадскій, Тргов. и Црковный Тудоръ. — Благораз. Г. Георгій Николићъ, Учитель.

4.

СЕНЬ.

Чест. Г. Милутинъ Тесла, Адмініс. Сеньскій. —
Благород. ГГ. Александръ отъ Мушкатиновићъ пенз. Маіоръ. — Иліа Шкоричъ, Совѣтн. Магистрата. — Алексій Тркуля, расп. кодъ Приморскогъ Кордона. — Пошт. ГГ. Ђорђе Мислусничъ, Великокупецъ и избр. Гражданинъ. — Лазаръ Рашевичъ, Купецъ и Закл. Сосѣдат. Крими́н. Суда. — Іоаннъ и Сава Петровиць, Купцы. — Іоаннъ Іакшићъ, Куп. — Ісідоръ Вуиць, Куп. — Іоаннъ Милиничъ, Куп. — Сумеонъ Симиць, Купецъ. — Іоаннъ Чича, верх. Надзиратель. — Захарій Завишићъ, Учитель. — Георгій Пухало, Корпораль. — Николай Рашевичъ. — Іоаннъ Рашевичъ и Емануиль Милсусничъ, трговачкій Момцы. — Милева Милсусничъ. — Ксенія отъ Будисавлѣвичъ — Елена Косановиць. — Господичне любительке Србскогъ књижества.

21.

ТАРАШЬ.

Чест. ГГ. Іоаннъ Чорклянъ, Парохъ и чест. Конс. Присѣдатель. — Куріль Поповићъ, Парохъ Елемирскіи, за сына Іоанна. — Димитрій Поповићъ, Парохъ Арадскій. — Сумеонъ Ђурчинъ, Парохъ Арадскій. — Благород. Г. Николай Пайдакъ, закл. Адвокатъ и Тараш. Бележникъ. — Благораз. Г. Андрей Ђулинаць, Учитель. — Пошт. ГГ. Лазаръ Толмачъ, Тргов., за сына Максима І.

год. Мудролюбія Слушателя. — Георгій Толмачъ, Землѣдѣлацъ, за сына Петра.

8.

ТЕМИШВАРЪ.

Послани отъ Высокоуч. Г. Владислава Стакића,
Богослова и Писара Епископскогъ.

Пречест. ГГ. Самуиль Маширевичъ, Архіандритъ Бездинскій, Консісторіалный и выше Сл. Коміт. Присѣдатель 2 Екс. — Стефанъ Міхайловичъ, А. Е. М. Суггелъ и Чест. Консис. Нотаръ — Владиславъ Веселиновичъ, Протопресвѣтеръ Темішварскій. — Честн. Г. Стефанъ Иліевъ, Намѣстникъ и Парохъ Фабричкій. — Препод. ГГ. Феонъ Богосавлѣвичъ. — Пантенъ Іоанновичъ. — Давидъ Арсеніевичъ, Намѣстникъ. — Ісраиль Зорленцъ, Іероменаси Монастыра С. Георгіевскогъ. — Чест. ГГ. Георгій Ніколичъ, Парохъ Темішварскій и Конс. Присѣдатель. — Димитрій Силадіевичъ, Капелланъ Мало-Гайскій. — Константинъ Хаджи, Діаконъ Темішварскій. Благород. ГГ. Іоаннъ Поповичъ, Конс. Фішкаль. — Паво Живковичъ, Адвокатъ. — Димитрій Дракуличъ, Ц. Кр. Судейскій Актуаръ. — Димитрій Чобановичъ, Медицине Докторъ. — Васілій Петровичъ, Богословъ и Писаръ Епископскій.

Высокоуч. ГГ. II. год. Права Слушатели: Іоаннъ Іоанновичъ. — Павелъ Крестоношичъ. — Аркадій Сабличъ. — Симеонъ Поповичъ. — Даніиль Петровичъ.

Высокоуч. ГГ. I. год. Права Слушатели: Димитрій Васіліевичъ. — Міхаиль Пеичъ. — Даніиль Поповичъ. — Іуліанъ Табаковичъ. — Іоаннъ Фереѣхази.

Высокоучен. ГГ. II. год. Мудролюбія Слушатели: Павелъ Божиѣ. — Димитрій Вуичъ. — Николай Войновичъ. — Александеръ Неделько. — Иліа Петровичъ.

Высокоучен. ГГ. I. год. Мудролюбія Слушатели: Димитрій Грубетечъ. — Іуліанъ Гросеско. — Георгій Іоанновиѣ стар. и Георгій Іоанновиѣ млад. В. Кикинѣани. — Георгій Луяновичъ. — Светозаръ Милковичъ,

изъ Баваништа. — Константинъ Поповичъ изъ Долова.
— Куріілъ Поповичъ. — Іоаннъ Поповичъ. — Андрей
Путичъ изъ Чанада.

Благораз. ГГ. Аурелъ Діаконовичъ Лога Сунтакс.
Іоаннъ Діаконовичъ Лога Ш. Грам. Слуш.

Поштенор. ГГ. Сава Петровичъ, Образописаць. —
Аркадій Пеичъ, Трговаць и Обшт. Членъ. — Ауксентій
Каракашевичъ, Апотекар. Спомоштникъ. — Стефанъ Не-
шковичъ, Кроячь. — Марко Поповичъ изъ Боке. — Ку-
ріілъ Секуличъ изъ В. Бечкерека. — Марко Секуличъ
изъ Нов. Сада. — Никифоръ Груичъ изъ Сент. Ђурђа.

52.

ТОМАШЕВЦЫ.

Послани отъ Чест. Г. Александра Радуловича,
Пароха.

Чест. Г. Александеръ Радуловичъ, Парохъ. — Пошт.
ГГ. Оома Димичъ, Купецъ. — Марко Буковалла, Куп. —
Георгій Поповичъ, Купецъ. — Высокоуч. Г. Георгій
Станковичъ, Совер. Клирикъ. — Пошт. Г. Аѳанасій Ла-
личъ, Титоръ

6.

ФАРКАШДИНЪ.

Послани отъ Пошт. Г. Алексе Івковича, Трговца
и Арендатора.

Чест. Г. Милутинъ Іоанновичъ, Парохъ. — Благо-
раз. ГГ. Васілій Константиновичъ, Учитель. — Милошъ
Ісаковичъ, Учитель Дѣв. — Пошт. ГГ. Александеръ Ів-
ковичъ, Трг. и Арендаторъ. — Оома Івковичъ, Сурса-
бовъ. — Теофанъ Милинъ, Сенаторъ. — Николай Іоа-
новъ, Сенаторъ. — Міхаилъ Царанъ, Екон. Капларъ.
Прокопій Бабићъ, Економ. Гефраит.

9.

ЧАКОВО.

Пошт. ГГ. Георгій Івковичь, Трговъ, за кѣрь Елісавету. — Соломонъ Паниѣъ, Трговаць. Благор. Г. Міхаиль Трандафіровичь, за своє кѣри Господичне Милы и Елісавету. — Благораз. Г. Димитрій Милошевичь, Дѣтонаставникъ Стар. Класе Србске.

5.

Доцніє послани ГГ.Предуписници.

ЕПАРХІА КАРЛШТАДТСКА.

Протопресвѣтератъ Личкій.

Пречест. Г. Даніиль Трбоевичь, Протопрес. Личкій. и Членъ Конс. — Чест. ГГ. Пароси: Міхаиль Драганичь, Радучкій и Членъ Конс. — Ніколай Мандичь, Грачачкій и Членъ Конс. — Філіппъ Добричь, Грачачкій. — Іоаннъ Радошевичь, Грачачкій. — Константінъ Личина, Кійчкій Стефанъ Лустина, Плочанскій. — Георгій Милоевичь, Могоричкій. — Константінъ Поповичь, Вребачкій. — Максимъ Димичь, Островичкій. — Арсеній Гербичь, Ширококулскій. — Іліа Жегараць, Смилянскій. — Θεодоръ Блитва, Дивоселскій. — Лука Богдановичь, Адмін. у Госпичу. — Ісаакъ Милоевичь, Капел. — Ісаакъ Калиничь, Клирикъ. — Пошт. Г. Іаковъ Войводичь, Купецъ.

17.

Протопресвѣтератъ Костайничкій.

Пречест. Г. Міхаиль Чучковичь, Протопресв. Костайничкій и Чест. Конс. Сосѣдатель. — Чест. ГГ. Міхаиль Матѣевичь, Намѣст. Чест. Конс. Сосѣд. и Па-

рохъ І. Іаворанскій. — Сүмеонъ Главашъ, Намѣст. и Парохъ П. Любинскій. — Чест. ГГ. Пароси: Іосифъ Лазаревичъ, Шаканлійскій. — Николай Ілійбашичъ, Краковачкій. — Стоянъ Кукичъ, Іаворанскій. — Рафаиль Зець, І. Баборѣчкій. — Мовсей Драгишичъ, Дворскій. Петаръ Драгишичъ, І. Любинскій. — Стоянъ Лапчевичъ, Адмін. Брѣанскій. — Рафаиль Кукичъ, Капелланъ Іаворанскій.

Чест. ГГ. Пароси: Стефанъ Видаковичъ, Іасеновачкій. — Сүмеонъ Бастаичъ, Адмін. Уштичкій. — Григорій Живковичъ, Парохъ Дубичкій. — Стефанъ Живковичъ, Живайнскій. — Іаковъ Лотина, Слабинскій. — Ілія Балякъ, Костайн. Адмін.

17.

ІАСЕНОВАЦЪ.

Благопошт. ГГ. Купцы: Емануиль Рваѣаничъ. — Іоаннъ Дедовичъ. — Николай Дедовичъ. — Андрей Радоевичъ. — Георгій Димовичъ, за сына Константина. — Іоаннъ Сопичъ, за сынове Александра и Міхайла. — Сүмеонъ Недельковичъ. — Гд. Міхаиль Кутлія, Живописаць. — Гд. Савва Живановичъ, Верх, Надзират. Кр. — Рафаиль Главашъ, Клирикъ. — Стефанъ Живковичъ, П. Класе Ученикъ. — Магдалина Зуберъ, за сына Міхайла. — Іоаннъ Пралица, Црѣвнякъ.

13.

